

В. Кудинов

НА РАЗНЫХ ШИРОТАХ, ДОЛГОТАХ...

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. Кудинов

НА РАЗНЫХ ШИРОТАХ, ДОЛГОТАХ...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (*председатель*), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственные редакторы
и авторы послесловия

В. П. НИКОЛАЕВ и И. Д. СЕРЕБРЯКОВ

Кудинов В.

К 88 На разных широтах, долготах... Послесл.
В. П. Николаева и И. Д. Серебрякова. М.: Главная
редакция восточной литературы издательства «Нау-
ка», 1985.

160 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»)

Автор, проработавший двенадцать лет в Индии и Австралии, делится своими впечатлениями об этих интересных странах. Он приглашает читателя совершить вместе с ним увлекательное путешествие по штатам Индии (Керала, Раджастхан) и Австралии (Западная Австралия, Новый Южный Уэльс), ознакомиться с элементами жизненного уклада, мировоззрением, нравами, обычаями, духовным миром, верованиями, фольклором коренного населения, экономикой, политическим положением государств, о которых идет речь.

К 1905020000-160
013(02)-85 202-85

ББК л8

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

АВСТРАЛИЯ

...ВОЗВРАТИТЬСЯ К ПОТОМКАМ...

— Сколько дней вы предполагаете пробыть в нашем городе на этот раз? — спросил меня Фрэнк А., наш торговый партнер, когда мы закончили с ним деловые переговоры, приведшие меня в Сидней.

— Думаю, что еще два-три дня, не более. Хочу в пятницу или в крайнем случае в субботу возвратиться в Канберру, — ответил я.

— Очень хорошо. Может быть, у вас найдутся три-четыре часа, чтобы съездить в Лаперуз к Джое Тимбери? Помните, когда мы были у него в прошлый ваш приезд, то обещали, что в ближайшие дни приедем снова. А прошли-то уже не дни, а месяцы! Нет, нет, не возражайте, поедем. Закончим дела завтра-послезавтра и во второй половине дня отправимся в Лаперуз.

Уговоривать меня долго не пришлось. Я и сам хотел съездить к Тимбери.

Итак, кто такой Джое Тимбери? Почему живет в Лаперузе, что делает он там, на берегу Ботани-Бея, в маленьком городке — фактически предместье, слившемся с великаном Сиднеем? В Лаперузе находится старейшая в стране резервация аборигенов, потомков тех, которые встречали корабли капитана Джеймса Кука и Первой флотилии капитана Филлипа. Она была основана в 1820 году Маккуори, губернатором колонии Новый Южный Уэльс, и с тех давних времен в ней обитают праправнуки коренных жителей континента. Их всего около двухсот. Раньше в резервации находилось больше аборигенов, но в последние годы многие перебрались из Лаперуза в Сидней, поближе к месту работы, кое-кто и вообще уехал из этого города.

Джое Тимбери — глава этой маленькой колонии коренных обитателей Австралии, людей трагической судьбы, выстоявших против беспощадных колонизаторов, которые начали их уничтожение еще в конце XVIII ве-

ка. Не будет ошибкой сказать, что первый день «открытия» Австралии стал первым днем наступления английских порабощателей на мирные племена исконных хозяев благодатного зеленого материка.

Только люди наивные или без зазрения совести жонглирующие историческими фактами могут утверждать, что Австралийский континент, называвшийся на картах стародавних времен Terra Australis Incognita, был «открыт» европейцами.

Нет, не голландские мореплаватели и не капитан Кук открыли Австралию. Ее первооткрывателями были предки ныне здравствующих австралийских аборигенов, пришедшие на материк с севера примерно 30 тысяч лет назад... Поэтому слово «открытие» следует ставить в кавычки. На этом континенте ко времени прибытия европейцев жили люди, имевшие уже свою историю, культуру, обычаи, верования, жизненный уклад...

...Итак, Австралию открыли... австралийцы — предки ныне живущих на этой земле аборигенов. И они же были первыми землепроходцами, которые осваивали в течение сотен веков и собственно континент, и остров Тасманию.

Чужеземцы-колонизаторы ничего другого не открыли, кроме пути из Европы на затаившийся в безбрежных водных просторах материк, и на основе беспощадного принципа — права сильного присвоили себе заслуги «открытия» в далеких Тихом и Индийском океанах новой земли, ставшей колонией, а затем и доминионом Англии.

Поэтому, вполне естественно, было очень интересно познакомиться и поговорить с коренными жителями Австралийского континента, истинными хозяевами его огромных пространств.

Население Австралийского Союза составляет около 15 миллионов человек. Коренных жителей насчитывается всего 49,7 тысячи, и 77 тысяч составляют метисы (полукровки).

В стране все принадлежит белым пришельцам: и земля, и ее недра. С момента появления на материке колонизаторы стали грабить и уничтожать аборигенов. И если в начале английской колонизации на Австралийском континенте жило около 500—600 разных народов общей численностью 250—300 тысяч человек, то теперь?! Вы уже прочитали об этом выше.

Однако многое на континенте напоминает о его ко-

ренных жителях. Города, улицы, реки, морские пляжи носят названия на языках коренных австралийцев. Их значение известно всем гражданам Австралийского Союза, например: бондай — вода, разбивающаяся о скалы; катумба — ниспадающая вода; боврал — высокий или большой; парраматта — верховье реки; вумера — копьеметалка; киама — благодатное место для рыбной ловли; кован — большая вода; иллаварра — возвышенное место...

Здесь нельзя не вспомнить и о людях острова Тасмания. Сейчас нет ни одного тасманийца. Их уничтожение завершилось еще в конце прошлого века. Теперь уже никто не говорит на языке тасманийцев, лишь тасманийские названия местностей напоминают о нем...

В австралийских музеях аборигенам посвящены большие, со вкусом оформленные стенды и целые залы. Этнографы, антропологи, историки создали ряд научно-популярных фильмов о коренных австралийцах. Без таких фильмов невозможно было бы представить жизнь, которую все еще ведут в Австралии немногочисленные коренные жители, такие, например, как семьи Джагамары и Минмы, о которых был создан фильм. Они кочевали в Западной пустыне... Добывали пищу в безводных районах, где, казалось, ничего не растет и нет никакой живности, а они не только жили, но еще и растили детей, проявляя при этом чудеса жизнеспособности...

Во многих городах страны, особенно крупных, витрины магазинов заполнены сувенирами, изготовленными аборигенами: бумерангами, картинами на коре, предметами домашней утвари, украшенными разнообразными росписями.

Закончив все дела, выезжаем с Фрэнком в Лаперуз. От центра города до Лаперуза около 15 километров. Сейчас не час пик, поэтому едем довольно быстро, но в пределах дозволенной скорости — 35 миль, то есть примерно 55 километров в час.

По дороге мой спутник показывает мне достопримечательности города, мимо которых мы проезжаем.

Фрэнк резко поворачивает с Джордж-стрит на Мартин-плейс. В центре Сиднея нет площади и роль ее выполняет эта короткая улица (каких-нибудь 750 метров длиной). По обеим ее сторонам расположились здания

банков, страховых компаний, солидных фирм. Но они не представляют интереса для местных жителей и туристов. Основной достопримечательностью является Главпочтамт, с которого ведется отсчет от Сиднея до всех населенных пунктов страны. Это величественное здание венчает высокая четырехугольная башня, состоящая из трех ярусов, которые поддерживают двенадцать колонн; с четырех сторон башни находятся огромные часы. А над этой четырехугольной башней расположилась другая, круглая, тоже подпираемая колоннами. Над всем этим сооружением возвышается купольная башня, «выстреливающая» в проплывающие облака шпиль, на конец которого насажен шар, кажущийся снизу не более булавочной головки. Нет сомнения, что это красивое здание придает особый колорит улице, украшает ее. Напротив Главпочтамта находится еще одна достопримечательность Сиднея — кенотаф, памятник австралийским солдатам и матросам, павшим во время первой мировой войны. Этот памятник, установленный в 1927 году, — работа пользующегося мировой известностью австралийского скульптора Бертрама Мак-Кеннала.

Именно на Мартин-плейс происходят военные парады и демонстрации во время праздников... Сворачиваем на улицу Элизабет.

— Сейчас поедем вдоль Гайд-парка, — обращается ко мне Фрэнк. — Перед нами две достопримечательности: первая — церковь св. Джеймса, заложена еще в тысяча восемьсот девятнадцатом году. Согласитесь, что для нашего, не достигшего еще двухсотлетия государства это древнейшая постройка. Обратите внимание на ее архитектурный стиль времен эпохи английского короля Георга. Посмотрите на ее грандиозный медный, позеленевший от времени шпиль. Правда, красиво?

— Фрэнк, — говорю я, — помилосердствуйте. Нам до Лаперуза нужно проехать всего пятнадцать километров. Один мы уже проехали. Все время говорим о достопримечательностях Сиднея и ни слова об аборигенах. Если так пойдет и дальше, у нас не останется времени поговорить о главном. Мы ведь едем к Тимбери, а не совершаем экскурсию по городу.

— Хорошо, — соглашается Фрэнк, — еще вот только чуточку. Посмотрите на мемориальный фонтан, носящий имя его создателя Арчибальда. Он сооружен в тысяча девятьсот тридцать втором году в память австра-

ло-французского союза в войне тысяча девятьсот четырнадцатого-восемнадцатого годов. Вы видели этот чудесный фонтан вблизи? Помните, в центре на высоком цоколе Аполлон: правая рука поднята вверх, кажется, что это не скульптура, а живой человек. А по периметру бассейна с водой, окружающего его, три скульптурные группы: Диана-охотница с ланью, Пан и Тезей, убивающий Минотавра. Отовсюду бьют струи воды. В брызгах, пене и Аполлон, и Диана, и Тезей, и Пан, и лань, и Минотавр как бы движутся. Полное впечатление, что они не из бронзы, а из плоти.

Сейчас повернем налево, на Ливерпуль-стрит, и обогнем Гайд-парк; обратите внимание на памятник жертвам войны, тем, кто в первую мировую войну сражался в рядах АНЗАКа¹ и не вернулся с фронтов Европы.

— Я был, Фрэнк, в этом мемориале, — сказал я. — Прекрасный памятник. Высотой с десятиэтажный дом. Гранит, белый мрамор, бронзовые скульптуры. Кто его создал?

— Выдающиеся архитектор и скульптор, мои соотечественники-австралийцы — Деллит и Хофф.

По лицу Фрэнка было видно, что он гордится и произведением своих соотечественников, и их мировой известностью.

— Сейчас повернем на улицу Оксфорд, а затем на площади Тейлора свернем на улицу Флиндерса, которая перейдет в проспект АНЗАК-парейд, ведущий прямо в Лаперуз.

Нам везет. Движемся почти без задержек, останавливаемся лишь у светофоров. Долго едем по бесконечному проспекту АНЗАК-парейд, пересекающему Сидней с северо-запада на юго-восток. Слева и справа тянутся парковые зоны — огромные парки Мур и Сентениал, поляны для игры в гольф, детские и спортивные площадки, теннисные корты, выставочные павильоны, стадионы для игры в крикет. Затем минуем ипподром, и уже едем вдоль одного из университетов Сиднея — университета Нового Южного Уэльса. На его территории около двадцати зданий старой и новой постройки, где размещены аудитории, лаборатории многочисленных факультетов. Наибольшее впечатление оставляют главное

---

¹ АНЗАК (от англ. сокр. ANZAC) — Австралийско-Новозеландский армейский корпус.— *Здесь и далее примеч. авт.*

здание университета, здание библиотеки и корпус химического факультета.

Проезжаем несколько жилых районов, государственных учреждений, госпиталь принца Генри, и проспект делает крутой поворот направо.

— Приближаемся к Лаперузу, — сказал Фрэнк. — Прошлый раз мы подъезжали сюда с севера, а сегодня — с востока. Еще полмили, и мы увидим Ботани-Бей. АНЗАК-парейд закончится петлей, которая как бы захлестнет зеленую лужайку, где установлен обелиск в память высадки в этом месте французского мореплавателя и исследователя Жана Франсуа Лаперуза и экипажей двух судов, находившихся под его командованием.

Наконец перед нами заблестали воды залива.

— Давайте подъедем сперва к обелиску, видите его? — спрашивает меня мой спутник.

— Вижу! Не заметить его невозможно. Но почему вы не показали мне его в прошлый приезд?

— Я же вам только что объяснил, что в прошлый раз мы подъезжали с севера, то есть по улице Баннеронг. Оттуда обелиск не виден. А потом, оставив слева Вумера-авеню, повернули на улицу Ярра, а оттуда по Элору-авеню подъехали к резервации. Схватываете? Одни названия улиц чего стоят! Слова-то из лексикона аборигенов! Сейчас остановимся у обелиска, и я расскажу вам, почему это место на берегу Ботани-Бея названо именем французского мореплавателя. Читали о нем?

— Читал, но большой упор в книгах всегда делался на то, что он — исследователь островов Тихого океана, берегов Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии. Кстати, его именем назван пролив между советским островом Сахалин и японским островом Хоккайдо. Этим проливом соединяются Японское и Охотское моря. Знаете ли вы об этом?

— Не припоминаю, — задумчиво сказал Фрэнк.

— Ну ничего, впредь будете знать, а теперь, будьте добры, расскажите, что делал Лаперуз в этих местах.

— Да ничего особенного, — шутит Фрэнк. — Он просто-напросто побывал здесь. Вам, должно быть, хорошо известно, что так называемая Первая флотилия в составе двух военных кораблей и девяти транспортных судов под командованием капитана Артура Филлипа вышла из Англии тринадцатого мая тысяча семьсот во-

Семьдесят седьмого года с целью колонизации Нового Южного Уэльса в путь, который проложил еще капитан Джеймс Кук на своем «Индевре» в тысяча семьсот семидесятом году. Свое нынешнее название — Австралия — материк получил много лет спустя. Так вот, когда двадцать шестого января тысяча семьсот восемьдесят восьмого года гремели якорь-цепи в клюзах кораблей Первой флотилии при постановке на якорь в укромной бухте Сидней-Кав, находящейся в заливе Порт-Джексон, в этот же самый день в Ботани-Бей вошли и стали на якорь два французских военных корабля под командованием Лаперуза, не подозревавшего, что английские корабли ушли отсюда за несколько часов до его прибытия. Здесь он оставался довольно долго — около полутора месяцев. В течение этого времени французы навели порядок на своих судах, изрядно потрепанных в океанских просторах в период длительного перехода к неизвестным еще тогда землям, собрали две лодки, необходимые для нужд экспедиции, из отдельных деталей, которыми они запаслись еще в Европе.

Пока команды производили эти работы, — продолжает Фрэнк свой рассказ, — французские ученые, находившиеся на борту кораблей, высадились на берег и изучали флору и фауну прибрежной полосы. Интересно, что, исследуя эти места, французы встретились-таки с капитаном Филлипом и членами его экипажей, после чего они обменялись визитами и некоторыми полученными научными данными, которые имели большое значение для обеих сторон.

В то же самое время в известной теперь всему миру бухте Сидней-Кав происходили важные события: седьмого февраля тысяча семьсот восемьдесят восьмого года был оглашен королевский указ об открытии колонии Новый Южный Уэльс, протянувшейся от полуострова Кейп-Йорк на севере до мыса Юго-Восточный на юге. На запад граница новой колонии простиралась до сто тридцать пятого градуса восточной долготы. Фактически это составляло половину Австралийского материка. Этим же указом капитан Филлип назначался губернатором Нового Южного Уэльса. Он и начал строить город, получивший название в честь лорда Сиднея, государственного секретаря по делам колоний Великобритании. Все началось с десятка одноэтажных домиков, построенных на берегах укромной бухты Сид-

ней-Кав, той самой, где сооружены пять пирсов, к которым швартуются ферри (паромы), и причалы для пассажирских и иных судов, протянувшиеся по ее западному и восточному берегам. На восточном входном мысе, Бэннелонге, воздвигнут оперный театр, на западном, Доусе, вознеслась опорная башня однопролетного сиднейского моста, перекинутого через залив Порт-Джексон, одного из самых больших в мире.

Последние сведения о Лаперузе относятся ко времени его пребывания в Ботани-Бее. Пополнив запасы пресной воды и погрузив продукты питания, французские корабли снялись с якоря и вышли из Ботани-Бея в Тихий океан. Они потерпели кораблекрушение в 1788 году, разбившись о рифы у острова Ваникоро². Что случилось с членами экипажей, неизвестно.

Пока Фрэнк рассказывал о печальной участи французского мореплавателя, мы подъехали к обелиску, сооруженному в память Лаперуза. Высокая, светлая, круглая колонна, установленная на трехступенчатом постаменте, хорошо смотрелась на фоне моря и неба. Полюбовавшись ею, мы подъехали к большой демонстрационной доске вблизи обелиска, на которой была изображена красочная карта восточной части Ботани-Бея. Собственно Лаперуз — район города Сиднея, занимает оконечность полуострова. На севере его граница проходит по линии бухта Ярра — бухта Литтл, а на юге он отделен проливом от полуострова Карнелл. Этот пролив соединяет Ботани-Бей с Тихим океаном. На северную оконечность полуострова Карнелл, со стороны Ботани-Бея, и высаживался на берег 29 апреля 1770 года капитан Джеймс Кук.

А в 1870 году в этом месте в честь столетнего юбилея со времени высадки был разбит парк и воздвигнут мемориал в память о Куке и его сподвижниках. Парк и мемориал занимают площадь около 120 гектаров.

Вверху демонстрационной доски написано крупными буквами: «Место рождения Австралии».

Все достопримечательные места Ботани-Бея обозначены на карте цифрами:

1. Место высадки капитана Артура Филлипа в бухте Ярра 18 января 1788 года³.

² Остров Ваникоро находится в юго-западной части Тихого океана в группе островов Санта-Крус (совр. государство Соломоновых островов).

³ Район города в этом месте называется Бухта Филлипа.

2. Резервация аборигенов.

3. Место высадки Лаперуза в бухте Френчмен⁴ 26 января 1788 года.

4. Место захоронения члена экспедиции Лаперуза, ботаника и священника Рёсёвёра (февраль, 1788 год).

5. Обелиск в честь Лаперуза, установленный в 1824 году.

6. Первая станция кабельной связи Австралии с Новой Зеландией, основанная в 1882 году.

7. Первая в Австралии таможня, построенная во время правления губернатора Маккуори.

8. Военный форт на острове Бэр.

Этот форт был построен в 1881—1885 гг. для обороны Сиднея с юга. Теперь в здании форта находится музей. В нем экспонируются всевозможные реликвии аборигенов; кандалы, одежда, утварь и другое имущество каторжников; различное оружие, вещи и предметы, так или иначе связанные с первым поселением.

9. Заповедник (площадь 66 акров).

10. Место высадки капитана Джеймса Кука на полуостров Карнелл 29 апреля 1770 года.

Прочитав все на демонстрационной доске, мы тронулись дальше, обмениваясь впечатлениями об увиденном, к цели нашего путешествия — в гости к потомкам истинных хозяев Австралийского континента...

И вот мы въезжаем в резервацию. Она не огорожена, и доступ в нее свободен. Между одноэтажными домами-коттеджами и берегом, омываемым синей водой залива, широкая полоса, покрытая густой зеленой травой.

Фрэнк остановил машину под развесистым деревом, в тени которого ходило, сидело и лежало с десятков разномастных собак, явно не голодных, не обративших на нас никакого внимания.

Тут я увидел, что из-под земли появилась голова еще одной собаки, выбиравшейся из норы, скрытой в траве. Собака отряхнулась и направилась к дереву. Оказалось, что рядом со мной имеется еще несколько нор, в одну из которых вползла рыжая собака, до этого спокойно стоявшая в двух метрах от меня.

Я никогда не видел, чтобы собаки жили в норах, и спросил об этом у Фрэнка.

— От жары, наверное, спасаются. А впрочем, кто их

---

⁴ Frenchman's bay — бухта французов.

знает. — И он махнул рукой, давая этим понять, что «собачий» вопрос не входит в его компетенцию.

— Я возьму с собой фотоаппарат, — сказал я.

— Берите, — коротко ответил Фрэнк, запирая дверцу машины.

Фотографировать аборигенов без их согласия не разрешается. Часто фотографии, которые делали многочисленные туристы, становились орудием дискриминации коренных жителей Австралии, поэтому аборигены не любят, когда их фотографируют.

— Думаю сегодня попросить Джое разрешить сделать несколько снимков, хотелось бы иметь на память.

От машины до дома Тимбери было метров сто. По дороге мы встретили нескольких мальчиков пяти-семи лет, да у одного из домов на расстеленных на траве подстилках сидели девять человек — мужчины и женщины, большинство среднего возраста. Перед ними стояли тарелки с закуской и бутылки виски и вина. Компания была несколько навеселе. Несмотря на жару, почти все мужчины были в пиджаках и галстуках.

Мужчины и женщины почти не разговаривали между собой. Создавалось впечатление, что они отбывают какую-то повинность. Казалось, что это не живые люди, устроившие пикник на траве, в тени, отбрасываемой домом и деревом, чтобы поболтать о том о сем, а застывшие манекены на унылой фотографии, до того все они были малоподвижны. Особенно выделялся один широколицый мужчина. Он как бы окаменел сидя, широко раздвинув ноги, обутые в яркие желтые полуботинки с развязанными шнурками. Он не то спал, не то был в состоянии прострации. Сумрачное выражение его лица приковывало к себе внимание. Все остальные выглядели ненамного лучше. Лишь одна женщина лет сорока пяти в ярком платье что-то говорила на ухо своей соседке, сидящей к ней спиной. Веселья не было, царило одуряющее уныние, резко контрастирующее со щедрой природой — ярко-зеленой травой, теплым морским ветерком, солнцем в голубом небе...

Мы прошли мимо, не возбудив у компании никакого любопытства.

— Вон и дом Джое, — сказал Фрэнк, указывая на белый одноэтажный коттедж, стоявший на высоком фундаменте.

Я хотел было сделать снимок и уже поднял фотоаппарат, но в это время в окне показалась женщина в

светлом, легком платье. Она оперлась о подоконник и, возвышаясь над нами, как на капитанском мостике, вопросительно посмотрела на нас сверху вниз. Это была жена Джое.

— Можем ли мы видеть мистера Тимбери? — спросил Фрэнк.

— Его нет дома, он уехал в город.

— А когда вернется?

— Не знаю, наверное скоро, подождите, — ответила жена Тимбери и отошла от окна.

Не успела она скрыться из виду, как на грунтовой дороге, пролегающей за домом Джое, вынырнув из-за холма, покрытого травой, показалась автомашина, за рулем которой сидел Тимбери собственной персоной. Поравнявшись с нами, он остановил машину и, извинившись, попросил подождать его несколько минут, пока он поставит ее на место.

Он отъехал от нас метров на пятьдесят, взял сумку с заднего сиденья, захлопнул дверцу и направился к нам. На минуту он задержался подле компании, расположившейся на траве, поговорил о чем-то и подошел к нам, улыбаясь, — сильный, коренастый. Он поставил сумку на траву и протянул нам руку.

— Рад видеть вас, давно не были в Лаперузе, — сказал Джое.

— Все дела да дела, они-то и задерживали нас, — ответил Фрэнк.

— У всех нынче много дел, — философски заметил Тимбери. — Вот и я ездил в Сидней по делам. Ну что, пройдемте в дом?

— Может, посмотрим сперва бумеранги и вашу лекцию оружия аборигенов? — предложил я.

— Пусть будет по-вашему. Я зайду только на минуту в дом, принесу бумеранги, — согласился Тимбери.

Через две-три минуты он уже сбегал по ступенькам дома, держа в руках с десяток барганов — возвращающихся бумерангов.

— Пойдемте-ка туда, — сказал Тимбери, указывая на высокие деревья метрах в двухстах от его дома на широком открытом пространстве.

Мы последовали за ним.

— Не расскажете ли пока нам о возвращающихся бумерангах, как их бросать, всегда ли они возвращаются? — попросил я Тимбери.

— Как бросать, я сейчас покажу, а возвращаются

они не всегда. В газетах часто употребляют выражения «произошел эффект бумеранга», «имеет свойство бумеранга», особенно когда речь идет о каком-либо политическом акте и ответном действии другой стороны. Запомните, барган возвратится к вам, лишь если он не попадет в цель. Это оружие использовалось, да и теперь еще кое-где используется, только жителями морского побережья. Аборигены, жившие в центральных районах континента, его не знали. Барганы предназначаются для охоты на птиц. Попасть в одиноко летящую птицу можно, но очень трудно. Барган бросают в стаю; он, вращаясь с большой скоростью, попадает в птицу и захватывает ее туловище одной из своих лопастей. Имея поступательное движение плюс вращение, барган, столкнувшись с птицей, на мгновение как бы останавливается, но под воздействием силы инерции начинает с большой скоростью вращаться вокруг нее. Все животные подвержены шоку, птицы также. Вращаясь, барган как бы теребит ее. Из нее летят пух и перья, и птица в «обморочном состоянии» падает на землю. Тут охотник должен как можно быстрее схватить ее, пока она не успела прийти в себя и улететь. Барган же после поражения птицы падает где-нибудь поблизости от своей жертвы, а не возвращается к охотнику. Если же он пролетит мимо цели, то есть не попадет в птицу, то возвратится к метнувшему его человеку, но только когда выполнен ряд обязательных условий при броске. Я расскажу вам о них позже, если хотите.

— Конечно, хотим, это очень интересно, — сказал я. — Мы давно знакомы с вами, Джое, но никогда нам не удавалось поговорить об этом. Опять, знаете ли, все времени нет.

— Хорошо, — ответил Тимбери, — побеседуем на эту тему позже. А сейчас хочу лишь добавить кое-что...

Когда наши люди жили еще племенами, барганы применяли во время игр, соревнований. Метание барганов можно с полным основанием назвать одним из видов древнего спорта аборигенов. Теперь же посмотрим, как поведут себя при броске вот эти барганы — творения рук моих и сына.

Он положил барганы на траву, оставив один в руке.

Я наклонился и поднял с земли барган. Впервые в жизни я держал в руках не сувенирный, а настоящий бумеранг. Согласитесь, такое случается не каждый день. Но, вертя его в руках и рассматривая сверху и снизу,

я был, признаться, несколько разочарован, так как полагал, что такое оружие, как возвращающийся бумеранг, о котором часто приходится читать и слышать, выглядит более внушительно.

Барган оказался довольно легким — граммов 250, наибольшая толщина в месте угла раствора двух лопастей — примерно семь миллиметров. Его метают на значительное расстояние, около полусотни метров. Птицы при перелетах в стае в поисках корма, как правило, находятся в воздухе на высоте 10—20 метров. При этом необходимо учитывать еще и их удаленность от охотника по горизонтали на 20—30 метров. Вот и получается, что нужно метнуть барган с расчетом, чтобы при попадании в птицу он имел еще достаточную скорость.

— Сейчас я метну его, а вы смотрите, как он полетит и вернется, — сказал Джое, занося барган для броска. — Потом я объясню, как это делается, и, если захотите, можете попробовать сами...

Брошенный сильной и умелой рукой, барган на мгновение замер в двадцати пяти—тридцати метрах над землей, а затем, ускоряя движение и набирая обороты, полетел по наклонной прямо на нас. Казалось, что еще секунда-две — и он попадет в Джое или меня (я стоял рядом с Тимбери). Однако этого не произошло. Метрах в пятнадцати от нас, находясь на высоте около двух метров над землей, бумеранг снова стал набирать высоту и пролетел над нашими головами. Я быстро обернулся. Скорость бумеранга уменьшилась, число оборотов стало меньше: он остановился на высоте примерно шести метров и словно застыл. Затем опять начал снижаться, скользя по воздуху прямо к нам, медленно вращаясь. Тимбери протянул руку и ловко схватил бумеранг, на небольшой скорости подлетевший к нему. Каждый следующий барган он ловил другим способом: то «прихлопывал» его ладонью на приподнятом колене, то останавливал над самой головой...

Мои попытки правильно бросить бумеранг не увенчались успехом, хотя Джое, не жалея ни слов, ни времени, объяснял и показывал, как это нужно делать. Я понял, что искусство метания бумеранга требует длительной подготовки.

По ходу моего «обучения» я попросил у Тимбери разрешения сфотографировать его в момент броска. Он не возражал.

— Скажите, Джое, — спросил я, — сколько лет затрачивал юноша, живший в племени, на то, чтобы научиться бросать барган?

— Лет шесть-восемь, — ответил Тимбери и, поколебавшись секунду-другую, продолжил: — После инициации юношу, распрощавшегося таким образом с детством, поручали опытному охотнику, который обязан был обучать его всему тому, что знал сам; этот юноша становился как бы тенью своего наставника. Поскольку каждый день нужно было добывать пищу (аборигены никогда не запасались едой впрок), охотник со своим учеником много часов проводили вместе, выслеживая животных, а также птиц; ловили рыбу. Таким образом, постепенно, год за годом, юноша овладевал искусством обращения с копьем, вумерой, бумерангом, если племя располагало таким оружием. Изучал повадки животных, умел «читать» их следы. Знал, когда можно, а когда нельзя убивать их; например, самок кенгуру с детенышами щадили. Одновременно с этим шло воспитание молодого человека в духе законов племени, он познавал обычаи, нравы. По прошествии нескольких лет юноша признавался мужчиной. Ему разрешалось обзаводиться семьей, так как он мог прокормить ее, уберечь от разных невзгод, стихийных бедствий.

Тимбери выполнил свое обещание, рассказал, какие условия нужно соблюдать, чтобы правильно метнуть барган.

— Прежде всего, — объяснил он, — следует стать под углом сорок пять градусов к ветру. Например, если ветер дует с севера, то вы должны стать лицом на северо-восток.

Далее: берете один конец баргана в руку так, чтобы его плоскость была несколько развернута — под углом десять градусов. Делаете шаг вперед левой ногой и заносите руку (с барганом) назад, далеко за голову. Затем, резко шагнув правой ногой вперед, бросаете его, но таким образом, чтобы барган был выпущен из руки в тот самый момент, когда он находится на уровне лица. Естественно, чем сильнее вы метнете барган, тем дальше он полетит.

— Многие европейцы в нашей стране, — сказал Тимбери, — сейчас увлекаются метанием бумерангов, не с целью охоты на птиц, а просто так, и некоторые добиваются успеха. Но главной целью этих спортсменов является отработка точного броска, чтобы бумеранг вер-

нулся прямо в руки, как только что делал я. Устраиваются настоящие соревнования... Для тренировок нужны только открытые пространства, которых в Австралии предостаточно. Во время полета бумеранга нужно обязательно смотреть: если он уклоняется от вас, например, вправо, значит, вы бросили его под большим углом, чем сорок пять градусов, то есть «правее» направления ветра. Это наблюдение позволит вам скорректировать следующий бросок. Как в любом виде спорта, здесь тоже следует изучать свои промахи, просчеты, неточности, — закончил свои пояснения Джое и добавил:

— Пойдемте к дому, вон как раз возвратился из города мой сын, тоже Джое.

Действительно, мы увидели Джое-младшего, который в этот момент поднимался на крыльцо коттеджа.

Собрав бумеранги, мы направились к дому.

По дороге, улучив момент, Фрэнк шепнул мне:

— Попросите Джое показать вам его коллекцию оружия и домашней утвари аборигенов, он сейчас в хорошем настроении и, вероятно, не откажет вам.

Со слов Фрэнка я знал, что Тимбери не только глава этой резервации аборигенов, на территории которой мы сейчас находились, но и чемпион Австралии по метанию бумеранга. Знал, что Джое очень разносторонний человек: сам делает бумеранги, сувениры, пишет стихи, коллекционирует оружие, домашнюю утварь аборигенов разных племен...

— Мне бы очень хотелось посмотреть вашу коллекцию, если это возможно, — обратился я к нему.

Джое хитро посмотрел на Фрэнка и сказал:

— Я вижу, вы создаете мне рекламу, Фрэнк. Мало того, что привезли сюда редкого гостя — из самого Советского Союза, но еще и представили меня как большого коллекционера, владельца «музея», — и, обращаясь уже ко мне, добавил: — Фрэнк по своей доброте преувеличил значение двух-трех десятков экспонатов, которые я собрал, бродя по стране, посещая заброшенные стоянки аборигенов. Конечно, я покажу вам все, что у меня есть, но эти изделия далеки от совершенства. Понравятся ли они вам? Смотрите... разочаруетесь.

— Что вы! Мне все интересно...

Тимбери прошел к пристройке к дому, в которой хранилась его коллекция. Ее хозяин явно поскромничал.

Там было, что посмотреть: копья с деревянными и бамбуковыми древками, с каменными наконечниками и без них. К некоторым копьям были прикреплены или насажены на них зазубренные наконечники, изготовленные из акульих зубов, костей рыб и животных и кварцитовых пластин; вумеры, щиты, бумеранги всевозможных размеров и типов, разнообразные палицы и дубинки, каменные топоры, гарпуны, палки-копалки — практически единственные орудия труда, да и оружие женщин, используемые ими при добыче пищи. Ими и выкапывают съедобные корни, и собирают плоды с деревьев, и обороняются, и дерутся.

Были в пристройке еще и предметы хозяйственной утвари: сосуды из коры для переноски воды, *куламоны* — деревянные корытца, в которых кроме воды и пищи женщины носят еще и младенцев; плетенные из стеблей травы и волокон пандануса сумки — *дилли* — различного назначения, служащие даже для переноски воды, настолько плотно они сплетены. Музыкальные инструменты — разнообразные и разнотипные диджери-ду⁵, палки для отбивания ритма и гуделки.

Не могу не сказать, что многие предметы коллекции хорошо оформлены, раскрашены и выглядят очень привлекательно. Большинство экспонатов изготовлено давно, а некоторые очень давно, и, отвечая на мои вопросы — сколько лет этому копыю, вумере, куламону, — Тимбери зачастую говорил: очень много, лет сто-двести, а может быть, и больше — этого никто не знает, и определить точно нельзя.

Все посмотреть мы так и не смогли. В пристройке было душно, за ее стенами температура перевалила за 30 градусов. Условились с Джое, что еще как-нибудь приедем посмотреть коллекцию...

— Здесь все, что вы собрали, путешествуя по стране? — спросил я.

— Нет, кое-что храню в доме: одежду разных племен, некоторые культовые предметы, символы. Но они мало интересны для вас.

Я хотел было возразить, но подумал, что, раз хозяин не считает нужным показывать нам эти экспонаты, значит, у него имеются свои соображения.

— К тому же существует масса книг о различных

---

⁵ Диджери-ду — музыкальный инструмент северных племен австралийских аборигенов, разновидность трубы; сделана из дерева.

каменных и деревянных предметах и изделиях, используемых во время религиозных обрядов и торжественных церемоний, — заключил Тимбери.

Понимая, что, возможно, речь идет о священных символах — *чуринги*, *ваниги* и других, которые, как правило, нельзя показывать людям, не имеющим к ним отношения, я больше ни о чем не стал расспрашивать коллекционера.

«Если разместить на стендах и развесить на стенах какого-нибудь музея все эти экспонаты, — подумал я, — они наверняка займут значительное место в музейной экспозиции».

Здесь же, в пристройке, им было очень тесно. Например, десятки копий, обвязанные бечевкой подобно снопу пшеницы, стояли в одном углу помещения. А сколько штук их там было?

Фрэнк говорил мне, что музеи страны неоднократно пытались купить у Тимбери его коллекцию, но он отказывался от любых предложений.

— Зайдем в дом? — полувопросительно-полуприглашающе произнес наш хозяин.

— Да нет, — сказал Фрэнк, — лучше присядем где-нибудь в тени, на воздухе. В доме, наверное, жарко, а здесь попрохладнее — ветерок тянет с моря.

— Хорошо, — ответил Тимбери, — пойдете вон к тому дереву. Там как раз лежит бревно.

Перед нами широко расстирался ярко-зеленый травяной покров, как бы ниспадающий метрах в двухстах от нас в сине-голубую воду Ботани-Бея. Ярко светило солнце, голубое небо — без облачка.

Густую листву дерева, укрывавшую нас от зноя, чуть-чуть шевелил легкий морской бриз, и пробивавшиеся время от времени солнечные лучи на мгновение озаряли траву, наши лица и одежду, так что создавалось впечатление, будто мы сами и земля под ногами — все движется.

— Джое, — обратился я к нашему любезному хозяину, — вот вы изготавливаете сувениры, бумеранги — настоящие возвращающиеся. У вас современные инструменты из металла, и это, конечно, не требует тех усилий, которые в прошлом затрачивали умельцы, используя каменные топоры, ножи, тесла, долота, камни для отбивки и шлифовки, шкурки из акульей кожи для полировки поверхности. Но наверняка и сейчас имеются свои сложности?

— Вы задали непростой вопрос, и ответить на него кратко нельзя. Но я попытаюсь. Да, теперь есть хорошие инструменты, которые не были известны моим предкам. Да и немало времени прошло с тех пор, как их потомки, после прихода европейцев, начали овладевать металлическими орудиями труда. Их никто не учил, как ими пользоваться, о современной технике они узнали не сразу. Проходили десятилетия, аборигены ошупью продвигались вперед. Например, случайно они обнаружили на стоянках белых людей разбитые бутылки из-под виски и додумались изготавливать из осколков стекла наконечники для копий, обтачивая осколки стекла о камни; керамические изоляторы тоже пошли в ход для этих же целей. Оказались со временем в их руках и металлические ножи, лезвия бритв, консервные банки и разные предметы утвари...

Но вернемся к изготовлению бумерангов и их распространению в этой стране. Как вы знаете, я делаю бумеранги, сувениры, продаю их, и это является моим основным источником существования. Должен заметить, что сейчас в Сиднее очень мало людей, умеющих изготавливать бумеранги.

— А где вы достаете материал? Ведь, чтобы изготовить барган, нужно иметь дерево определенной породы или качества, не так ли? — спросил Фрэнк.

— Конечно, — ответил Тимбери. — Начнем с того, что ежегодно мы с Джое, моим сыном, уходим, можно сказать, в экспедицию на месяц-два. Бродим по бушу, разным районам страны в поисках материала. Речь идет не только о качестве и сорте древесины, но и о выборе ветки дерева определенной конфигурации. В буше мы находим и собираем то, что нам нужно. Нагруженные материалом, мы возвращаемся в Лаперуз.

Ну а дальше это уже дело мастера. Сначала производим обработку дерева, придаем нужную форму заготовке, обтесываем и шлифуем поверхность, доводим до соответствующего размера, толщины и пропорций. Когда все готово, наносим узоры, рисунки, надписи на верхней плоскости бумеранга. Нижнюю плоскость также украшаем, покрывая ее каким-либо стилизованным орнаментом. Рисунки и узоры или наносятся красками, или выжигаются иглой.

— Но для этого нужно уметь хорошо рисовать, не так ли? — спросил я.

— Да, рисовать, в определенной степени, нужно

уметь,— ответил Тимбери и добавил:— Бумеранг без украшений стоит дешевле и пользуется меньшим спросом у покупателей, приобретающих его как сувенир. Но не в этом суть. В прошлом, измеряемом веками, каждый охотник и обладатель бумеранга, да и другого оружия, всегда старался украсить его. Раскрашивал, наносил узоры, рисунки. Кто как мог. В этом выражалась не только любовь и уважение к своему оружию, но и благодарность ему как кормильцу. Европейцам, в особенности в настоящее время, никогда не понять, что стоило аборигену обеспечить себя, свою семью пищей в условиях кочевой жизни племени, которое практически все время находилось в движении в поисках дичи, растительной пищи, новых мест, где произрастали, например, ямс, лилии, съедобные корни, травы, злаки, из которых получали грубую муку путем их размельчения и пекли своеобразные лепешки. К тому же в условиях нехватки источников пресной воды нужно было зачастую искать и добывать ее из-под земли, в корнях деревьев. Аборигены очень ценили сумки *дилли*, *куламоны*, сосуды из коры деревьев для переноса воды, без которых они не могли обходиться. Их тоже разрисовывали и украшали. Я наношу на бумеранги узоры и разрисовываю их не для того, чтобы поднять на них цену на доллар-два, а просто потому, что без этого бумеранг не будет тем бумерангом, которым он должен быть.

— В Австралии во многих городах в сотнях магазинов продаются бумеранги. Они очень похожи на настоящие. Кто их делает? — спросил Фрэнк.

— Если вы располагаете временем, я могу рассказать, как организована торговля ими, — ответил Джое.

— Времени у нас достаточно, пусть это вас не беспокоит, — сказал я.

Тимбери поднялся с бревна и стал передо мною и Фрэнком, как бы собираясь держать речь.

— В настоящее время, — начал он, скрестив руки на груди, — в Австралии изготавливают тысячи бумерангов, причем их производят люди, обладающие небольшим опытом в этом деле или вообще не имеющие понятия, как такое оружие должно быть сработано. Добавлю, что многие, если не большинство этих производителей, не умеют или очень плохо умеют метать бумеранги, поэтому, естественно, и не испытывают свои изделия в деле. Последнее, — добавил Джое, — я говорю

вам как чемпион Австралии по метанию бумеранга, прошу мне поверить...

У меня не было сомнения, что он говорит искренне. Поэтому я опередил Фрэнка, который, видно, тоже что-то собирался сказать:

— Что вы, мистер Тимбери! О чем речь! Кому же знать все тонкости изготовления и качества бумерангов, как не вам?..

— Спасибо, джентльмены, — сказал Джое, сделав полупоклон в нашу сторону, — спасибо за понимание. Так вот, скоро трудно будет найти в Сиднее бумеранг, который был бы сделан австралийским аборигеном-мастером. Некоторые из них, действительно обладающие опытом, уже не занимаются этим ремеслом или намерены вскоре прекратить такого рода деятельность. И, знаете ли, повинны в этом главным образом владельцы магазинов, в которых торгуют бумерангами. Им неважно, кто их изготавливает, им нужны только очень дешевые бумеранги.

Когда мастер-абориген пытается продать им свой бумеранг, как это делалось в недалеком прошлом, в большинстве случаев ему говорят: «Мы покупаем бумеранги только у наших агентов-поставщиков». Но дело-то в том, что агенты, как правило, не имеют бумерангов, изготовленных опытными аборигенами. Они прекрасно знают, что магазинам все равно — настоящий ли бумеранг, хороши ли его полетные свойства, пригоден ли он для метания. Хозяева магазинов не желают платить много денег за них. Однако, когда вы придете к ним в магазин, они скажут вам, что у них имеются прекрасные бумеранги, метать которые — одно удовольствие.

Как же мастера-аборигены могут конкурировать с агентами-поставщиками массовой, бросовой продукции, предлагая магазинам свои высококачественные, настоящие бумеранги? И неудивительно, что часто хорошие мастера не могут свести концы с концами.

В то же время ничего не подозревающие, доверчивые покупатели несут свои деньги в магазин, думая, что приобретают хороший бумеранг, а затем тщетно пытаются овладеть искусством его бросания. Я написал несколько проспектов о бумерангах в помощь людям, приобретающим их, но, к сожалению, они не до всех доходят. И продавцам часто удается обмануть покупателей. Я, в меру своих сил, стараюсь помешать этому.

Люди всегда хорошо относились ко мне, поэтому и я стараюсь добром отплатить им.

Тимбери замолчал и присел на бревно рядом со мной. Видно было, что он хочет еще что-то сказать, поэтому, переглянувшись с Фрэнком, мы молча ждали. И он снова заговорил:

— А теперь запомните и расскажите своим друзьям, если вы или они захотят купить в каком-либо магазине возвращающиеся бумеранги для себя или своих детей, которые очень любят такой вид спорта. Продавец магазина всегда будет расхваливать свой товар, давать разные пояснения и обращать ваше внимание на рисунки и знаки, нанесенные на бумеранг. Крестик на одной его оконечности и стрелка на другой часто являются уловкой, способом для успешной продажи. Подобные маркировки вовсе не означают, что бумеранг настоящий и предназначен для метания. Почти каждый человек, если его научить, сможет метнуть бумеранг с таким расчетом, чтобы он возвратился к нему. Однако независимо от того, хороший вы бумерангометатель или плохой, он может и не возвратиться к вам точно, а упасть в десяти-двадцати метрах от вас, если вы его метнули неправильно. Инструкция о том, как метать бумеранг, которую вам бесплатно даст продавец, практически не может быть вами использована — это только еще одно ухищрение, чтобы заставить вас купить его.

Если ваш бумеранг далек от совершенства и наделен недостатками, не метайте его: он может стать причиной несчастного случая. Бумеранг — это оружие и может быть опасным, если попадет в человека.

У некачественно сделанного бумеранга множество недостатков. Например, меньший, чем нужно, угол раствора плоскостей, а их перекосы, по существу, лишают его способности вернуться к бумерангометателю. Он, конечно, упадет на землю, но, вы сами понимаете, если с высоты тридцать-сорок метров он рухнет на голову какого-либо человека, мирно отдыхающего на лоне природы, или попадет в ребенка, то может быть очень печальный исход. И ваш выезд на пикник будет вконец испорчен.

Пока Тимбери рассказывал нам печальную историю о судьбе такого самобытного и уникального оружия охоты, изобретенного в незапамятные времена австралийскими аборигенами, я думал о том, что если не будет предпосылок и условий к восстановлению такого

Народного ремесла, то после того, как не станет старых мастеров, возвращающиеся бумеранги можно будет найти только в музеях и, таким образом, исчезнет еще один вид народного творчества.

Есть только надежда, что общественность не допустит этого. В противном случае через двадцать-тридцать лет настоящий возвращающийся бумеранг, барган, будет так же редок, как скрипка Страдивари.

Следует добавить еще одно: вопреки существующему мнению бумеранг не так широко был распространен в Австралии. Большинство племен и не знало не только о возвращающихся бумерангах, но и о тяжелых, используемых при охоте на крупных животных — кенгуру, вомбатов — и таких птиц, как страус эму, казуар.

И еще, пока Джое продолжал свой рассказ, я думал о том, что обязательно вернусь сегодня к своей просьбе, с которой обращался к нему уже ранее: рассказать какую-либо легенду или миф. Тимбери во время своих экспедиций за материалом для бумерангов посещает самые удаленные резервации и миссии, знаком со множеством коренных австралийцев, а следовательно, наверняка знает немало легенд и мифов своего народа. Но до сих пор мои просьбы он вежливо отклонял, говоря, что австралийские мифы малоинтересны современным людям.

Я думаю, он просто боялся, что их содержание покажется мне примитивным и я в душе посмеюсь над ними. Но я счел момент удобным и обратился к Тимбери:

— Джое, мы с Фрэнком будем очень благодарны вам, если вы расскажете нам какую-либо, по вашему выбору, легенду.

Фрэнк согласно закивал.

Наступила пауза. Наконец Тимбери сказал:

— Хорошо, мы сегодня много говорили о бумерангах. Почти все время, что вы находитесь здесь, разговор шел о них. Я расскажу вам легенду о том, как появился первый бумеранг.

В давние времена, когда мир был еще совсем молод, — начал Тимбери, — небо находилось очень низко над землей. Оно нависало так низко и было таким тяжелым, что земля была почти плоской и лишь кое-где поднимались невысокие холмы. Жить на такой земле было неудобно ни людям, ни животным, ни растениям — живые существа вынуждены были ползать, а деревья не могли расти. Поэтому земля была покрыта

лишь травой и низкорослым кустарником. И так длилось долго. Мужчины, женщины и дети ползали или, в лучшем случае, передвигались на четвереньках.

Многие люди пытались выпрямиться во весь рост, особенно те, кто чувствовал в себе силу. Но тяжелое небо оказалось неподатливым. И одни быстро сдавались, другие заболели, а то и умирали от перенапряжения. Но все же нашелся один даен⁶, который изменил мир. Был этот человек виринуном — мудрецом, волшебником, знахарем; он очень хотел, чтобы всем легче жилось на земле.

Вириуну тоже долго не удавалось сладить с небом. Наконец он уговорил нескольких даенов помочь ему подтолкнуть его вверх, когда он попытается выпрямиться. Но те, лежа на спинах и животах, не могли оказать ему большой помощи. Тем не менее вириун ощутил, что от совместных усилий небо едва заметно дрогнуло. Этот вириун был великим виринуном. Он знал намного больше, чем другие даены, и понимал, что нужно еще много раз пытаться поднять небо. И вот как-то он опять почувствовал, что небо чуть-чуть дрогнуло. Вириун заметил, что произошло это в тот момент, когда он опирался руками на упругую ветвь приземистого куста, подле которого стоял на четвереньках. Он снял руки с ветви, и небо тотчас же прижало его к земле. Тогда вириун опять ухватился за ветвь и с еще большей силой напряг руки и тело. Снова слегка дрогнуло небо. И тогда вириун понял, что ему нужна надежная опора. Долго искал он среди кустарника крепкую, прямую ветвь и наконец нашел ее. Он сделал из нее палку, которую долго и настойчиво пытался поставить между землей и небом. Наконец он резким рывком поставил палку почти вертикально и оттолкнул небо от земли, отчего оно взлетело вверх, высоко-высоко.

Впервые в жизни вириун встал на ноги, выпрямился и неуверенно сделал несколько шагов. В руках у него была палка, с помощью которой он помог людям освободиться от унижительного ползания на животах. Но она уже не была прямой, как прежде, — тяжесть неба все же согнула ее. Так появился первый бумеранг.

Прошло много времени, и люди расселились по земле. Мужчины-охотники имели при себе чудесное ору-

---

⁶ Даены — коренные жители Австралии, аборигены.

жие — бумеранг, — которое они умело использовали при добывании дичи, как бегающей, так и летающей.

— Вот и вся легенда, — сказал Тимбери, — вы не разочарованы? Наверняка ждали чего-нибудь необыкновенного, а тут — все просто.

Мы с Фрэнком убедили рассказчика, что нам легенда очень понравилась, а Джое добродушно проворчал:

— Ну, ладно, верю вам. Сейчас многие интересуются легендами и мифами аборигенов, тем более что все меньше остается людей, которые знают их, если так можно сказать, из первоисточников, помнят и могут рассказать. Таких легенд тысячи. Но собрано и записано их не так уж и много. В давние времена, когда аборигены жили племенами, по вечерам, после трудового дня, сидя у костра, они слушали рассказы старейших и умудренных жизненным опытом людей. Никто не знает, кто первый рассказал легенду, сколько лет назад возник миф и связанный с ним ритуал, но все твердо знали, что все они идут со «Времен предков», «Времени сновидений»⁷. Вы слышали о нем? Очень хорошо! Тогда мне ничего вам не надо объяснять. Но все же несколько слов... Аборигены до сих пор верят в реальность мифических предков, мифических прародителей, живших в том самом времени, которое люди всех австралийских племен называют «Временем сновидений».

Коренные австралийцы стремятся сохранить и воссоздать этот золотой век в обрядах, которые проводятся до сих пор, несмотря на разные ограничения. Можно долго говорить на эту тему, она, наверное, бесконечна, поскольку соприкасается с мифологией. Я знаю много легенд, но не очень охотно рассказываю их...

Мне в этот момент показалось, что последнюю фразу Тимбери можно завершить словами... «посторонним» или «людям, далеким от нашей жизни и интересов».

— Почему, Джое, неохотно? — спросил я. — Ведь мифы и легенды австралийцев всем интересны, в них много смысла, они многое объясняют, они высоконравствен-

---

⁷ «Время сновидений» — легенды и мифы аборигенов Австралии повествуют о жизненном укладе, духовном мире, нравах, обычаях, верованиях коренных австралийцев, их богах, мифических предках, тотемных прародителях, действовавших в том самом времени, которое все австралийские племена именуют «Временем сновидений». В памяти людей оно осталось как золотой век изобилия, благоденствия.

венны, человечны, они — неотъемлемая часть общечеловеческой культуры!

Тимбери, несколько помедлив, ответил:

— Неохотно рассказываю потому, что считаю эти легенды очень своим, интимным, что ли? Чтобы рассказывать их, мне необходима определенная обстановка, настрой. Я, пожалуй, сегодня и сам бы рассказал вам легенду о первом бумеранге. Мы все время говорили о них, и вы и Фрэнк искренне интересовались ими и даже учились правильно метать их. Вы немного опередили меня. Я уже сам был готов спросить вас: «А знаете ли вы, как появился на земле первый бумеранг? Не знаете?» И рассказал бы эту легенду.

Выслушав Джое, я все же подумал про себя, что, наверное, не очень часто «белые» интересуются мифами и легендами аборигенов, чьих предков вытеснили, а большей частью попросту истребили не только предки этих «белых», но и те, кто живет здесь до сих пор или же приезжает сюда, чтобы купить настоящие возвращающиеся бумеранги для своих внуков. При покупке обязательно поторгуются, постараются скинуть доллар-другой, пораспрашивают о правилах метания бумеранга, попросят продемонстрировать их в полете, сядут в машины и уедут. И только один из десяти, а то и из полсотни поинтересуется прошлым коренных жителей страны, да и спросит с ходу: «Расскажите-ка какую-нибудь легенду». Конечно, поставив себя на место Джое, я тоже скорее всего отклонил бы такую просьбу...

К концу разговора из дома вышел Джое-младший и направился к нам. Это был молодой человек, стройный, смуглый, на его симпатичном продолговатом лице сияла белозубая улыбка. Он был одет в шорты и безрукавку. Шел он быстро, и казалось, что его смуглые, точеные ноги вот-вот перейдут на бег.

— Хорошо, что ты пришел, сын, — сказал Джое-старший. — У нас гости, а ты отсиживаешься в доме.

— Я наводил там порядок, — оправдывался Джое-младший.

— Пойди-ка, возьми диджериду и продемонстрируй нашим гостям свои музыкальные способности.

Через две-три минуты Джое-младший предстал перед нами с диджериду длиной около двух метров. Приладив трубу к губам, он стал дуть в нее. Раздались отрывистые, как бы утробные, глуховатые, но достаточно громкие звуки. Затем Джое, очевидно, изменил манеру

Игры, и звуки стали более резкими. Я попытался уловить хоть какую-нибудь мелодию, но мне это не удалось. Что же касается ритма, то он явно присутствовал. А в это время Тимбери говорил мне и Фрэнку:

— Конечно, инструмент примитивный, но тем не менее его применяют во время празднеств: сотня-другая людей поет под аккомпанемент одной-двух диджериду, палками и бумерангами отбивается ритм, стонут гуделки, с десятков юношей и мужчин извлекают звуки из раковин, и одновременно все участники или часть их танцуют. На таких празднествах диджериду играет главную роль: без нее не звучал бы хор, не танцевали бы танцоры. Диджериду бывают разных размеров — до трех-четырех метров длиной, из них извлекают звуки разного тембра и силы. Таким образом, этот музыкальный инструмент непрременный атрибут ритуалов и празднеств коренных жителей.

Разговаривая о жизни аборигенов, их празднествах, мы прогуливались по лужайке. Во время одной из пауз я спросил у Тимбери:

— А пробовали европейцы сблизиться с коренными австралийцами?

— Очень редко. Взять хотя бы такой пример, давнишний и, можно сказать, исторический. Как вам, наверное, известно, восточный входной мыс в бухту Сидней-Кав называется мысом Бэннелонг.

— А знаете, чьим именем назван этот мыс? — спросил Джое.

— Нет, — поспешил ответить я. — Может быть, Фрэнк знает?

Но Фрэнк покачал головой:

— Что-то слышал, но, ей-богу, не могу вспомнить.

— Ну, тогда я расскажу вам, чье имя получил восточный входной мыс. Капитан Филлип, назначенный губернатором новой колонии, проявил желание ознакомиться с обычаями и языком аборигенов. Для этой цели ему отловили (именно так это выглядело) двух мужчин. Одного из них звали Бэннелонг. Он прижился среди белых людей, и губернатор был расположен к нему. Бэннелонг был первым аборигеном, которого отвезли в Англию и показали англичанам. Его нарядили в расширенный кружевами камзол, галстук, панталоны до колен, длинные белые чулки и туфли с бантами. Естественно, что он являл собой курьезное зрелище. Было над чем посмеяться знатным придворным господам. Более злую

карикатуру трудно было придумать. Затем, с первой же оказией, его вернули в Австралию.

Спустя некоторое время после возвращения в Сидней Бэннелонг сбежал, но затем стал приходить в поселение белых, каждый раз приводя с собой соплеменников. По распоряжению губернатора на восточном мысу бухты Сидней-Кав для Бэннелонга построили кирпичный дом, а впоследствии присвоили его имя этому месту. Вот вам пример первого сближения европейцев с аборигеном. Сейчас новые времена, жизнь идет вперед. Сейчас много смешанных браков, и, знаете, полукровок сейчас больше, чем чистокровных аборигенов.

Я посмотрел на Джое; видно было, что он расстроился, вспомнив о Бэннелонге, да и о своих собратях по резервации.

«Черт меня дернул задавать вопросы», — мысленно ругал я себя и посмотрел на Фрэнка. Тот как будто задумался и, жуя травинку, смотрел на носки своих полуботинок. Наступившую паузу прервал Тимбери.

— Ладно, — сказал он, — будем надеяться на лучшее будущее.

— Конечно, Джое, — обрадовался Фрэнк. — Сейчас жизнью управляет новое поколение. Ваша молодежь теперь почти вся грамотная. Некоторые учатся в колледжах и университетах. Пожелаем им всего доброго и успехов в делах и начинаниях.

— Спасибо вам на добром слове, Фрэнк.

— Скажите, Джое, давно ли предки вашего народа живут здесь, на территории штата Новый Южный Уэльс? — задал я последний вопрос.

— Всегда жили. И мои предки, и их. — При этом он сделал широкий жест рукой, как бы обводя ею всю территорию резервации — дома, построенные в ней, и людей, видимых и невидимых в тот момент. — Имя Тимбери известно в этих местах издревле.

И тут Джое, я сказал бы, несколько театрально продекламировал:

— Среди людей бухт и озер и побережья тысяч миль, без ложной скромности скажу, — здесь Тимбери первейшим был. Он первым был в те времена, когда Джеймс Кук в залив приплыл, последний вождь... в той стороне, великим человеком слыл...

Джое закончил читать отрывок, скорее всего из собственного стихотворения, и завершил ответ на мой вопрос словами:

— Мы здесь жили, живём и будем жить всегда...

Стрелки часов бежали неумолимо. Пришло время уезжать из Лаперуза. С разрешения Тимбери я сфотографировал его дом, местность, на которой расположена резервация, Джое-младшего, игравшего на дидже-риду.

Мы попрощались с Джое-старшим у машины, до которой они с сыном проводили нас. Теперь я сел за руль.

Заурчал мотор. Машина тронулась. Последние слова: до свидания, спасибо, приезжайте еще... Прощальные взмахи рук. Вот оба Джое мелькнули в зеркале заднего вида...

На улицах Сиднея начался час пик. Нужно смотреть в оба, но мы делимся впечатлениями.

— Вы знаете, — первым начинает разговор Фрэнк, — как будто ни о чем особенном мы не говорили, но, верите ли, я все время неловко себя чувствовал, всей кожей ощущал какую-то свою вину. Ей-богу, я лично никого из аборигенов никогда не притеснял, не сгонял с родной земли, тем более не охотился на них. Но что-то меня гнетет. Как будто я в чем-то виноват. Во время референдума в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году я без колебаний высказался за предоставление им равных прав, как и девяносто пять процентов остальных «белых» австралийцев. Но, знаете, это мое чувство вины, очевидно, идет от того, что я, человек, родившийся в Австралии, дышащий одним воздухом с аборигенами, долго, очень долго, десятилетиями лет не замечал их. Что это? Слепота? Да, скорее всего духовная слепота. Меня не касается непосредственно — и я не вижу. Не делаю вид, что не вижу, а искренне не вижу. И себя как будто бы не в чем винить...

— Да, — согласился я с Фрэнком. — Вы в чем-то правы... Духовная слепота, «меня не касается»... В общем, моя хата с краю...

Мы плывем в сплошном потоке машин. В Австралии, по статистике, один автомобиль приходится на трех жителей. Для всех этих миллионов машин есть хорошо оборудованные, удобные места — гаражи, стоянки... Только для коренных австралийцев нет места, а если и есть, так в резервациях...

— Осторожно, — говорит Фрэнк, — а то «поцелуемся» с этим оранжевым «Холденом»!

— Не беда, — шучу я, — я же веду не свою, а вашу машину.

Но и за шутками, замолкая время от времени, мы думаем о сегодняшнем визите в Лаперуз.

— Интересно получается: сейчас много говорят об аборигенах, а еще два десятка лет назад, кроме ученых, этнографов, никто и не вспоминал о них...

Я не отвечаю Фрэнку, веду машину и думаю: «Бесспорно, общественное мнение сыграло свою роль. Аборигенов долго „не замечали“, потом заговорили об их культурной ассимиляции с европейцами, а теперь коренные австралийцы борются за свое самоопределение, требуют возврата принадлежащих им земель... Появляется своя интеллигенция — поэты, писатели, художники, общественные деятели. Аборигены совершенно не хотят отказываться от своего самобытного культурного наследия, а развивают его — будь то фольклор, сувениры, картины на коре, настоящие возвращающиеся бумеранги, изготовленные опытными мастерами-умельцами... Да, белое население Австралии медленно, но неотвратимо поворачивается лицом к потомкам тех коренных жителей континента, которые из-за кустов и деревьев взирали на кургузые корабельные пушки, уставленные на парусниках белых пришельцев; с этих парусников высадились на берег первые десанты, вооруженные длинными ружьями и пистолетами...

Но в нынешние времена недостаточно только улучшить социальное, экономическое и политическое положение коренных австралийцев, хотя это и немаловажно. Еще важнее отнестись к ним с дружелюбием и предоставить им равные права со всеми гражданами их родины — Австралии».

И, как бы вторя моим мыслям, Фрэнк произносит:

— Давно пора... возвратиться к потомкам...

КЭЛПИ ЕСТЬ КЭЛПИ!

— Неужели вы никогда не слышали о кэлпи? — спросил меня Майкл Коу.

Мы медленно передвигаемся вдоль кип шерсти, подготовленной для продажи на аукционе в Брисбене.

Его вопрос не возник из «ничего». Мы здесь с восьми утра, и разговоры идут обо всем, что связано с производством шерсти: об овцеводстве, ведущей отрасли хо-

зяйства Австралии, о породах овец, об отличии ферм в увлажненных и в полупустынных зонах.

— Так и не слышали ничего? — снова спрашивает Майкл.

— Знаю, что это порода австралийских пастушеских собак. Как и все овчарки, они помогают в работе с овцами.

— Ну, знаете... А вот именно о кэлпи?

— Все, что знал, уже сказал. И тем исчерпал свои познания.

— Я вам обязательно расскажу о них. Без этих чудо-собак овцы неуправляемы. Представьте, что бы мог сделать фермер и его два-три работника с тысячами овец. Впрочем, отложим разговор до вечера. Пятью минутами тут не обойдешься.

Рабочий день был позади, и в номере гостиницы, подведя итоги закупкам, напоминаю Майклу о его обещании.

— С чего бы начать? — задумчиво произнес он. — Я не бог весть какой рассказчик, но постараюсь изложить все, что знаю о кэлпи. Заранее прошу извинить меня за сухость и краткость. Будь я поэтом, написал бы о кэлпи поэму, но я всего лишь специалист по шерсти.

— Одну минуту, мистер Коу, — сказал я, — возьму блокнот. Я хотел бы все записать...

— О'кэй, не буду спешить. Записывайте.

— Еще одна просьба. Расскажите об известных вам лично случаях, характеризующих таких собак.

— Хорошо, — сразу же откликнулся на просьбу Майкл и поудобнее уселся в кресле. — Родом я из фермерской семьи. А у каждого фермера есть о чем рассказать.

Овцеводческие хозяйства у нас традиционно малочисленны. И фермеры уже полтора-два десятилетия используют специально выведенную породу собак — кэлпи. Эти относительно небольшие по размерам собаки, высотой до пятидесяти сантиметров, весом около двадцати пяти килограммов, необычайно способны к обучению и обладают врожденными способностями для работы с овцами. Масть кэлпи весьма разнообразна — черная, рыжая, коричневая, желтоватая и дымчато-пепельная... Кэлпи очень облегчают работу овцеводов. При перегонах животных с пастбища на пастбище они разделяют стадо на части, умеют выгнать из его гуши отдельных

животных, провожают их на стрижку и обратно в загон. Среди кэлпи встречаются рекордсмены, обладающие остро развитыми инстинктами и необычайными способностями при работе со стадами, в которых насчитываются сотни, а иногда и тысячи овец. Об этих собаках пишут в сельских газетах, журналах. В Сиднее создано научное общество, которое изучает сферу использования кэлпи.

Прародители нынешних кэлпи были завезены еще в прошлом веке из Шотландии. С тех пор порода пастушеских собак непрерывно улучшалась австралийскими фермерами — энтузиастами их разведения. Многие кэлпи отнесены австралийцами к разряду «суперсобак». Они вошли в историю как победители различных соревнований. Среди них достойное место занимает пес дымчато-пепельной масти по кличке Койл. Он стал героем соревнований в Сиднее в тысяча восемьсот девяносто восьмом году. В первом туре Койл набрал наибольшее количество очков. Но вечером этого же дня случилась беда — лапа собаки попала в колесо телеги. Казалось, что Койл выбыл из соревнований. Единственное, что мог сделать его хозяин, — это наложить лубки на перелом. На следующий день Койл отлично выполнил все задания второго тура и пробежал на трех лапах дистанцию быстрее своих соперников.

Демонстрация работы кэлпи с овцами очень популярна во время проведения в стране многочисленных сельскохозяйственных выставок. Широко используются кэлпи и в научно-исследовательских целях. Всего в стране насчитывается около восьмидесяти тысяч этих собак, незаменимых помощников австралийских фермеров.

Лучшими, главными качествами кэлпи скотоводы считают высокую восприимчивость к дрессировке, привязанность к хозяину, безукоризненное послушание. Немаловажны и ловкость, быстрота, бдительность, неутомимость, безотказность в работе и, если можно так сказать, любовь к ней. Кэлпи никогда не повредит овцу при любом ее сопротивлении. Эти собаки легко переносят резкую перемену погоды, хорошо приспособляются к разным климатическим условиям.

Доказано, что один кэлпи при работе с овцами заменяет трех работников, а пара их без особого напряжения — шестерых.

Если вы представите себе среднее по величине стадо (примерно шестьсот овец), мысленно рассчитаете

усилия, которые три человека должны затратить при его перегоне с фермы до пастбища, да еще учтете, что животных нужно провести через двое-трое, а то и более ворот из пэдека в пэдек⁸, перед которыми они стремятся разбежаться в разные стороны, то поймете, что на это уйдет много времени и сил. А если овец будет больше? Если их нужно будет перегнать через одно-два пастбища, на которых пасутся другие стада, а перемешивание совершенно недопустимо?.. Вот тут-то становится совершенно понятно, что пастушеские собаки незаменимы.

О напряженности работы кэлпи говорит еще такой факт, что в течение рабочего дня собака пробегает сорок-пятьдесят километров. Сопоставьте эти цифры с возможностями человека!

Напомню, что восемьдесят тысяч кэлпи управляются со ста пятьюдесятью — ста шестьюдесятью миллионами овец, то есть одна собака обслуживает около двух тысяч этих милых животных. Тут еще необходимо добавить, что при наличии на фермах крупного рогатого скота собаки используются и для работы с коровами, телятами.

Как явствует из сказанного, пастушеские собаки занимают важное место в животноводстве, главным образом — а в большинстве районов страны исключительно — в овцеводстве. Единственное, что они получают за свой нелегкий труд, — еда. Но кэлпи не прожорливы, едят умеренно. Вполне естественно, за полтора столетия верной собачьей службы человеку кэлпи заслужили, что о них сложены легенды, которые передаются из поколения в поколение. Во многих фермерских семьях можно услышать о собаках замечательные истории, которые произошли не вчера и не в прошлом году, а полсотни лет назад. Кэлпи вызывают много споров. Считают, что специфические качества кэлпи зависят от масти, и поэтому одни отдают предпочтение собакам с коричневым окрасом, другие — с черным, рыжим и так далее. Исходя из масти, владельцы делают выводы о развитии мускулов, быстроте бега, выносливости... Используя в качестве аргументов последние открытия и достижения науки, полемисты строят свои рассуждения и гипотезы на базе генетических теорий. К сожалению, научные исследования не всегда подтверждают подобные выводы.

⁸ Пэдек — большой участок пастбища в 1—3 квадратных километра.

Бытует молва, что в течение многих десятилетий, в особенности в прошлом веке и начале нынешнего, кэлпи скрещивались с динго и лисами. Отсюда, мол, наличие рыжей и дымчато-пепельной масти, различия в росте — сорок пять — пятьдесят сантиметров — и весе — двадцать — двадцать пять килограммов.

Мне приходилось слышать, что некоторые собаки просто-напросто гипнотизируют овец. Уверяют, что овцы выполняют «команды» собак, встретившись с ними взглядом. Вы, конечно, понимаете, что это тоже не подтверждено научными данными. Но факт остается фактом: кэлпи — отличные пастушеские собаки. Эти собаки после соответствующей дрессировки выполняют до пятидесяти-семидесяти различных команд, а отдельные рекордсмены — до сотни.

И еще. Существует мнение, что способность кэлпи воспринимать дрессировку — выполнять десятки команд, подаваемых голосом, свистом, жестами, — соответствует способностям пятилетнего ребенка к обучению и исполнению того, чему его научили. Оставим подобный знак равенства на совести тех, кто утверждает это. Но, как бы то ни было, кэлпи есть кэлпи, и никто заменить их не может. А они-то могут выполнять работу людей, и если их сейчас в Австралии восемьдесят тысяч, то это значит, что они выполняют работу почти четверти миллиона овцеводов.

— Ну и ну, — только и мог вставить я. — Однако вы обещали поведать известные лично вам случаи из жизни кэлпи. Вы ведь из фермерской семьи и, говорите, фермерам-то всегда есть, что рассказать о своих помощниках.

— Ну что ж, — отвечивал Коу, — я просто не хотел вкрапливать собственные впечатления в тот материал, который следует считать фактическим. Сейчас я готов начать рассказ о лично мне известных собаках. И хотя их, скажем, незаурядные действия официально не зарегистрированы в научной и другой литературе, то это только потому, что их владельцы не удосужились известить об этом соответствующие организации или редакции.

— И вы тоже этого не сделали? Почему?

— Была мысль, но, знаете ли, любой человек ленив в той или иной степени и всегда может найти оправдания своей лени. Как видите, я откровенен, а теперь, с вашего позволения, я расскажу о двух случа-

ях, имевших место, можно сказать, в нашей семье...

Начну с давнего случая, который произошел лет тридцать назад, когда мне было лет десять. Воспоминания мои не угасли по прошествии многих лет — взрослые нет-нет, да и возвращались во время семейных встреч и разговоров к этому случаю или, если хотите, событию, что для масштабов фермы именно таковым и было.

Мы с мамой поехали погостить на недельку к ее брату. Ферма дяди находилась в штате Виктория, в глубинке, более чем в пятидесяти милях от Мельбурна. Для меня эта поездка была очень интересной. Я впервые оказался так далеко от родного дома, поэтому был переполнен впечатлениями. У дяди пятеро детей — два сына и три дочери, близкие мне по возрасту. Так что скучать мне не приходилось.

На четвертые сутки нашего пребывания произошло событие, о котором я и поведу речь. Как в предыдущие, так и в этот день на ферме стригли овец. После сострига шерсти каждая из них проходила мойку, а затем по узкому дощатому переходу пробегала в загон, где и собиралось стадо. Все шло как обычно. После окончания стрижки открывались ворота загона и стадо в сопровождении работника и кэлпи перегонялось на определенное пастбище. То, о чем я хочу рассказать, произошло с последней партией. Стрижка овец закончилась рано, часам к четырем пополудни, с расчетом, что до сумерек стадо достигнет предназначенного для него пастбища, весьма отдаленного от фермы. Когда все было готово, овцы двинулись к пастбищу в сопровождении работника, который был верхом на коне, и двух собак — Цезаря и Трикси, шоколадной масти, уже немолодых и опытных. Стадо было относительно небольшое, около четырехсот овец. После открытия ворот все они ринулись в проход, создалась пробка, преодолев которую овцы выскакивали на простор двора и бросались в разные стороны.

Мы, мальчишки и девчонки, конечно, были здесь же, бегали за овцами, старались помочь Цезарю и Трикси навести побыстрее порядок. Через минут десять стадо вышло на проселочную дорогу и двинулось к своему пастбищу. И мы, и взрослые, поглядев ему вслед, спокойно разошлись по своим делам. Был жаркий весенний день.

Хотя солнце уже катилось к закату и палило нещад-

Но... Но если бы взрослые были повнимательнее и не сидели в домах, то кто-нибудь из них обратил бы внимание, что далеко на горизонте небо потемнело. А часа через полтора хлынул такой ливень, который, как говорят, бывает раз в столетие. Еще до того как все это началось, дядя, моя мать и один из стригалей, пожелавший помочь им, вскочили на лошадей и поскакали вслед за стадом. Но было уже поздно. Они возвратились часа через три, не найдя овец, на измученных лошадях, промокшие. Причем дядя прибыл с вывихнутым плечом и сломанной рукой: он упал с лошади, провалившейся в какую-то рытвину...

А ливень свирепствовал всю ночь. Конечно, в нынешние времена, особенно горожане, скажут: что, собственно говоря, произошло? Чепуха! Четыре сотни овец, две собаки! Правда, там был еще человек — работник верхом на коне. Мог бы возвратиться, и никто бы его не винил за это. Но для нашей фермерской семьи было ясно одно: надо искать человека, овец, собак.

— Так что же произошло? В чем подвиг Цезаря и Трикси?

— А в том, что, когда началась гроза, стадо находилось в распадке между двумя холмами, откуда был только один проход к узкому деревянному мостику, переброшенному через речушку. Надвигалась темнота. Работник, понимая сложность ситуации, обогнал стадо и остановился в конце распадка, чтобы преградить овцам путь к мостику. Ливень усиливался. В выемке между холмами начала накапливаться вода, и поэтому основная масса овец стала взбираться по склону, а остальные рвались к мостику. Вертясь на коне, работник не мог совладать с ними, и десятка два овец добежали до берега. Но речушка в это время переполнилась и уже превратилась в бурный поток, захлестывающий мостик. Учтите, что в это время, в полной уже темноте, гроыхал гром, вспышки молний на несколько секунд освещали местность. Вскочив на мостик, покрытый водой, несколько овец, подталкиваемые бегущими сзади, свалились в реку. Вот в этой-то обстановке, незримые в темноте, делали свою работу кэлпи.

Ночью исхлестанный ливнем работник не мог определить, в каком же состоянии находится стадо. А когда забрезжил рассвет, он нашел его на склоне холма, нависшем над рекой. Овцы, плотно прижавшись друг к другу, стояли под дождем, который начинал уже осла-

бевать. Обе собаки были на своих местах, не давая им разбегаться.

А когда совсем рассвело, понизился уровень воды в речке и оголился настил мостика, был произведен перегон овец на другой берег небольшими группами, а оттуда уже недалеко до пастбища. Но все же потери были. Четырнадцать овец утонуло в реке и в распадке между холмами. И если бы не кэлпи, то овец погибло бы гораздо больше. Жаль, конечно, что никто не видел и не мог снять фильм, как орудовали собаки во время ливня в кромешной тьме. Как они перетаскивали и гнали овец, чтобы собрать их всех вместе, как помогали им выбираться из воды. Все это, как кажется, можно осмыслить и представить. Уверяю вас, вы не в состоянии отгадать всего, что было на самом деле. Если бы кэлпи не были кэлпи, они могли бы бросить стадо, убежать на ферму... Но они оставались при своей работе. Почему? То ли гены, то ли прирожденные способности?

Уверяю вас, что ни при каких обстоятельствах, даже при пожаре, кэлпи никогда не бросили бы овец. Вот какие они, кэлпи!

Другой случай произошел во время зимних каникул, когда я был еще студентом.

Двадцать восьмого июля, помню как сейчас, я поехал на наши пастбища, находящиеся в семидесяти милях от главной фермы. Год назад мой отец купил четырех гектаров земли у одного фермера. Сделка была выгодной, но активно земля еще не использовалась и была оставлена, как говорят, до лучших времен. Но так или иначе на пастбище находилось восемьсот пятьдесят овец, которых обслуживал один из наших работников. Он ездил на этот участок два-три раза в неделю — проверял действие водяного насоса, приводимого в действие ветряным двигателем; уровень воды в котловане, из которого пили овцы; давал им подкормку и так далее. Работник приболел, и отец послал меня заменить его — пора было перегонять овец. Я прихватил с собой в машину собак — старого Монка и молодого, можно сказать, только начинающего свою деятельность Дюка. Прибыв на место, я поставил машину в тени сарая, где хранились инвентарь, подкормка для овец, семена, удобрения и всякая всячина. И нужно же было такому случиться, что, выходя из машины, я попал в заросшую травой яму, оставшуюся от столба электроосвещения, и вывихнул обе ноги. Но это не все. Падая, я очень силь-

но ударился головой о камень в траве. Сколько времени пролежал без сознания — не знаю. Очнулся оттого, что собаки лизали мне лицо. Ноги болели нестерпимо и невероятно распухли, голова раскалывалась от боли.

Чем яснее становилось мое сознание, тем острее я понимал, что попал в затруднительное положение: и я, и автомашина находились за сараем и не были видны ни с шоссе, ни с проселочной дороги. Попытался сесть в машину и завести мотор. Изнемогая от боли, взобрался на сиденье и обнаружил, что нет ключа. Я вспомнил, что, когда приехал и выключил мотор, он был у меня в руках, при падении, очевидно, я его выронил. Пришлось, скрипя зубами от боли, совершить обратную процедуру. Ползая по траве и ощупывая каждый дюйм во всех вероятных местах падения, ключа я так и не нашел. Забегая вперед, скажу, что он не был найден и впоследствии. Очевидно, падая, я инстинктивно взмахнул рукой и таким образом забросил ключ куда-то далеко.

Вечерело. Стало холодно. С большим трудом я вновь добрался до машины и вытащил из кузова куртку, надев которую немного согрелся. Положение мое ухудшалось тем, что родители знали о моем намерении на обратном пути заехать к нашему знакомому фермеру, с сыном которого я был дружен, и заночевать там.

Пока не стемнело, я дважды посылал Монка на шоссе и проселок с заданием привести кого-нибудь к сараю, где я лежал. Он не был обучен этому, и я старался путем совмещения привычных для него команд внушить псу то, что мне было нужно. Я понимал, что на близлежащих дорогах пешеходов нет, есть только автомобилисты. А остановить их зачастую нелегко и человеку.

Монк по команде умел найти на нашей ферме отца, мать, работников, моих сестер и братьев. Но незнакомого, просто «человека Икс», он никогда не искал. Он мог отделить от стада и привести к вам любую указанную ему овцу, но для этого кроме слов употреблялись и жесты. Знал Монк еще и десятка два других команд.

Словом, минут через сорок после первой моей команды пес вернулся ни с чем и, чувствуя свою вину, повизгивая, начал ластиться ко мне. После второй команды Монк пригнал ко мне двух овец...

Темнело. Стало еще холоднее. Попытка устроиться в машине ни к чему не привела. При сгибании ног боль

становилась невыносимой. Открыть двери сарая я не мог. До нижней задвижки я еще кое-как дотягивался, а верхняя была для меня недостижимой. Пришлось заползти под машину: пошел мелкий дождь.

Пока я занимался с Монком, ожидал его возвращения, Дюк не оставлял меня своим вниманием. Он прижимался ко мне, обогревал. А когда совсем стемнело, привалился всем телом и Монк. Долго я не мог уснуть из-за боли. При каждом моем движении, попытках изменить положение оба кэлпи очень волновались, тыкались носами в бока, как бы помогая мне. Все же я заснул. А когда проснулся, уже светало. Дождь кончился. В следующий момент после пробуждения понял, что собака рядом со мной не было. Позвал их. Никого. Я забеспокоился, но подсознательно понимал, что кэлпи никогда не оставляют своего хозяина самовольно.

Я лежал под машиной замерзший, обессиленный. При каждом шевелении боль была такой острой, что я вскрикивал. За свою судьбу я не очень-то беспокоился: если не вернусь к полудню домой, отец наверняка позвонит по телефону на ферму моего друга и, узнав, что я там не был, отправится на поиски. В этом я не сомневался. Из-за боли есть не хотелось совершенно, но очень мучила жажда. В таком положении оставалось только одно — ждать помощи. Добираться ползком — больше мили — до дороги я пока не пытался, откладывал это на крайний случай. Если до трех-четырёх часов пополудни никакой помощи не придёт, тогда я поползу. И тут вдруг я услышал лай в два голоса и узнал своих кэлпи. Я не сомневался, что они ведут кого-то на помощь. К тому же лай был особенный, совсем не подходил на те варианты, которые я знал: лай на чужого человека, появившегося на ферме, лай на овец при их перегоне и сопровождении, при неподчинении овцы... Через две-три минуты я уже отбивался от Монка и Дюка, которые ворвались под машину и, буйно радуясь, пытались облизать меня, а затем услышал шум мотора и увидел колеса автомашины, подъехавшей к моей, потом ноги человека...

— Добрый день, сэр! — закричал я. — Осторожнее, не попадите в яму, как это с «успехом» сделал я.

В ответ прозвучал голос незнакомца:

— Вон куда вы спрятались! А я-то думал, кто это обучил кэлпи бежать две мили за машиной, а потом, когда я притормозил, обогнать, стать поперек дороги и

не пропускать ее. Когда же я остановился, один пёс уперся лапами в передок машины, а другой начал рваться ко мне в кабину. Я и понял: что-то не то! Так и оказалось...

Думаю, что ничего не нужно добавлять о Монке и Дюке. Не правда ли: кэлпи есть кэлпи! — заключил Майкл Коу. — Воистину лучшие друзья и незаменимые помощники австралийских фермеров-овцеводов...

...Два-три месяца спустя рассказы Коу я вспомнил на ферме, расположенной в штате Новый Южный Уэльс. Мы отправлялись в поездку по пастбищам, и хозяин фермы, сидящий за рулем «Доджа», что-то крикнул. Резко, повелительно прозвучал его голос, словно щелчок кнута. И тут же из пяти-шести кэлпи, лежавших в тени фермерского дома, молниеносно выскочили две черные, с рыжими подпалинами, белогрудые собаки. Первая из них, бóльшая по росту и размерам, вскочила на капот, повернулась носом по направлению движения и осталась стоять на немного растопыренных ногах. Вторая, совершив мощный, высокий прыжок, оказалась на лошади, на которой сидела старшая дочь фермера, решившая отправиться с нами на пастбище верхом, чтобы поразмять застоявшегося жеребца...

И вот мы на пастбище. Овцы отбежали от нас и остановились в сотне метров. Повернув головы в нашу сторону, они с любопытством смотрели на людей, которых не часто видели близко...

Последовала команда фермера, и кэлпи рванулись к овцам, обходя их с противоположных сторон. В стаде произошло замешательство, но собаки были уже рядом. Шарахаясь от кэлпи, овцы сбились в плотный круг. Наиболее строптивых собаки легонько покусывали за ноги, насакивали на них грудью, пугали рычанием, лаем. Причем и рычание, и лай менялись по тембру и громкости, что, очевидно, производило соответствующее впечатление на овец.

Фермер успокоил меня — кэлпи никогда не «испортят» овцы. И в какой бы степени гнева или азарта ни были собаки, они всегда деликатны со своими подопечными. Через две-три минуты стадо уже было перед нами, в пяти-шести метрах от нас. Кэлпи сидели разгоряченные бегом и своей нелегкой работой, высунув языки, на противоположных сторонах круга из спрессованных овечьих тел. Овцы стояли, положив головы на спины друг другу. Кэлпи были начеку. Стоило какой-

либо из овёц попытаться выскочить из круга, собака немедленно водворяла ее на место...

Еще раз прозвучала команда фермера. Один из кэлпи вскочил на плотно сбитую отару и по спинам пробрался к двум животным, которых нужно было отделить от стада. Через несколько минут овцы были уже у «Доджа».

Действия кэлпи были настолько четкими и уверенными, что невозможно было не высказать свое восхищение их работой. Выслушав похвалу в адрес своих помощников, фермер довольно улыбнулся. Тренировал-то собак он! Всем известно: каков хозяин, такова и его собака...

И хотя фермер не был знаком с Майклом Коу и даже не подозревал о его существовании, он, как и тот, проникновенно произнес:

— Кэлпи есть кэлпи, сэр! И этим все сказано.

«ТЕНИ ОБЛАКОВ» И БЕЛЫЙ ЖЕМЧУГ БУХТЫ КУРИ

С Майклом Коу, экспертом по шерсти, нам пришлось как-то задержаться в городе Перте. А дело было так. Закончив все дела на аукционе шерсти во Фримантле, который расположен в 14 километрах от Перта и является его аванпортом, мы намеревались вечером вылететь в Мельбурн. Но не тут-то было. Когда мы приехали в аэропорт, то оказалось, что рейс переносится на следующий день.

Мы оба торопились, и опоздание с вылетом было неожиданным и неприятным. Я спешил в Канберру, а Майкл в Сидней. Через два дня он собирался с семьей отправиться в отпуск в Новую Зеландию.

Служащий авиакомпании разъяснил, что вылет задерживается часов на двенадцать, а возможно и более.

— Ничего не поделаешь, — сказал я, — зато у нас уйма свободного времени...

Поздно. Горят только огни фонарей и светореклама. Все меньше и меньше машин на улице. Мы прогуливаемся вдоль фасада нашей гостиницы, время от времени поглядывая на окна, которые меркнут одно за другим. Постояльцы ложатся спать, да и город отходит ко сну. Но нам спать не хочется.

Легкий ветер несколько охлаждал нагретые за день каменные здания и асфальт. Поэтому казалось, что сейчас стало прохладнее. Вдруг Майкл резко остановился у ярко освещенной витрины, в которой были разделены на подставках и подвешены ювелирные изделия.

— Одну минуту! Подойдите-ка сюда. Я кое-что покажу вам. Смотрите, — сказал он. — Здесь довольно много жемчуга. В том числе и отличный.

Так вот, спешу сообщить вам одну важную деталь. Весь жемчуг, что вы видите здесь, — не натуральный, а культивированный.

— Майкл! Вы всегда подчеркиваете, что вы «только шерстовед», а тут, я вижу, вы, оказывается, разбираетесь и в драгоценностях. Откуда такие познания?

— Совершенно случайно я когда-то слегка прикоснулся к чудесному, сказочному, волшебному таинству сотворения жемчуга. И волею судьбы общался около месяца со специалистами, дающими начало жизни и развитию жемчуга. Вы знаете, что жемчужина — живого происхождения? Если изумруд, бриллиант, рубин — не что иное, грубо говоря, как осколки камней, холодных и мертвых, то жемчуг? Нет... его развитие происходит в живом организме, в ракушке-жемчужнице.

— Я знаю, Майкл. Натуральный жемчуг известен людям много столетий. Тысячи ныряльщиков собрали уже с морского дна несметные сокровища. А о культивированном жемчуге — детище последних десятилетий, — по-моему, всем известно, что впервые его начали производить в Японии. И сейчас выращивают его там в больших количествах, причем очень высокого качества...

— Стоп! — энергично остановил Майкл ход моих рассуждений. — А то, что наш жемчуг лучше японского, знаете! Хотите расскажу и докажу это?

— Конечно, хочу!

Мы вернулись в гостиницу. Майкл поставил кресло против моего и произнес:

— Для начала вам следует знать, что жемчуг различают по цвету: белый, золотистый и розовый. Самым большим спросом на мировом рынке пользуется белый жемчуг. Добывается он и производится, как мне известно, только в Австралии. И натуральный, и главным об-

разом культивированный. Розовый жемчуг — это японский и индийский, а золотистый — панамский.

Теперь о его величине. Самые большие — японские — культивированные жемчужины достигают всего восьми миллиметров в поперечнике, а у нас такие — самые маленькие. Это объясняется тем, что в Японии применяют для выращивания жемчуга меньшие по величине и худшие по качеству морские жемчужницы, нежели в Австралии.

Лет пять назад по делам фирмы я объездил на автомашине овцеводческие районы на западном и северо-западном побережье, побывал на многих фермах в районах к северу от городов Джералдтон, Карнарвон и добрался до города Порт-Хедленд. Затем проследовал по Большой Северной автостраде вдоль Эйти-Майл-Бич. Мой маршрут заканчивался на берегах реки Фицрой, очерчивающей южную границу области Кимберли.

Во всех этих местах я был впервые, меня там все интересовало: и местность, и люди, и овцеводческие фермы. Прямо на запад от города Джералдтон расположилась гряда коралловых островов Аброльос, или, как ее еще называют, скалы Хаутмен. Когда я вспоминаю эту цепь островов, протянувшуюся с юга на север на семьдесят километров и идущую параллельно побережью континента в шестидесяти километрах от него, то всегда мысленно благодарю одного из знакомых фермеров, который сказал: «Если не посетите это изумительное место, вы никогда не поймете, что такое рай!»

— Какие же они, эти острова?

— Знаете ли, мне больше нравится их неофициальное название, данное им мореплавателями двести-триста лет назад: «Тени облаков». Поэтично, не правда ли?

— Да. Это название дает возможность представить себе их: пятна на воде, подернутой рябью или слегка взволнованной.

— Так оно и есть. Когда я впервые разглядывал их в бинокль, на расстоянии нескольких миль, они представляли предо мной как пятна на воде, тени облаков.

— Ну и что же там, на самих островах?

— Аброльос? Я еще не рассказал, откуда взялось это название. Оно тоже идет от древних мореплавателей, португальцев. *Abri vossos olhos* в переводе озна-

чает... «откройте ваши глаза», «взгляните», «поглядите»... Непросто, видно, было древним навигаторам, в особенности впервые попавшим в те места, определить подкарауливающую их опасность... На самих островах неповторимо прекрасный подводный мир, чистая-пречистая вода, пьянящий воздух, океанская бескрайняя ширь, тихое шуршание воды, робко лижущей каменный берег.

Я нигде не видел таких гигантских лобстеров, длиной почти в руку человека, таких ярких, многоцветных ракушек, необычных по форме и величине, дивных причудливых сплетений кораллов. Довелось посмотреть и улиток без раковин, словно обнаженных. Все эти обитатели Индийского океана были представлены природой во множестве. Эта уникальная восьмидесятикилометровая цепочка коралловых островов объявлена заповедной зоной. Дай бог, чтобы вся морская живность, обитающая там, сохранилась как можно дольше. Жалею, что времени было мало и я должен был вновь двинуться по своему «овечьему» маршруту.

Но дело не в островах, дело в городке Брум. Чудесный город — малыш. В Австралии деревень нет. Есть одиноко стоящие фермы и города: от огромных, таких, как Сидней, с количеством жителей около трех миллионов, до таких, которые обозначены на карте мажусеньким кружочком и о которых в таблице условных знаков пишется: «менее десяти тысяч». В этих городах могут проживать и семь тысяч пятьсот и тысяча двести человек. Так вот Брум именно такой. Сколько там проживает людей? Точно не знаю. Мне и в голову не пришло поинтересоваться этим вопросом. Думаю, что тысяч пять-шесть.

Первым в тех местах в январе тысяча шестьсот семьдесят восьмого года побывал пиратский корабль «Сигнет» под командованием капитана Тита. Занимаясь морским разбоем, он курсировал среди группы островов, протянувшихся вдоль северо-западных берегов Новой Голландии, как в те времена еще называлась Австралия. Тит привел «Сигнет» в залив Кинг и стал на якорь в небольшой укромной бухте, известной теперь под названием Карракатта. Нужно было подремонтировать корабль и пополнить запасы воды и продовольствия.

«Сигнет» ранее был торговым судном, но его команда решила изменить свою профессию, и мирные в

прошлом моряки объявили себя пиратами. В их числе был и суперкарго⁹ этого корабля Уильям Дампир, чье имя ныне помечено на географических картах.

Пираты провели в районе этой бухты пять недель, обследовали окрестности и установили, что там очень мало пресной воды. Нет дичи. Для еды пригодны лишь черепахи. Среди густых зарослей тропической растительности они не обнаружили плодовых деревьев и годных для употребления ягод. Бродя вдоль берегов бухты, пираты встретили аборигенов, с которыми у них произошла стычка, после чего заморские гости убедились, что земля эта обитаема, но непригодна для базирования судна. Нет ни еды, ни воды, а местные жители явно не рады пребыванию здесь чужаков. Поэтому пираты, завершив ремонтные работы, поспешили уйти.

По возвращении в Англию Дампир написал книгу «Новое плавание вокруг света». Она была опубликована в Лондоне в тысяча шестьсот девяносто седьмом году.

В этой книге он описывал свои приключения, а также впечатления о встречах с аборигенами, для которых не пожалел черной краски. Например, он объявил их «самыми убогими в мире людьми»...

— Интересно отметить, — прервал свой рассказ Майкл, — что многие историки совсем не упоминают Тита и говорят только о Дампире: он был якобы первым англичанином, ступившим на землю нашего континента.

— Это потому, что Дампир побывал в Австралии еще раз, а Тит — нет. Мне помнится, он еще так сказал о местных жителях: «Если не принимать в расчет их человеческое обличье, то они лишь немногим отличаются от животных».

— Да, он, к сожалению, писал об этом именно так, но вернемся к истории. Интересным, даже, можно сказать, курьезным моментом, следует считать тот факт, что именно книга Дампира обратила внимание влиятельных придворных Англии на то, что где-то за океанами находится большая земля, с которой следует познакомиться поближе.

Почти через одиннадцать лет, тридцать первого июля тысяча шестьсот девяносто девятого года, Дампир

---

⁹ Суперкарго — ведающий грузом на судне.

снова прибыл в Австралию, в залив Шарк, на берегу которого ныне стоит город Карнарвон. Но знаете ли в каком качестве был наш герой? Он уже не был пиратом. Британское адмиралтейство назначило его командиром военного корабля его величества короля Великобритании «Робак». Ни больше ни меньше. Из пиратов в военные моряки! Как вам это нравится?

— Что же, в те времена такое бывало. Вспомним хотя бы знаменитого английского пирата — адмирала Фрэнсиса Дрэйка!

— Так вот, из залива Шарк он пошел на север к Западному Кимберли и бросил якорь в заливе, получившем имя корабля «Робак», а полуостров, омываемый водами этого залива, стал именоваться Дампирленд.

Девятого сентября тысяча шестьсот девяносто девятого года Дампир оставил Австралию и взял курс на остров Тимор и Новую Гвинею.

Когда Дампир и члены экипажа «Робака» бродили по побережью залива Шарк, они увидели, что аборигены собирают раковины — морские жемчужницы с толстым перламутровым слоем, которые в большом количестве валялись на отмелях, оголявшихся при отливах. Моряки тоже стали собирать раковины и нашли множество крупных белых жемчужин. С незапамятных времен аборигены делают из перламутра украшения, а также заостренные наконечники для легких копий.

Когда в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году в район залива Робак прибыла первая группа поселенцев, они уже знали, какое богатство ждет их на прибрежных отмелях. Эти люди сперва пытались основать на западном побережье Австралии овечьи хозяйства. Однако случилась беда. Привезенные ими тысяча четыреста овец начали гибнуть, и, кроме того, аборигены стали охотиться на беззащитных животных, принимая их за дичь. Волей-неволей поселенцам пришлось собирать дары океана.

Слух об успехах добытчиков жемчуга распространился по побережьям континента, достиг Дарвина и острова Терсди, находящегося к северу от мыса Йорк. Поэтому из дальних мест начали прибывать ныряльщики — искатели жемчуга, и вскоре городок Брум превратился в центр добычи жемчуга и перламутра. Дело шло довольно успешно. Стали нанимать аборигенов для сбо-

ра морских жемчужниц во время отлива и с морского дна, с глубины до десяти метров.

Тут Майкл спросил:

— Приходилось ли вам читать что-нибудь об искателях жемчуга?

— Да, кое-что я читал. Но авторы говорили об их жизни как бы вскользь. Ничего конкретного вспомнить не могу, за исключением рассказа одного, кажется японского, писателя... Девушка-ныряльщица гибнет... Ее искалечила акула...

— Тогда я в нескольких словах расскажу вам о них. Дело в том, что в разных странах на протяжении сотен и сотен лет добыча жемчуга производилась в тропических водах у побережий пловцами-ныряльщиками. На этой работе использовались коренные жители Южной Америки, Японии, островов Мадагаскара, Шри Ланки, стран Персидского залива... Пловец уходил под воду без какого-либо снаряжения, только в набедренной повязке. Опытный ныряльщик мог пробыть под водой всего секунд пятьдесят—пятьдесят пять, а собирать ракушки со дна — тридцать—тридцать пять секунд. В течение рабочего дня искатель жемчуга нырял тридцать—сорок раз, а иногда и более, собирая при этом около двух тысяч жемчужниц. После нескольких лет такой работы человек глож, слабел, становился инвалидом, умирал в раннем возрасте. К тому же этот труд, можно сказать каторжный, плохо оплачивался, так что последние годы своей жизни ныряльщик проводил в бедности. А сколько опасностей подстерегало этих добытчиков жемчуга в воде! И акулы, и возможность застрять между скалами, и потеря сознания от резкого перепада давления...

Недаром главная достопримечательность Брума — кладбище ныряльщиков: сотни могил. Бедняги! Они старались нырнуть поглубже, выполняя волю хозяев, считавших, что на большой глубине будет обильнее улов. Но и в большом количестве ракушек могло не оказаться ни одной жемчужины.

Добыча жемчуга и перламутра возможна почти на всем побережье Австралии. Например, в штате Западная Австралия — от залива Шарк до залива Кембридж, а далее вдоль северной береговой линии, с переходом на восточную до порта Кэрнс. И богатства здесь лежат на отмелях и мелководье до глубины семьдесят—восемьдесят метров.

— Скажите, мистер Коу, собирают ли и теперь раковины со дна океана, как это делали в старину. Может быть, кое-где ныряльщики все же встречаются?

— Возможно, они где-нибудь и есть, но только не в Австралии. Техническое снаряжение для ныряльщиков появилось в Бруме сто лет назад, в тысяча восемьсот восьмидесятом году: прорезиненные костюмы, медный шлем в комплекте со шлангом для подачи воздуха, свинцовые грузы, пристегиваемые к ногам...

В начале девяностых годов прошлого столетия начали работать в районе полуострова Дампирленд японцы. И ныряльщики, и специалисты.

— Японцы и теперь работают в Австралии по этой части? — полюбопытствовал я.

— Да! Добавлю только одну деталь... Когда началась вторая мировая война, все они были отправлены из Австралии в Японию: из Брума, Дарвина, Торресова пролива. Но в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году японским специалистам по добыче жемчуга вновь было разрешено продолжить их исследования. Так что они и поныне работают в этой стране...

Японцы принесли свой опыт по выращиванию искусственного жемчуга. Я побывал на такой ферме в бухте Кури. Зародыш будущей жемчужины вырезают из перламутра свиного моллюска. Ему придают форму шарика определенного размера и тщательно шлифуют, добиваясь образования весьма гладкой поверхности. А сейчас я вас удивлю. Уверен, что не догадаетесь, чем шлифуют зародыш. Не мучайтесь... порошком из рогов северного оленя. Не ожидали? Зародыш затем вводят в мантию жемчужницы, и, таким образом, перламутровый шарик становится основой для выращивания жемчужины.

— А как это практически делают? Тут должны работать, очевидно, квалифицированные специалисты. Наверное, необходимы и специальный инструментарий, соблюдение стерильности...

— Конечно, конечно! В Кури многое делается, чтобы получить добротный, крупный жемчуг. От этого зависит прибыль фирмы, причем немалая.

Подбору жемчужниц уделяется особое внимание. Представьте двухстворчатую ракушку, то есть состоящую как бы из двух половинок. Одна из них относительно плоская, а вторая более выпуклая. Вот глубина-то выпуклости и предопределяет размер жемчужины.

Прежде чем приступить к работе по вставлению зародыша, мастер закрепляет живую жемчужницу в специальном устройстве — деревянном держателе. Чтобы лучше понять это, представьте, что вы сложили свои руки — локоть к локтю, ладонь к ладони. Теперь разведите ладони и пальцы и мысленно вложите между ними глубокую обеденную тарелку. Вложили? Да! А теперь сведите ладони вместе и зафиксируйте в них тарелку. Так специалист и делает. Затем деревянной палочкой разводит на сантиметр-полтора створки раковины. Отодвинув шпателем толщу мантии, он кладет перламутровый шарик в чувствительную зону — поближе к органам размножения и желудку жемчужницы. Сделав надрез в мантии, вставляет в него зародыш, который плотно входит туда. Эта операция сокращает время формирования мантийного мешочка вокруг подсаженного перламутрового шарика.

Малейший просчет может привести к получению неполноценной жемчужины, то есть маленькой, неправильной формы, тусклого цвета. Раковину опускают в проточную морскую воду. Через два месяца специалист производит тщательный осмотр, и если он определит, что зародыш прижился, жемчужницу помещают в специальный садок...

— А как она живет дальше? Ведь вы говорили, что жемчужина выращивается в раковине два года. Срок большой!

— Извините, я полагал, что вы знаете это. Представьте систему перпендикулярно скрепленных друг с другом бревен. Они образуют замкнутые пространственные прямоугольники: как бы огромный, клетчатой конструкции плот. Он ошвартован у берега, в специальном месте, защищенном от ветров и накатов. Плаучесть этой системы вполне достаточна, чтобы удерживать на себе десятки людей, обслуживающий персонал, и множество корзинок продолговатой формы. В них и помещены жемчужницы. Корзинки подвешены на веревках, закрепленных на бревнах, и находятся ниже уровня воды примерно на метр-полтора, как на устричной ферме.

Как правило, морские жемчужницы-пинктады ведут «сидячий» образ жизни. В естественных условиях они прилипают под водой к скалам, камням, причем не в одиночку, а так называемыми гроздьями и колониями. Поэтому условия жизни в садках для них райские:

проточная теплая океанская вода и изобильный планктон.

Когда извлекают готовую жемчужину, раковину можно использовать еще раз. Но вторая жемчужина, которую она породит, почти всегда меньше и хуже качеством. Поэтому при наличии большого количества жемчужниц нет особого резона заниматься повторной посадкой зародыша.

Но есть еще вариант. Вы знаете что-нибудь о полукруглых жемчужинах? Нет! Тут дело обстоит проще. Внутри раковины подклеивают парочку полукруглых камешков. В результате деятельности организма жемчужницы эти инородные тела в течение нескольких месяцев покрываются перламутром и превращаются в крупные полужемчужины. Так их называют из-за конфигурации. Ювелиры охотно используют полужемчужины в своих изделиях, а покупатели с удовольствием приобретают их. Само собой разумеется, что цена такого жемчуга значительно ниже.

Как известно, главными потребителями изделий из жемчуга являются женщины. Но полукруглыми жемчужинами интересуется особый контингент покупательниц. Поясню: если натуральные и культивированные круглые жемчужины здесь, в Австралии, белого цвета, то полукруглые имеют очень своеобразный, как говорят специалисты, «теплый», золотистый оттенок. А он очень импонирует женщинам с матовым цветом кожи. Поэтому полукруглые жемчужины австралийского производства охотно покупают средиземноморские и южноамериканские страны.

— А какая из стран является главным потребителем культивированного жемчуга, выращиваемого в бухте Кури? — спросил я Майкла.

— Япония.

Майкл поднялся с кресла и направился в свой номер спать, на ходу он пообещал:

— Остальное доскажу в самолете.

...Самолет набирал высоту. Спина все сильнее вжималась в спинку кресла.

— Мистер Коу! Я весь внимание...

— Мне посчастливилось поплавать на люггерах — двухмачтовых парусных судах. Они невелики, длиной всего около пятнадцати метров, но очень мореходны, устойчивы на волне и оснащены для проведения водолазных работ с применением современной техники.

В наше время без них не обойтись при сборе жемчужниц. Водолазы—добытчики на люггерах—японцы, большие мастера своего дела. Команда люггеров немногочисленна: восемь-четырнадцать человек.

Примерно пятая часть водолазов работает без скафандров, обнаженными, однако с применением аппаратов, называемых «кальян». Эти собиратели жемчужниц действуют на небольших глубинах. Они передвигаются по дну и тащат за собой воздушный шланг. Два люггера фирмы «Перлс Птай Лтд» снабжены таким оборудованием. Что же касается остальных семи люггеров, то их водолазы работают в скафандрах и шлемах, именуемых в бухте Кури на местном жаргоне «твердыми шляпами». Сейчас в Австралии семнадцать люггеров. Знаете, сколько культивированных жемчужин производят в Австралии?

— Не имею ни малейшего представления.

— Сто тридцать две тысячи шестьсот семьдесят семь жемчужин! Их общий вес составляет семьдесят две тысячи пятьсот двадцать шесть момми. Момми—специальная весовая единица для жемчуга—три целых, семьсот шестьдесят девять тысячных грамма. Стоимость экспорта культивированного жемчуга из Австралии падает.

Увеличение и развитие производства пластмасс и синтетического жемчуга снизило спрос на культивированный жемчуг, точно также как последний в свое время возобладал на рынке над натуральным.

Любая девчонка купит за десять-пятнадцать долларов нитку синтетического жемчуга, станет рядом с богатой леди, у которой на шее ожерелье из натурального, и никто не отличит настоящее от искусственного. К тому же натуральный жемчуг при ношении на теле темнеет, а затем с течением времени разрушается. Вообще-то срок жизни натуральной жемчужины не более ста пятидесяти лет. А разрушение ее начинается примерно с шестидесяти. Так что если прабабушке на ее свадьбе подарили жемчужное ожерелье, то правнучка, получившая его по наследству, к концу своей жизни воочию сможет убедиться в его порче...

Но вернемся к люггерам. Сейчас в Австралии всего семнадцать специально оборудованных люггеров, занятых только добычей жемчуга. Из них одиннадцать в Западной Австралии, пять в штате Квинсленд и один в водах Северной Территории. Как видите, большинство

из них в местах, о которых я рассказываю вам. Когда-то городок Брум называли «домом» люггеров. В тысяча девятьсот третьем году на его рейде было от трехсот до трехсот пятидесяти этих славных парусников-трудяг. Во время жемчужного бума на побережье Западной Австралии население Брума составило к тысяча девятьсот десятому году четыре тысячи человек.

Добыча жемчуга и перламутра, согласитесь, — профессия романтическая. Она сохранилась в Австралии и в наши дни. Однако о ее размахе в прошлом напоминают лишь печальные могилы искателей жемчуга в Бруме. Вспомните, как редки натуральные жемчужины. Чтобы найти одну, приходится поднять со дна океана тысячи и тысячи жемчужниц.

— А пришлось вам это увидеть во время четырех дней плавания на люггере?

— Да! Причем дважды. И обе жемчужины были подняты в третий день моего пребывания на нем. Это чудо произошло в районе Эй-и-Майл-Бич, наиболее частом месте работы люггеров, на глубине около пятнадцати метров.

— А как работает водолаз в этом случае?

— Обычно. С борта люггера по трапу сходит в воду, опускается на дно и, передвигаясь по нему, собирает жемчужницы в сетки. По мере наполнения их поднимают на борт, выгружают на палубу и сортируют. Вот во время этой сортировки и были обнаружены среди больших ракушек две, в которых и нашли по жемчужине.

Что касается молодежи жемчужниц, то в Кури ее рассортировали, разместили в корзинах и опустили в проточную океанскую воду в садках. Этим делом занимаются аборигены с острова Терсди. Они традиционно работают на фермах в бухте Кури, на мысе Левек и на своем острове. В Кури их человек двадцать, а может быть и больше.

— В районе Кури, должно быть, проживают и местные уроженцы?

— Конечно! Вообще в Западном Кимберли их немало. В соседней бухте, к северу от Кури, есть резервация аборигенов — Кунмунья, а на полуострове Дампирленд, к северу от Брума, две резервации — Бигл-Бей и Ломбардина.

— А вы общались с жителями Кунмуньи?

— Не пришлось. Все мои интересы замкнулись на жемчужной ферме и побережье к югу от нее.

— Жаль...

— Почему?

— Вы же говорили, что Дампир и его моряки видели аборигенов, собиравших перламутровые раковины на отмелях. И я полагаю, что от уроженцев района Кюри вы смогли бы услышать интересные истории или легенды о жемчужницах и жемчуге, которые оставили им их предки.

— Вы безусловно правы. Но я знаю легенду, рассказанную в свое время моему другу одним метисом — полуаборигеном-полуевропейцем.

В незапамятные времена в красивой и уютной бухте на северном побережье Австралии жили люди намага, морские жемчужницы. Много поколений прожили там свою жизнь счастливо и в довольстве. В теплой, прозрачной морской воде бухты было много живности, и никогда люди намага не бедствовали, не знали голода и холода. Соседние племена завидовали им. Но намага были доброго нрава и всегда помогали бедствующим, делились с ними едой. И вот за эту доброту и щедрость, как полагали люди, намага были вознаграждены высшими силами: их женщинам была дарована необычайная красота и способность рожать прекрасных дочерей — жемчужин.

Но как всегда бывает, счастье не может длиться бесконечно. Как-то темной ночью мужчины-завистники из соседнего племени незаметно пробрались на стоянку намага и похитили девушек-жемчужин. Потому что хотя в укрытиях, где спали люди, была крошечная тьма, однако девушки-жемчужины были хорошо видны. Ведь они были белые-пребелые.

А когда взойшло солнце, несчастные матери и отцы с ужасом увидели, что все их юные дочери-жемчужины исчезли. Позже убедились, что их украли: многочисленные следы коварных похитителей вели в сторону пустынных земель. Мужчины-намага хотели броситься в погоню, но они не могли уйти от воды. В конце концов люди намага успокоились: девушки-жемчужины могли жить и вдали от моря.

Желая обезопасить себя в будущем, мудрые старейшины решили, что намага должны уйти в воду бухты и жить на морском дне. И еще они решили: чтобы в будущем ничего подобного не могло случиться в их но-

вой жизни, лишь избранные женщины смогут рожать дочерей-жемчужин, которых будет очень трудно отыскать злым людям на дне моря.

И все намага превратились в морских жемчужниц и стали жить под водой¹⁰.

Прошло много времени. Никаких врагов у намага не было, число их значительно увеличилось, и они расселились во всех бухтах и заливах вдоль побережий, омываемых теплыми водами.

Прошло еще много-много времени, и появились у намага новые враги — люди, которые стали искать редчайших дочерей-жемчужин на дне морей и океанов. Однако их защищает добрая вода.

Когда Майкл закончил легенду, я спросил его:

— Когда вы были в Кури, вам довелось увидеть там большое количество жемчуга?

— Да, чтобы ошеломить посетителей, им показывают на небольшом подносе горку жемчуга... Жемчужины были одна к одной, наивысшего качества...

— А какие еще в Бруме достопримечательности?

— О кладбище искателей жемчуга я уже рассказал. Это печальное место активно посещается туристами. Это есть еще и другие достопримечательности, например памятник Дампиру. Он совершенно необычен. Представьте себе лужайку, поросшую высокой зеленой травой... На ней прямоугольный постамент из белых каменных блоков, уложенных в два ряда — ступенькой — один над другим. На этом каменном основании установлено подобие старинного морского сундука, в котором моряки триста лет назад, а может быть и более того, хранили свои пожитки. Он сделан превосходно: металлические оковки, прибитые гвоздями, и две скобы с замочными скважинами... На полосе средней оковки выгравированы имя и фамилия — Уильям Дампир, а ниже — цифры: тысяча шестьсот пятьдесят два — тысяча семьсот пятнадцать.

Еще можно назвать здешними достопримечательно-

---

¹⁰ Большинство легенд австралийских аборигенов объясняет происхождение природных явлений, приметных географических объектов, живых существ. Мифические предки превращаются в рыбу, кенгуру, птицу... и продолжают жить в новом облике, сохраняя при этом свои первоначальные качества. Они разговаривают, мыслят, соблюдают прежние обычаи, ведут традиционный образ жизни. В данном случае люди намага превратились в морских жемчужниц. По понятиям аборигенов, такое превращение совершенно естественно.

стями прекрасный пляж и замечательный плавательный бассейн «Анастасия», а рядом с ним, в двадцати пяти метрах от мыса Гентьюм, находится совершенно необычная, на мой взгляд, достопримечательность. Подобного я нигде не видел: на дне моря во время отлива вы можете увидеть отпечатки ног динозавра, оставленные им около ста двадцати миллионов лет назад. Ныне форма следов впечатана в бетон, уложенный на морском дне.

И еще есть одно местечко, которое посещают туристы в Бруме... Это Китай-город. Вы, должно быть, знаете о китайских поселенцах в Австралии. Они были сюда довольно-таки давно...

В Мельбурне мы с Коу расстались. Он улетел в Сидней, а я в Канберру. И в самолете, подремывая в кресле, как-то невольно вспоминал рассказ Майкла о далеких островах Аброльос, о бухте Кури, о людях намага из легенды о жемчужницах и их прекрасных дочерях-жемчужинах, затаившихся на дне теплых морей и океанов. К ним жадно тянутся руки ненасытных искателей жемчуга, но вода защищает их как может...

ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ

А было так... В период с 25 ноября по 17 декабря 1968 года состоялось ралли — «марафон Лондон—Сидней». Миллионы австралийских болельщиков внимательно, волнуясь при этом в меру и безмерно, следили за успехами и неудачами своих команд и автогонщиков. Среди участвовавших в «марафоне» ста экипажей много было и австралийских. Австралийский Союз — страна автомобилей. На каждые два и восемь десятых жителя в те времена приходился один автомобиль. И можно сказать поэтому, что все австралийцы — за рулем: дедушки и бабушки, дети и внуки понимают толк в автогонках. А тут невиданный по протяженности семнадцатитысячекилометровый маршрут...

Но переживали за автогонщиков не только австралийцы. Волновались и мы — советские специалисты, работавшие в Австралии. Дело в том, что в автогонке принимали участие четыре наших «Москвича» под номерами «7», «19», «20» и «98».

Советский экипаж состоял из десяти человек. На «Москвичах» со стартовыми номерами «7» и «20» было по три человека, на двух других — по два.

Шел день за днем, а машины автогонщиков, как сообщали газеты, радио, телевидение, мчались, оставляя позади территории одной страны за другой... Франция, Италия, Югославия, Болгария, Турция, Иран, Афганистан, Индия... В Бомбей участники ралли прибыли 2 декабря. Всем им предстояло пересечь Индийский океан и совершить путешествие до Фримантла — Перта. Переход на судне длился девять суток, и все это время болельщики строили гипотезы о возможных победителях. Ряды раллистов поредели. Немало машин по разным причинам сошли с дистанции, и их водители так и не увидели пятого континента. 14 декабря был дан старт в городе Перте и участники «марафона» помчались по австралийской земле, по нелегкому маршруту длиной около пяти тысяч шестисот километров. Напряжение среди болельщиков нарастало. Теперь машины были не где-то в Европе и Азии, а здесь, в Австралии, можно сказать дома. Каждый день средства массовой информации сообщали об авариях, поломках, неполадках, сбоях... Количество соревнующихся сокращалось, но, к нашей радости, четыре «Москвича» бежали и бежали по австралийским дорогам.

Пройдя Западную Австралию, участники «марафона», двигаясь в восточном направлении, последовательно пересекли штаты Южная Австралия, Новый Южный Уэльс, затем круто свернули на юг, ворвались в штат Виктория и оттуда, от городка Омео, начался заключительный этап — восьмисоткилометровый пробег до Сиднея, занявший у участников около одиннадцати часов.

И вот наконец семнадцатого декабря тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года состоялся финиш уникального в своем роде ралли «марафона Лондон—Сидней».

Автомашины прибывали. Многие из них имели царапины, вмятины, искореженные бамперы, выбитые фары. Маршрут «марафона» был сложен и труден. Но все четыре «Москвича» успешно дошли до финиша. И хотя наша команда не получила призового места, однако большим достижением было то, что все советские автомашины прибыли в Сидней. Команды многих стран такого успеха не имели: их автомашины остались на дорогах Европы, в горных районах Азии, да и на территории Австралии.

После подведения итогов ралли в Сиднее в Гайд-парке состоялся парад-выставка автомашин, успешно закончивших «марафон». У организаторов парада-выставки было две цели: во-первых, реклама марок автомашин, показавших хорошие результаты во время пробега, во-вторых, дать возможность австралийским болельщикам и жителям Сиднея увидеть автомобили разных стран мира, поговорить с участниками ралли...

Вход в Гайд-парк совершенно свободный. Тысячи людей, специально пришедшие на парад-выставку, в течение почти трех часов толпились на зеленой лужайке, переходили от машины к машине, беседовали с автогонщиками.

«Москвичи» ставили на отведенные им места и меня попросили помочь подтолкнуть одну машину. У нее не включался задний ход. Когда я уперся руками в капот «Москвича», еще две руки легли на передок машины, рядом с моими.

Это оказался мужчина лет пятидесяти, выше среднего роста, плотного телосложения и, очевидно, довольно сильный физически. Темный шатен, сероглазый. Тщательно выбритое лицо смугловато от загара. Несмотря на жару, он был в темно-синем, весьма элегантном костюме в светлую полоску, в отличие от остальных мужчин, одетых в белые рубашки.

— Вы советский? — спросил незнакомец.

— Да, я из Москвы, работаю здесь.

— Меня зовут Джером Вильямс. Будем знакомы. — Он протянул мне руку, сильную, жесткую, цепкую, и долго не выпускал мою.

Я тоже представился.

— Чем могу служить? — спросил я.

— Хочется поговорить с человеком из Советской России. Давно не имел такого случая, с войны.

— А при чем тут война? — насторожился я.

— Дело в том, что я однажды побывал в вашей стране. И это было именно во время войны.

— Где, при каких обстоятельствах?

— Вы знаете, конечно, такой порт — Мурманск? А обстоятельства были просты: война, морской конвой и я в составе экипажа судна, доставившего в вашу страну различные грузы.

— Так вы служили в британском флоте?

— Нет, я был гражданским моряком, но случайно

попал на английское торговое судно. И вот сделал один рейс в Мурманск.

Мы помолчали.

— Может быть, это прихоть с моей стороны и вы не сможете понять меня, но мне, представителю четвертого поколения белых австралийцев, прямому потомку первых каторжан, прибывших сюда еще во время правления первого генерал-губернатора колонии Новый Южный Уэльс, капитана Филлипа, очень хочется поговорить с представителем другого мира.

Мы договорились встретиться вечером...

— Хочу рассказать вам о своей жизни и немного о моей стране — «Оссиленде», или, как мы ее еще называем, «Кенгаруленде».

Большинство каторжников, которых ссылали в Австралию, преступниками не были. Представьте себе... какой-нибудь изголодавшийся бедняк поймал рыбу в реке, протекающей по территории какого-либо лендлорда, или выкопал из земли несколько картофелин. В те времена его просто вешали за это или отдавали под суд. Вот он и получал несколько лет каторжных работ за такой пустяк, и его отправляли в такую колонию, как Новый Южный Уэльс. Среди ссыльных было немало подростков и детей. Их приговаривали к каторге за кражу куска хлеба, булки, за мелкое воровство. В основном это были сироты, бездомные, брошенные родителями, которые не могли их прокормить. Их использовали и опытные воры в качестве помощников. Конечно, не следует забывать того, что среди ссыльных были и профессиональные воры, были и бандиты, с руками, обогранными кровью, которым какими-то путями удалось избежать смертной казни. Статистика свидетельствует, что одна пятая контингента каторжников все же состояла из преступников.

Однако история упоминает и о том, что среди ссыльных находился мальчуган-каторжник. Он был таким маленьким, что сам не мог ни одеться, ни раздеться. Кроме того, очень многие из ссыльных каторжников — мужчин и женщин — в результате долгих лет голодной, нищенской жизни были людьми истощенными, изможденными, без всяких профессий. Все это сказалось при основании колонии...

Первыми политическими ссыльными, прибывшими в Новый Южный Уэльс в тысяча семьсот девяносто четвертом году, были неизвестные «шотландские муче-

ники». Они активно боролись с англичанами за независимость своей страны, и, естественно, британское правительство не простило им этого.

За шотландцами в Австралию стали высылать сотни и сотни ирландцев за их участие в многочисленных восстаниях против английского гнета. Но ссыльные ирландцы, освоившись со своим новым положением, продолжили борьбу с представителями британской администрации на австралийской территории. Они нападали на правительственные обозы, почту, вступали в перестрелку с полицией, солдатами, расправлялись с ненавистными им представителями английских властей.

Приток ирландских политических ссыльных особенно увеличился после антианглийских восстаний тысяча семьсот девяносто восьмого года.

Своих единокровных братьев они тоже не щадили. Сейчас лишь с трудом можно поверить, что в те далекие времена, в конце семнадцатого — начале восемнадцатого века британские власти уничтожали организаторов, пытавшихся объединить людей, из числа рабочих, чтобы противостоять нанимателям, выплачивавшим мизерную плату за их труд. Вам знакомо такое слово — Толпуддл?

— Нет, — ответил я, — впервые слышу.

— Это название небольшой английской деревни. Так вот, очень известными в те времена были «толпуддлские мученики», или, как их еще называли, «дорчестерские чернорабочие». Их лидеры пытались объединить в союз сельскохозяйственных батраков на территории графства Дорсетшир. Они призывали их к борьбе с хозяевами, которые намеревались снизить и без того низкую заработную плату — с семи-восьми шиллингов в неделю до шести. Они были сосланы в Австралию в тысяча восемьсот тридцать четвертом году как каторжники. Ну а позже, после подавления антиколониального восстания тысяча восемьсот тридцать седьмого-тридцать восьмого годов в Канаде, британское правительство в тысяча восемьсот тридцать девятом-сороковом годах выслало в Австралию около тысячи канадских французов...

Не миновали своей участи и чартисты. Британское правительство отправило в Австралию немалое их число. Хочу заметить, что, высылая политических заключенных, английские судьи, желая завуалировать формулировки приговоров, объявляли, что наказываются та-

ким образом «только неисправимые» люди. На самом-то деле ссылке подвергались наиболее активные деятели рабочего движения.

Я иногда в шутку рассказываю — и многие мне верят, — что моим прапрадедом был тот самый малыш-каторжник, который сам не мог ни надеть, ни снять с себя штанишки. Но это шутка.

Кто был наш предок, сосланный в Австралию, мой отец точно не знал. Мало что он знал и о своем отце, моем деде. К тому же отец умер в двадцать втором году, когда мне было десять лет. Только из рассказов матери я знаю, что дед был весьма бедовым человеком. Он почти не жил со своей семьей, часто и подолгу отсутствовал. Как рассказывала мать, мой отец не любил о нем говорить. Дед не раз сживал в тюрьме. Какое-то время был бушрейнджером¹¹. И много лет занимался добычей золота. В тысяча восемьсот пятидесятом году в Новом Южном Уэльсе нашли золото. Началась золотая лихорадка, которая, можно сказать, продолжалась до начала нашего века. Мой дед, очевидно, и сам добывал золото как старатель, и грабил золотоискателей. По семейным преданиям, дед окончательно исчез в тысяча восемьсот семьдесят шестом году. Кто-то рассказал моей бабушке, что последний раз его видели в Брисбене.

Мой отец был полной противоположностью деду. Человек весьма умеренный во всем, хороший столяр, умелец. Положительный во всех отношениях. Но над нашим родом, должно быть, какой-то злой рок: представители всех четырех поколений побывали в тюрьме. Отец провел в тюрьме шесть месяцев. По рассказам матери, его подвел подрядчик при строительстве одного из домов: он совершил какую-то махинацию с деньгами заказчика, не выполнил обязательств, сам сел в тюрьму и «потачил» за собой отца и еще нескольких строителей. А меня черт попутал. Несколько лет назад надоело мне шоферить и я решил сделать перерыв в работе на два-три месяца. Как-то встретил на улице в Аделаиде, где я живу, своего давнего приятеля. Он предложил мне поразвлечься: поехать с ним поохотиться на кенгуру. Я принял предложение, но я и не предполагал, что это будет не охота, а варварское уничтожение животных. Нас прихватили на следующий же день. А на-

---

¹¹ Бушрейнджер — австрал. слэнг: грабитель.

кануне мы убили больше двадцати кенгуру. На полянке, где мы их разделявали, осталось много следов, в том числе и отрубленные головы животных. Мои товарищи по «охоте» полагали, что служба охраны в это время где-то далеко. В результате я «отдохнул» три месяца. Простить себе не могу. Теперь уже поздно говорить, но я не подозревал, что такое может твориться, хотя иногда пробегал глазами газетные заметки, в которых рассказывалось о хищническом истреблении кенгуру. Ну, что говорить об этом... Я только надеюсь, что ни мой сын, ни моя дочь — представители пятого поколения — в тюрьме не побывают.

— А как вы оказались в Мурманске? — спросил я Вильямса.

— Была же война.

Австралия вступила во вторую мировую войну третьего сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года. До этого времени я спокойно плавал на сухогрузе машинистом. Мне было почти двадцать семь лет, вполне взрослый, самостоятельный человек, к тому же два месяца как женатый.

С начала войны в Австралии началась подготовка к отправке в Европу, в помощь Англии, австралийских войск. И я, как моряк, оказался на одном из транспортных судов, входивших в Первый конвой. Мы вышли из Фримантла двадцатого января сорокового года в составе одиннадцати транспортов и двух крейсеров охранения — «Австралии» и «Канберры».

Как сейчас помню... Мое судно шло в левой колонне. Между нами и судами, идущими в центральной колонне, шел крейсер «Австралия». Крейсер «Канберра» шел между судами, идущими в центральной и правой колоннах. И я тогда не знал, — заметил мимоходом Вильямс, — что крейсер «Канберра» будет потоплен в августе сорок второго года, во время боя с японской эскадрой в районе Соломоновых островов. Но это было много позже... А пока мы шли по Индийскому океану, и главной задачей транспортных судов и кораблей охранения было доставить на Ближний Восток тринадцать тысяч солдат и офицеров шестой дивизии и новозеландских частей.

Шли долго. Каждый день по правому борту от нашего судна я видел трехтрубный крейсер «Австралию», его четыре двухорудийные башни с восьмидюймовыми пушками. Война только началась, немецких подводных

лодок в Индийском океане еще не было, и переход прошел спокойно. Двенадцатого февраля Первый конвой в полном составе вошел в египетский порт Исмаилию. Оттуда австралийские войска отбыли в Газу ...

— А что было потом? Вы возвратились в Австралию за новым контингентом войск?.. — спросил я.

— Новые австралийские войска отправлялись на Ближний Восток, но уже без меня..

— А почему?

— Дурацкая история... Когда мы стояли в Исмаилии, я, спускаясь по трапу в машинное отделение, оступился, упал на стальную палубу и сломал руку и ребро. Меня поместили в госпиталь. А по выздоровлении назначили на английский пароход, на котором я и попал из Александрии в Англию. Очень хотел вернуться в Австралию... Жена ждала ребенка... Но война есть война! На Австралию в ближайший месяц судов не ожидалось, а тут на английском судне умер машинист.

— А как вы оказались в Мурманске?

— Очень просто, наши страны были союзниками.

— Но Австралийский Союз не был нашим прямым союзником.

— Почему не был? Поскольку он и поныне доминирует Англия, значит, во время войны входил в состав Великобритании, следовательно, в то время мы были союзниками. Судно, на котором я плавал, было определено в состав конвоя, и в январе тысяча девятьсот сорок второго года я оказался в Мурманске. Нам повезло. Всего лишь один транспорт был поврежден торпедой, да один английский эсминец охранения был потоплен немецкой подводной лодкой. После выгрузки обратный путь до Англии наш караван судов прошел спокойно. Не всем так везло.

Наше счастье, что мы прибыли в вашу страну в январе. Тогда у немцев в норвежских портах и шхерах было не так много кораблей, как в середине тысяча девятьсот сорок второго года, когда шел конвой PQ-семнадцать. К июлю, как я помню, в Норвежском и Баренцевом морях немцы сосредоточили три линкора, крейсера, эсминцы и подводные лодки для действий против конвоев. Я до сих пор тепло вспоминаю свое пребывание в Мурманске. Мне нравятся ваши песни, — неожиданно заключил свой рассказ Джером и вдруг тихим, не лишенным приятности голосом напел мелодию «Катуши», а затем и «Широка страна моя родная».

— Слов не знаю, но мелодии этих песен до сих пор напеваю или насвистываю, — не без гордости сказал Вильямс и добавил: — Знаете ли, когда я веду свой автопоезд по бесконечным дорогам в течение долгих часов, то, чтобы не одуреть от монотонной езды и не уснуть, напеваю все известные мне песни. А если не знаю слов, просто насвистываю мелодии.

— Давно вы водите автопоезда?

— Почти семь лет. Легковые машины и легкие грузовики я водил уже с конца тридцатых годов. Конечно, пришлось еще подучиться. Один из старых друзей пригласил меня в Дарвин, где он работал автомехаником. Два месяца тренировок, и я с напарником выехал в Алис-Спрингс. Автопоезд состоял из тягача и трех прицепов — «собак», как называют их на тамошнем жаргоне. Ехали мы с напарником хорошо, без помех, и я даже не успел заметить, как мы преодолели тысячу пятьсот километров, тем более что в тех местах я был впервые и все меня интересовало.

— Ваш основной груз — скот? — спросил я.

— Да. Мы называем его точнее — мясным скотом. Экспорт говядины и телятины дает Австралии около миллиарда долларов...

— А какое количество скота живьем вывозится из Северной Территории?

— Могу только сказать о перевозках автопоездами. За год около ста двадцати тысяч голов, главным образом в штаты Западная Австралия, Квинсленд и Южная Австралия. Скот также экспортируется, около трех тысяч голов в год, в Гонконг.

— А как развита сеть скотопрогонных дорог?

— В северных районах Австралии эти дороги начали строить еще во время войны, когда опасались вторжения японцев из Новой Гвинеи. Ведь потребовалась переброска войск, техники, снабжения. А затем, с начала шестидесятых годов, правительство приняло большую программу строительства скотопрогонных дорог стоимостью в сотни и сотни миллионов долларов. Если говорить только о Северной Территории, то здесь уже эксплуатируются новые дороги протяженностью около двух с половиной тысяч километров. Причем две трети из них асфальтированы, а остальные с гравийным покрытием.

Естественно, что в эксплуатации находятся и все старые дороги, которые время от времени поднов-

Сидней. Памятник Джеймсу Куку

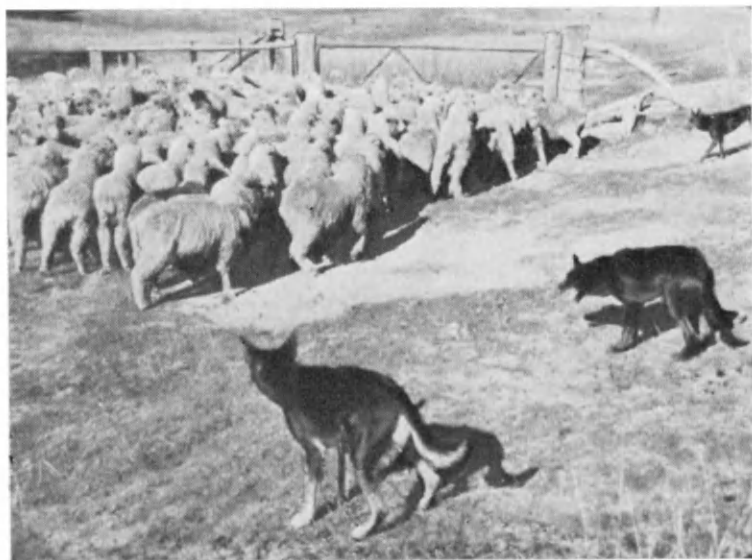

Дом Джоэ Тимбери
в резервации Лаперуз

Джоэ-младший играет
на диджериду

Кэлпи

Кэлпи собрали овец
для перегона

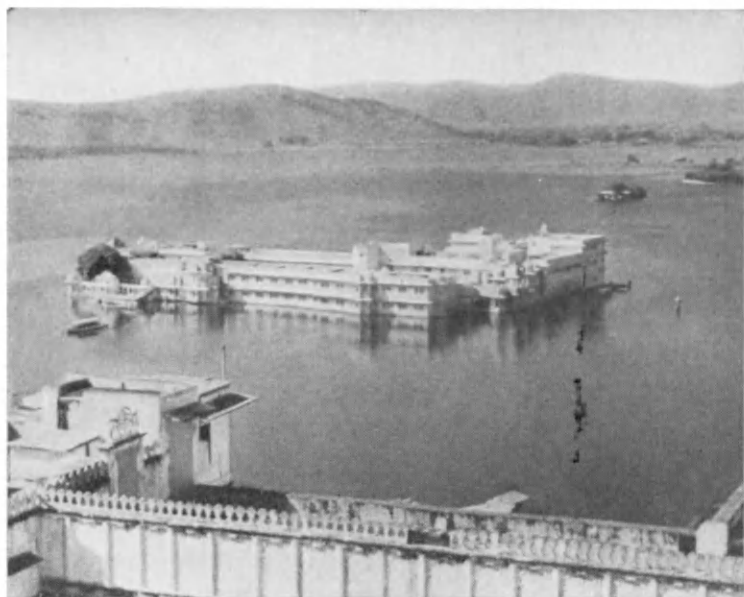
На сельскохозяйственной
выставке в г. Канберра

Уход за раковинами
на острове Терсди

Так выглядит жемчужина,
выращенная в раковине

Жемчужина закреплена
в специальном
устройстве

Вид на Озерный дворец
с крыши
Городского дворца

Внутренний дворик
в Озерном дворце

Памятник герою Мевара
махаране
Пратану Сингху

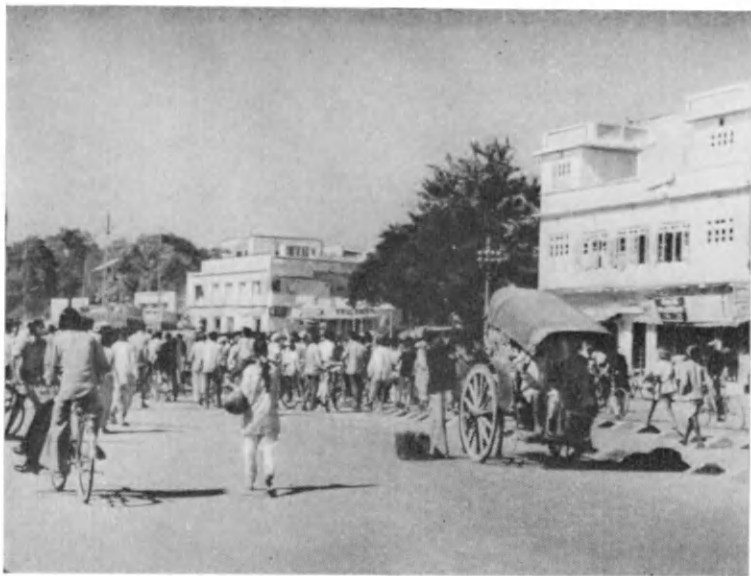
Джяг Мандир —
внутренний двор

«Беседка для подружек»

На улицах Удайпура

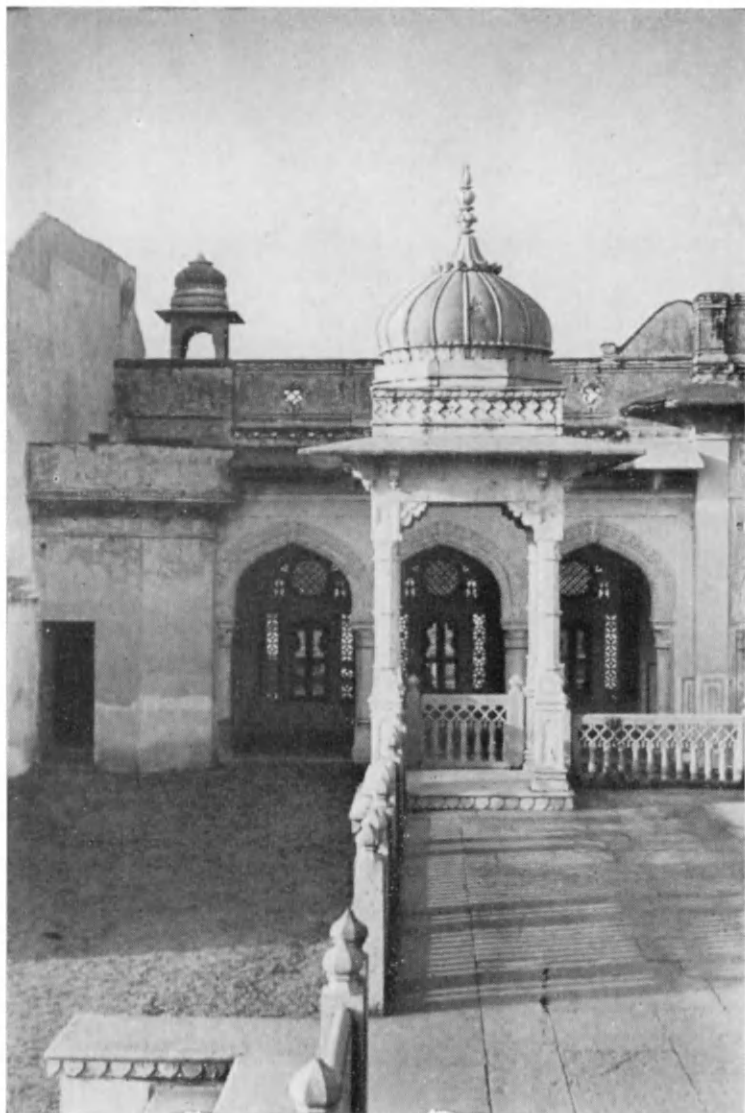
Бомбей. Рынок Махатма Дзотиба Пхуле

Праздник Ганешачатуртхи

Внутренний двор дворца раджастханских правителей

Кочин. Собор Санта-Круз

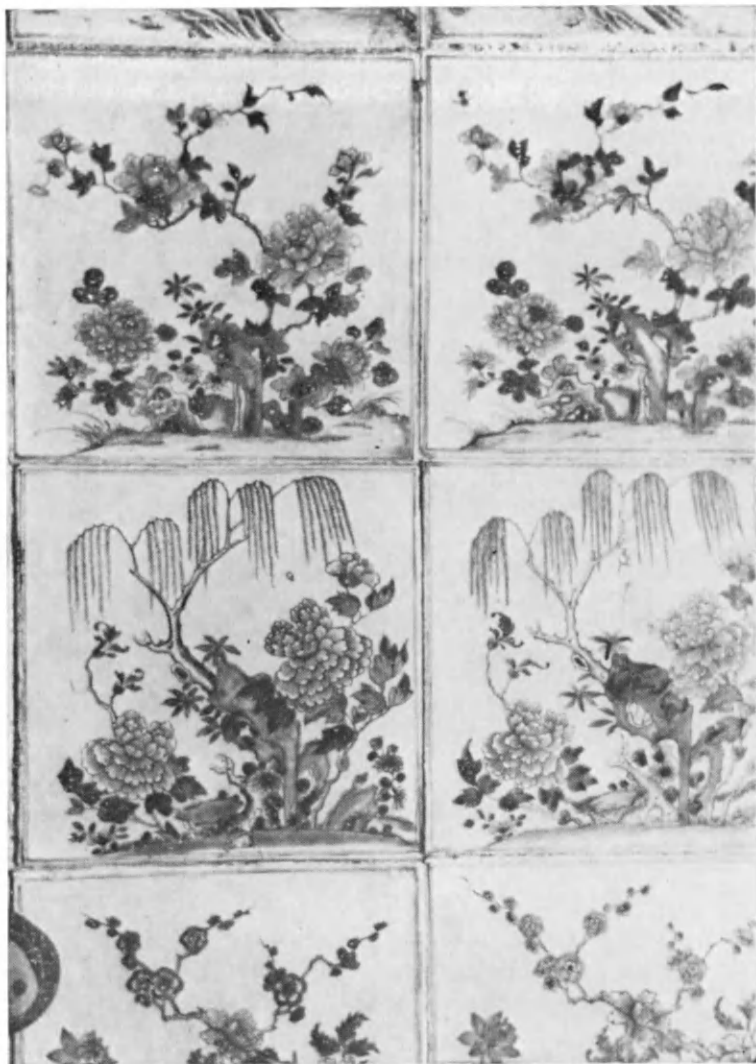

Парадная лестница дворца (Раджастхан)

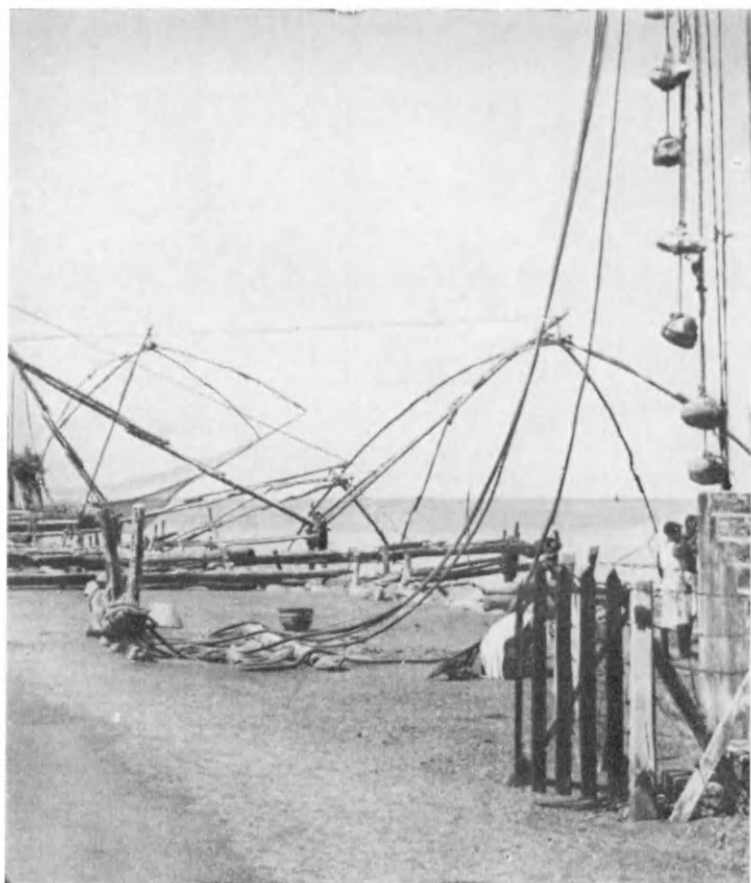
В окрестностях Джайпура

Кочин. Джю-таун. Пол в синагоге

Китайские рыболовные сети в Кочине

ляются. Первые автопоезда в Австралии начали ходить в тысяча девятьсот тридцатом году...

Вы представляете, каких усилий и сколько времени требовал перегон скота в прежние времена из глубинки до порта, более или менее крупного населенного пункта, до скотобойни. А какие потери были... за сотни километров пути, особенно во время засушливого периода. Скот терял в весе, животные гибли от жажды и голода. А во время дождливого периода тоже было не легче. Площадь Северной Территории составляет миллион триста сорок шесть тысяч квадратных километров. На ней могут с комфортом разместиться Франция, Испания и ФРГ, вместе взятые. И хочу еще добавить: восемьдесят один процент площади Северной Территории находится в тропической зоне, остальная — в полосе жаркого климата. И когда в период муссонов, с ноября по апрель, свирепствовали тропические ливни, скот буквально увязал в грунте и зачастую вообще не мог двигаться... Приходилось пережидать, когда спадет вода и подсохнет земля. Ясно, что на перегоны уходило много времени — месяц, два, а то и больше, и гуртовщики соглашались на такую работу только за высокую плату, причем весьма неохотно.

Расскажу вам одну историю, которую когда-то слышал. Дело было лет тридцать пять — сорок назад. Два перегонщика, у нас их называют дроверы, гнали сотни три быков из Северной Территории в порт Дерби. Им нужно было пройти около двух тысяч километров. Вы сами понимаете, что двигались они не по прямой. Дроверы выбирали путь, проходивший через пространства, поросшие травой, с водоемами. Быки медленно двигались, попутно щипали траву, задерживались у водопоев. В то же время погода делала свое дело — жара, ветер, дожди, ливни и тому подобное. На этот перегон ушло около двух лет. Много быков пало в пути. И когда стадо наконец достигло Дерби, то изумлению местных жителей не было предела. Перед ними предстали дроверы — совершенно одичавшие, жуткого вида, в лохмотьях, невероятно обросшие. Они производили впечатление больных, выкрикивали хриплыми голосами отдельные слова и, казалось, утратили способность произносить фразы и рассказывать что-либо. Немало, как говорят, прошло времени, пока они обрели дар речи и пришли в норму. Представьте себе: два года день за днем с рассвета до захода солнца гнать быков, орать

на них, гоняться за строптивыми и непослушными животными. Вечером быстрое приготовление ужина. Ночью несколько тревожных пробуждений: лай собак, почуявших приближение динго. И так два года... Без выходных и праздников. А вот сейчас...

Мы, профессионалы водители автопоездов, гордимся своей тяжелой, но очень нужной профессией, и недаром нас считают цветом шоферского сословия.

— Почему вы избрали местом жительства Северную Территорию? В Австралии это самое необжитое, малолюдное и, наверное, скучное место?

— Что вы, сэр! На мой взгляд, для работы нет лучшего места. Бескрайние просторы, каждый человек на счету, хорошему специалисту — цены нет. А какие огромные перспективы развития Северной Территории! Там имеются огромные богатства в недрах: олово, медь, уран, цинк, серебро, золото, природный газ, бокситы, свинец, железная руда. Найдена нефть... Вопрос упирается в нехватку средств и рабочей силы. Но недра Северной Территории начали уже отдавать свои богатства людям. Например, добыча олова в районах Дарвина и Алис-Спрингс производится с давних времен, еще с тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, а уран начали добывать в Рам-джангле в тысяча девятьсот сорок девятом году.

Я посетил многие места в Северной Территории, в том числе и несколько поселений аборигенов. Если память мне не изменяет, в районе Алис-Спрингс находится шесть резерваций и миссий, в том числе и Хермансбургская миссия — старейшее поселение аборигенов в Северной Территории, — основанная в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году немецкими лютеранами. Первые миссионеры прибыли туда в тысяча восемьсот семьдесят пятом году из Южной Австралии. Два года ушло на устройство миссии, строительство жилья. Тут же было положено начало животноводческому хозяйству. В тысяча восемьсот семьдесят седьмом году миссия располагала тремя тысячами овец, имела двадцать голов крупного рогатого скота и тридцать семь лошадей... Хермансбург — место рождения великого сына народа племени аранда Наматжиры (он родился в тысяча девятьсот втором и умер в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году), ныне всемирно известного художника.

Я был на его могиле. Она находится недалеко

от входа в миссию. Я стоял у могилы и читал надпись на гладкой прямоугольной плите из черного камня, вделанной в огромную белокаменную глыбу, установленную в изголовье могилы. Тот летний день был непомерно жарок, и солнечные лучи, отражаясь от нее, слепили глаза и затрудняли чтение. За сверкающей на солнце белокаменной глыбой, вдаль, виднелись зеленые кроны эвкалиптов, а за ними высилась гора. Та самая, которая неоднократно украшала нарисованные им пейзажи. Я видел их и раньше, до того как приехал в Северную Территорию, и не верил, что реально существуют такие цветосочетания. Величественные горы, окраску которых не сразу и определишь: фиолетовые, опаловые, синие, оранжевые, бордово-красные, зеленые... Освещенные солнцем эвкалипты... Их как бы неправдоподобно белые стволы резко контрастируют с серо-рыжей, запыленной, жухлой от тропического зноя травой. И кажется, что от заскорузлой, раскаленной, растрескавшейся, пересохшей земли взмывают вверх, к бледно-голубому распаренному небу призрачные потоки разогретого воздуха...

Мне посчастливилось увидеть акварели Наматжиры. А знаете, Наматжира рисовал свои акварели не только на бумаге, но и на досках из бобового дерева? И многие утверждают, что они лучше, чем написанные на бумаге. Я тоже так думаю...

Кроме того, мне довелось поговорить с людьми, знавшими художника. Они не были его близкими друзьями, просто знакомыми, вспоминали беседы с ним, рассказали мне о его внешнем облике, одежде, которую он носил, о его жене Рубине, о его сыновьях Эвальде, Оскаре, Енохе, ставших, как и он, художниками. Наматжира оставил после себя плеяду акварелистов-аборигенов. Они всемирно известны, как представители Хермансбургской школы живописи. Многие знают о тяжелой жизни художника-аборигена, которую он прожил весьма достойно, несмотря на все испытания, выпавшие на его долю. Наматжира был патриотом своего маленького народа аранда. Гордился им. Он любил рассказывать легенды своего племени, прекрасно знал все его обряды и мифологию. И хотя Австралийский Союз еще в тысяча девятьсот первом году стал доминионом Англии, однако по отношению к коренным австралийцам, в том числе и к великому Наматжире, применялись беспощадные колониальные законы.

Последовала пауза.

— Пойду, а то кукабарра прокричит о восходе солнца,— сказал Джером.

— Как так?

— Разве вы не знаете, что утренние передачи по радио в Австралии начинаются с сигнала — крика кукабарры?

Я расскажу вам легенду о ней.

Когда-то, еще во «Времена сновидений», даены узнали, что обитающий высоко на небе творец, создатель земли и всего сущего на ней, повелел, чтобы свет ежедневно возвращался на землю, сменяя темноту ночи, а вечерняя звезда возвещала о восходе солнца, посылающего свет и тепло всем людям, животным, растениям на земле.

Но вскоре создатель понял, что этого мало — ведь спящие крепким сном, уставшие после охоты и поисков пищи люди не могут видеть сверкания вечерней звезды в далеком небе, которое к тому же нередко затянуто тучами.

Вот он и решил возложить эту обязанность на кого-либо из живых существ, обитающих на земле. Выбор его пал на громкоголосую птицу, которой он повелел с приближением утренней зари, когда вечерняя звезда тускнеет, а потом и вовсе исчезает, издавать крик, подобный смеху, чтобы разбудить людей и вселить в них бодрость. Крик этот издает на заре кукабарра.

Эта любимая всеми птица пробуждает мир, оповещая людей, что вот-вот засияет солнце и пора просыпаться и приниматься за повседневные дела.

— Спасибо за легенду, — сказал я Джерому, — теперь мы знаем, почему звучит по радио голос кукабарры...

Мы разошлись, пожелав друг другу всех благ. Утром я покинул Сидней. Мне предстоял четырехчасовой путь до Канберры.

Время от времени среди сотен встречных автомашин попадались и нагруженные овцами автопоезда. Они возвращали меня к воспоминаниям о ночном собеседнике. Всю дорогу до Канберры я перебирал в памяти рассказы Джерома.

И больше думалось о нем не как о представителе четвертого поколения каторжников, а как о славном, любознательном человеке, шофере тяжеловесных автопоездов, исколесившем Австралийский континент вдоль

и поперек. И почему-то мне казалось, что, прибыв через неделю в Алис-Спрингс, он, возможно, отправится в Хермансбург, отыщет людей, знавших Альберта Наматжиру, и со свойственной ему любознательностью будет расспрашивать их о фактах его жизни, о мифах и легендах, услышанных ими из уст великого сына племени аранда.

ИНДИЯ

ГОПИ И «КОРОЛЕВА АРАВИЙСКОГО МОРЯ»

Когда нас познакомили, он сразу сказал:

— Не называйте меня мистер Гопинатх, а зовите просто Гопи.

— Почему?

— Потому что, во-первых, такое сокращение общепринято у нас, жителей штата Керала¹, во-вторых, чем проще обращение, тем быстрее, я считаю, люди сближаются, и, в-третьих, думаю, хватит и того, что я уже сказал, — улыбаясь, заключил он.

Среднего роста, коренастый, смуглый, со щеточкой густых, с сединой, аккуратно подстриженных усов на круглом улыбчивом лице. Из рассказов товарищей по работе я кое-что уже знал о нем. Очевидно, он принадлежал к тому типу людей, о которых часто упоминают в разговорах. По мнению многих, Гопи был удачлив в делах, четок, высокообразован, слова его никогда не расходились с делами, как торговый партнер безупречен, деловые вопросы решал быстро, терпеть не мог бюрократию. На первое место ставил личные переговоры, а уж на второе — телефонный разговор. Если он говорил: «Да, согласен, будет сделано», можно было не сомневаться, что завтра или послезавтра у вас на столе будут лежать все необходимые сведения и документы на закупленный товар.

Он работал в Бомбее в средней, но очень надежной фирме начальником отдела по координации и подготовке товаров к отгрузке. Объясню, что это такое. В Индию прибывает советское судно за грузами. К его приходу в порт должны быть доставлены все предназначенные к погрузке товары. Дело это весьма сложное: десятки грузоотправителей должны доставить грузы в

---

¹ Слово «Керала» на языке малаялам означает «страна кокосовых пальм» или «земля плодов кокосовых пальм».

срок в определенный порт. Товары движутся из разных мест на поездах, машинах... Их опоздание приводит к простоям судна. А затем к штрафам... Но самое неприятное, это когда судно, не имея возможности ждать, уходит из порта, и наше народное хозяйство не получает в срок нужный груз. Отсюда должно быть ясно, что своевременная подготовка партии товаров в порту под погрузку — дело не такое простое.

Иногда товаров в порту недостаточно и судно уходит на догрузку в другой порт.

Естественно, что все это планируется заблаговременно. Поэтому Гоги после окончания погрузки может вылететь самолетом и в другой порт. А пока судно дойдет туда, успевает завершить дела с новыми партиями товаров. Или другой представитель фирмы произведет необходимые действия. Так или иначе, никакой груз не будет забыт, и не часто бывают случаи, когда суда уходят с незаполненными трюмами и твиндэками без уважительных на то причин.

И последнее. Гоги и его коллеги по фирме обслуживали советские суда только в нескольких портах западного побережья Индии.

Как-то зазвонил телефон. Я взял трубку и услышал знакомый голос.

— Полетим завтра в Кочин? Или у вас там нет дел? — полушутя спросил Гоги.

— Полным-полно, — ответил я.

— Рекомендую самолет, вылетающий в восемь. В шесть тридцать я заеду за вами по пути в аэропорт. Я уже сказал секретарю, чтобы заказал билеты...

— Конечно, — начал Гоги, — вы кое-что знаете о Керале. Вкратце напомню то, что считаю главным и интересным. На территорию Кералы, похожую по конфигурации на гусеницу, прилепившуюся к побережью юго-юго-западной части Индостана, еще за две тысячи лет до нашей эры высаживались со своих галер финикийские, вавилонские и египетские купцы, привлеченные возможностью закупать здесь перец, пряности, слоновую кость. За ними последовали римляне, греки, китайцы, евреи, арабы, португальцы, голландцы, англичане. То есть путь в Индию проходил через Кералу. Сперва шла торговля, а потом, начиная с прибытия португальцев, началась колонизация. Ее следствием были войны: ни один народ в мире не надевал сам на себя ярмо.

Но не буду пересказывать историю. Англичане в конце концов одолели всех и надолго засели в Индии. Но и их владычеству пришел конец в тысяча девятьсот сорок седьмом году.

— Все эти колонизаторы оставили что-нибудь в Керале, Кочине? Он меня больше интересует: мы там будем почти неделю, — сказал я.

— Конечно, кое-что посмотрим, например китайские рыболовные сети, древнюю синагогу, церковь святого Франциска, где был похоронен Васко да Гама, посетим достопримечательности. Но не будем забегать вперед. Одно лишь еще скажу. Не смогу показать вам того, что осталось после арабов, так как они давным-давно смешались с местным населением; их потомков называют «мопла». Говорят они на местном наречии, по религии — мусульмане. Проживают мопла, а их около двух миллионов, в районах Каннанор, Кожикод и Палгхат. Нам в тех местах побывать не удастся, далековато. Однако еще два слова о мопла... Есть такой город Кранганур, к северу от Кочина. В давние времена он был первым морским портом Кералы и кого только не повидал. Здесь были греческие и римские, христианские и иудейские колонии. Римский писатель Плиний еще в первом веке называл Кранганур «первым торговым центром Индии». Побывали там и португальцы и голландцы. Много южноиндийских храмов находится в этом городе. Но главное, о чем я хочу вам рассказать, не это, а то, что в Крангануре в шестьсот семьдесят пятом году была построена своеобразная мечеть. Самая древняя в Индии, своеобразная по архитектуре: высокое двухэтажное здание с боковыми пристройками-входами.

Минаретов, характерных для всех таких храмов, нет. Но самым, пожалуй, интересным является то, что она не похожа ни на одну из мечетей во всех странах мира. Своим фасадом она обращена не в сторону Мекки, священного для мусульман города, а на восток. Поэтому мопла совершают молитвы, обратившись лицом на восток.

— А что-нибудь осталось от первых христиан-католиков, побывавших в Крангануре? Когда они там появились?

— Представьте себе, осталось. Вообще-то в районе этого города есть несколько древних церквей. Одна из них в Коттапураме. Просто не верится, но это офици-

ально известно: была основана в шестидесятых годах нашей эры и носит имя святого апостола Томаса...

Предания и сохранившиеся свидетельства гласят, что апостол был реальным человеком, прибыл в Кранганур в пятьдесят втором году нашей эры и начал знакомить местных жителей с Библией и произносить проповеди. Причисление его к лику святых произошло позже. Тут же замечу, что керальских католиков называют сирийскими, а также несторианскими христианами. Это объясняется следующим обстоятельством: священное писание было составлено на древнесирийском, или арамейском, языке, на котором велись церковные богослужения. Считалось, что на этом языке говорил Иисус Христос. Сирийские христиане весьма многочисленны: их более двух с половиной миллионов...

Мы уже давно находились в воздухе, а Гопи с большим увлечением все говорил о своем родном крае.

Вдруг он прервал свои пояснения и воскликнул:

— Ох, неисправимый я болтун! Ведь мы уже у цели... Смотрите в иллюминатор... Ко-о-ч-ин! Парадный вход с моря в цветущий сад — штат Керала!

...Самолет заходит на посадку, пассажиры пристегивают ремни, а Гопи, не умолкая ни на секунду, продолжает рассказывать о своем родном городе Алеппи, который называют «Венецией Востока», о штате Керала, о людях, его населяющих, о веселом их нраве.

Толчок, самолет бежит по бетону, постепенно гася скорость, и останавливается у здания аэропорта. Мы в Кочине. В Индии ему дали гордое название — «Королева Аравийского моря», но иногда величают «Венецией Востока», как и Алеппи.

День прошел в делах... Гопи был, как всегда, энергичен, деловит, ни одного лишнего слова. За день мы переговорили с сотней людей, и не было никого, кто не знал бы Гопи или кого бы не знал он...

Из порта мы вернулись в отель «Малабар». Было уже поздно, около 10 часов вечера, и Гопи предложил мне прогуляться по саду вокруг гостиницы. Место для нее было выбрано очень удачно: на оконечности острова Уиллингдон, у входа в порт Кочин. С трех сторон — вода, в которой, множась на едва заметной ряби, отражаются сотни электрических огней. Ночью акваторию порта взбаламучивают малотоннажные суда: буксиры, лихтеры, катера, рыбацкие лодки. Отличительные красные, зеленые и белые огни — гакобортные и топо-

вые — расцвечивают воду. Взвихренный гребным винтом белый шлейф за кормой судна фосфоресцирует, а влажный воздух, заполняющий душную черную тропическую ночь, ухудшает видимость, и свет ярких фонарей, выстроившихся вдоль причалов, как бы застревает на полпути, не имея сил пробить водяную взвесь, невидимо повисшую над портом и городом.

Стоя у самой воды подле низенького, чуть повыше колен, ограждения, мы молчали, любясь открывшимся перед нами видом. И тут Гоги вдруг спросил меня:

— Видели вы грузчика на складе перца, с которым я беседовал минуты три, — небольшого роста, с серебряным крестом на груди? ²

— Что-то не припоминаю. А в чем дело?

— Я вспомнил его потому, что в самолете рассказывал вам, что коренным керальцам — малаяли присущи находчивость и чувство юмора. В данном случае подчеркиваю только эти два качества. Так вот, велел грузчику отобрать пробы из десяти мешков с перцем и указав, из каких именно, я продолжил разговор с инспектором, определяющим качество товара, но не спускал глаз с молодца с крестом. Поглядывая на меня и видя, что я занят, он стал отбирать пробы только из тех мешков, которые были уложены не выше его поднятой руки, к верхним надо было приставить лестницу, а ему не хотелось возиться.

Я все это видел, но промолчал, прикидывая в уме, как он будет оправдываться. Когда же он подошел ко мне и протянул мешочки с пробами, я отчитал его за недобросовестность. Однако грузчик, ни капли не смутившись, сказал, что лучше меня знает, где расположены мешки с перцем более низкого качества. Поставщики, мол, зная, что приемщики чаще требуют отбора проб перца из труднодоступных мешков, укладывают туда перец хорошего качества, и, таким образом, лежащий «под носом» перец худшего качества не подвергается проверке. Я не сказал ему, что занимаюсь отгрузками товаров около тридцати лет и знаю все, на что способны его поставщики, а снова послал его отбирать пробы. Он еще приводил различные доводы и даже намекнул, что за «честность» его полагалось бы вознаградить. Поскольку этот малый во время разгово-

---

² В результате многовековой колонизации Кералы христианские миссионеры обратили в свою веру многих местных жителей.

ра со мной ослепительно улыбался, энергично жестикулировал, называл меня то ваше превосходительство, то ваша честь, то ваше высочество, то старшим братом, я, вместо того чтобы обозлиться на него, рассмеялся и хлопнул дружески по спине, после чего он под хохот товарищей ринулся на мешки и очень быстро взял пробы из тех, которые я ему указал.

— Все это я так долго говорил, — продолжал Го-пи, — чтобы рассказать вам известную в Керале притчу или даже сказку... Да, да сказку! Не ожидали? Я очень их люблю, собираю, записываю. Не удивляйтесь! Не зная сказок, легенд, никогда не познаешь душу народа, своего или чужого. Некоторые из моих товарищей, даже друзей, считают, что это несерьезное занятие. А как вы? Не разочаруетесь во мне: до сегодняшнего вечера считали меня деловым человеком, торговым партнером, и вдруг, оказывается, я с изъясном, слегка «тронутый».

— Что вы, Го-пи! — поспешил ответить я, — наоборот, я еще не слышал ни одной керальской притчи, сказки, легенды, хотя работаю в Индии довольно долго.

— Мой разговор с грузчиком напомнил мне одну притчу, герой которой проявил изворотливость, находчивость, юмор в разговоре с, казалось бы, более умным и образованным собеседником. В результате еще и одурачил его.

Как-то один кералец, малаяяли, строго соблюдающий религиозные обряды, пришел в церковь исповедоваться.

Священник спросил его:

«Сын мой, расскажи, какие грехи ты совершил со времени своей последней исповеди год назад».

Прихожанин потупился и тихо произнес:

«Святой отец, совсем недавно, идя к себе домой, я увидел лежащую на дороге веревку, поднял ее и взял себе. До сих пор не знаю, кому она принадлежит».

Не увидев большого греха в содеянном, священник благодушно ответил:

«Сын мой, твой проступок незначителен, так что не беспокойся. Но скажи, может быть, ты все же совершил что-нибудь несправедное?»

«Знаете ли, святой отец, — помедлив сказал прихожанин, — вот теперь, когда я подумал о том, о чем рассказал вам, мне вспоминается, что противоположный конец веревки был привязан к рогам коровы».

«О, это уже серьезный грех, — воскликнул обеспокоенный священник. — А что ты сделал с животным?»

«Как мне помнится, я продал корову».

«Поскольку ты не знаешь, кто ее хозяин, ты должен выплатить деньги за нее церкви», — сказал священник, возмущенный нахальством «кающегося» грешника.

«Помилуйте, святой отец, — взмолился прихожанин, — но я уже давно их истратил!»

«Однако ты должен быть наказан за свой неблагодарный поступок, — примирительно сказал священник и добавил: — Ну хорошо, я предпишу тебе соответствующую епитимью... Но может быть, ты совершил еще какое-либо прегрешение? Покаяйся!»

Склонившись в смиренной позе перед священником, прихожанин робко произнес:

«Я присвоил несколько монет, принадлежавших одному человеку».

«Неужели не знаешь, у кого ты их взял или украл? — негодуя воскликнул священник. — А если знаешь, то немедленно верни эти монеты владельцу!»

«Лучше я отдам их вам, святой отец, — скороговоркой ответил кающийся прихожанин и протянул ему руку, в которой были зажаты монеты».

«Я ни за что не возьму их», — гневно сказал священник и на шаг отступил от наглеца, сующего ему деньги.

А тот продолжал навязывать их ему, но поняв наконец, что монеты у него не возьмут, хитро спросил:

«А если владелец не берет их у меня, что мне делать?»

«В таком случае, можешь оставить их у себя», — ответил священнослужитель, радуясь окончанию пренеприятной «исповеди», поспешил наложить на исповедовавшегося прихожанина соответствующую епитимью и объявил ему об отпущении грехов.

Возвратившись домой, прихожанин отдал жене несколько монет.

«Откуда они у тебя?» — удивилась она, зная, что сегодня ее муж не мог нигде их заработать.

«Ты же знаешь, сегодня я ходил в церковь на исповедь!»

«Ну и что же из того, ты нашел их на дороге?» — пошутила жена.

«Да нет, — ответил муж. — Когда я исповедовался, то заметил: в концы шарфа, перекинутого через плечо

священника, защиты для тяжести монеты, чтобы он лучше обвисал. Разговаривая с ним, я как-то совершенно машинально, поверь мне, срезал нитки, и монеты оказались у меня в руке. А этот простофиля священник все говорил и говорил мне о епитимье, грехах и ничего не заметил. Когда же я попытался отдать деньги ему, он их не взял. И тогда я рассудил так: если хозяин сам отказывается от того, что ему принадлежит, значит, монеты становятся моей собственностью. Не так ли? Поэтому я с чистой совестью и отдал их тебе...»

Утром за завтраком Гопи рассказывал мне:

— Может быть, повторюсь в чем-то, тогда одерните меня. Штат Керала был официально создан первого ноября тысяча девятьсот пятьдесят шестого года. В его территорию вошли большая часть бывшего штата Travancur — Кочин, Малабарский округ и часть округа Южная Канара, входившая ранее в штат Мадрас, в настоящее время переименованный, как вы знаете, в Тамилнаду. Керала — самый маленький по площади штат Индии, но в то же время самый густонаселенный. Это создает много проблем.

Первоочередная проблема — трудоустройство. Большинство населения проживает в сельской местности. Избыток рабочей силы и безземелье приводят к безработице. Люди не могут мириться с этим и борются за улучшение условий жизни, за свои права. Иначе и быть не может.

Керала довольно богата природными ресурсами, располагает номенклатурой традиционных товаров индийского экспорта — это рис, чай, кофе, сахарный тростник, каучук, черный перец, кардамон, орехи кешью, лимонная трава, бамбук. Не буду говорить о пальмах... Керала занимает в Индии первое место по выращиванию кокосовых орехов — более сорока процентов общего количества их, получаемого в стране. Из кокосовых орехов получают прекрасное пищевое масло. Его в больших количествах потребляют индийцы.

Экспорт продуктов земледелия, из которых я перечислил далеко не все, дает большие валютные поступления, столь необходимые государству. В Керале хорошо развит морской промысел. Десятки тысяч тонн замороженных креветок, не говоря уже о рыбе и рыбопродуктах, идут на экспорт.

...Однако мы приехали в Кочин, четвертый по грузообороту порт Индии, а я все рассказываю вам о Ке-

рале, а не об этом славном городе. А ну-ка, сузим тему нашей беседы и продолжим ее по дороге в порт, — неожиданно прервал себя Гоги.

Несколько минут спустя «Эмбеседер», автомашина индийского производства, уже бойко бежала к портовым складам.

— Смотрите, — обводя рукой все вокруг, сказал Гоги, — мы катим по искусственному острову Уиллингдон, который был построен в сорок первом году. Его площадь около трехсот семидесяти гектаров. Здесь и наш отель, административные и жилые здания, и причалы, склады, судостроительный и судоремонтный заводы, сухой док, железная дорога... Будем считать, что одну из главных частей Кочина я вам уже показал. А теперь посмотрите направо: по ту сторону порта расположились два района города — Маттанчери и Форт-Кочин. Сейчас ничего о них говорить не буду. Вернемся к ним, когда будем знакомиться с местными достопримечательностями.

Вслед за этим Гоги что-то сказал шоферу, и тот, сделав разворот, поехал в обратном направлении.

— Что-нибудь забыли в отеле? — спросил я.

— Нет, нет. Со мной такого не бывает. Я попросил шофера подъехать к причалу на восточном берегу острова Уиллингдон, к которому швартуется паром, совершающий рейсы между Кочином и городом Эрнаулам на другом берегу пролива. Он вытянулся с юга на север вдоль западного побережья Индостана. Взгляните направо, в сторону моста через пролив. Там находится вторая судоверфь, она вошла в строй в шестьдесят седьмом году. Мы уже вспоминали о ней. В Эрнаулам мы еще съездим с вами, и, возможно, не раз. Я счел нужным показать вам этот город со стороны острова Уиллингдон, потому что отсюда он хорошо смотрится. Красиво, не правда ли?

Гоги был прав: белые дома утопали в зелени деревьев. Горячие солнечные лучи прорывались через листовенную чадру, но благодаря морскому слабому ветру +36 градусов почти не ощущались.

— Я хочу, чтобы вы поняли, почему очень часто говорят слитно: Кочин—Эрнаулам. Или: в район Кочин—Эрнаулам и так далее. Оба города разделяет лишь узкий проливчик с переброшенным через него мостом, и кажется, если хорошо разбежаться, можно с этого причала прыгнуть на крышу колледжа на другой

стороне. Видите памятник махарадже на том берегу? Он стоит почти у самой воды, а рядом с ним в обрамлении деревьев просматривается белое П-образное здание. Это и есть колледж.

...Казалось, что рабочая круговерть сегодня не закончится. В гостиницу вернулись довольно поздно. Мы ужинаем за тем же столиком, за которым завтракали Гопи продолжает рассказывать о Кочине и Керале, и кажется, будто мы никуда не уходили, а весь день только и делали, что разговаривали.

— Я — малаяли, — говорит Гопи, — и не могу не рассказать вам об искусстве моего народа.

— Гопи, еще в самолете вы упоминали о красочных танцах Кералы.

— Я расскажу вам о них, но прежде несколько слов о том, как они подразделяются. Для европейцев многое непонятно и даже непостижимо. Да и любому гражданину Индии, не малаяли, будет нелегко понять танцевальный спектакль в Керале.

В Керале существуют три основных типа танцев: религиозные, полурелигиозные и светские. О танцах на религиозные сюжеты сейчас говорить не будем. Они очень сложны. К тому же мы в этот приезд в Кочин не сможем их посмотреть, нет времени, как, впрочем, и на посещение танцевальных спектаклей, полурелигиозного жанра, например Сангха Кали, Кришнаттамкали...

Скажу немного о светских танцах. Из них упомяну лишь оттам туллал и кайкоттиkkalи, но подробнее расскажу о катхакали, которые мы сможем посетить.

Эти танцевальные спектакли своеобразны и не похожи ни на какие другие. Они созданы в Керале и присущи только народу малаяли. Для истории этого района Индии, насчитывающего тысячелетия, танцы катхакали — молодое искусство. Всего около трех веков существует этот вид классического танцевального театрализованного представления.

У нас, малаяли, есть такой стихотворный литературный жанр — «аттакатха», повествование. Его зарождение относится к пятнадцатому веку. Так вот, катхакали и основывается на стихотворных сюжетах, главным образом из великих эпических произведений — «Рамаяны» и «Махабхараты». Лучшим создателем «аттакатха» в пятнадцатом веке был великий поэт Тамбиран. «Аттакатха» и поныне создают поэты, наши современники. Завтра вечером вы убедитесь, что катхакали —

зеркало Кералы, театр фантазии, буйство красок, ожившие сцены из неповторимой, непревзойденной «Рамаяны».

Все актеры — участники катхакали — для большей выразительности используют комбинации жестов, *хаста абхинайя*, мимику, *раса*, и пластические телодвижения, *ангх абхинайя*.

Кроме того, лица актеров раскрашены красками, и каждый цвет соответствует определенному действующему лицу. Зрители сразу узнают персонажи. Например: зеленая краска присуща положительным героям — радхам, богам (Кришна, Арджуна), черная — варварам; серповидный узор на зеленом фоне символизирует характер героический, но злой (например, Равана). Белым цветом передают мягкий характер; как правило, его используют женские персонажи. Кстати, женские роли в катхакали исполняют мужчины.

Такие спектакли всегда ставились под открытым небом, при свете звезд. Раньше сцена освещалась факелами, поэтому актеры как бы исчезали в глубине ее, уходя в темноту или появляясь из нее. Но теперь век электричества, поэтому везде светло.

И вот мы сидим с Гопи в первом ряду.

Под аккомпанемент музыки, ударов барабана (мадалама) и медных тарелок началось представление. Певцы хорошо поставленными голосами пели стихотворные тексты. Таким образом, зрителям было понятно все, что происходило на сцене. А на сцене... трудно, точнее, невозможно описать! Актеры с раскрашенными лицами, в ярких, разноцветных одеждах со всевозможными вышивками, эмблемами. При движении на руках актеров позвякивают кольца, браслеты. Необычайно выразительная пантомима, исполняемая ими, очень точно передает эпизоды из индийского эпоса «Рамаяны».

Мимика настолько выразительна, что лица актеров как бы рассказывают все, о чем поют певцы. Радость, гнев, простодушие, страх, жестокость, мягкость, лиричность, вожделение, печаль передаются зрителям и улавливаются ими мгновенно.

Стараясь не упустить ничего из происходящего на сцене, осматриваюсь вокруг. Здесь сидят и стар и млад, мужчины, женщины, дети. Последние то замирают с полуоткрытыми ртами, то смеются, то опять становятся серьезными. С детства индийцы воспитывают детей в духе любви к своему национальному искусству,

мифологии, фольклору, истории, классике. Поэтому неудивительно, что каждый индеец может рассказать и о происхождении царя Айодхьи Рамы, и о Вишну, и о страшной богине Кали, и о варварском нашествии на Индию персидского шаха Надира.

После окончания спектакля обмениваемся впечатлениями с Гопи. Он-то видел сотни этих танцевальных драматических спектаклей-катхакали с их неисчерпаемым разнообразием сюжетов. А для меня все внове: фантастические одеяния актеров, потрясающая мимика и жестикауляция, раскрашенные лица и маски, строгое и серьезное исполнение эпических сюжетов...

— Хотите, я расскажу вам одну легенду, — предложил Гопи, — или, вернее, очень давнюю историю. Она о реальном человеке и связана именно с катхакали. В этой танцевальной драме актеры, как вы уже знаете, не произносят ни одного слова, но зрители ощущают полную реальность происходящего.

Когда-то был актер, участник катхакали, очень талантливый, можно сказать, великий. Его сценическое имя было Чакиар, настоящее — Парамесваран. О его артистизме и одаренности говорят до сих пор. Так вот, однажды в его жизни произошел такой случай.

Чакиара очень хорошо знал лично махараджа Тривандрама³, и актер часто бывал у него в гостях. Как-то, находясь в этом городе, Чакиар решил прогуляться. По дороге он встретил англичанина, который выгуливал свою огромную, свирепого вида, собаку.

Увидев идущего навстречу Чакиара, пес с громким лаем бросился на него. Англичанин, однако, оставался спокойным. Он знал, что его великолепно выдрессированная собака никогда никого не укусила. Но Чакиар этого не знал и решил принять меры предосторожности. Он схватил булыжник и сделал вид, что бросил его в собаку. Пес внезапно с воем бросился бежать от актера. Увидев своего перепуганного и визжащего любимца, англичанин очень рассердился и начал отчитывать Чакиара. Актер стал оправдываться: он не бросил камень в собаку, он только имитировал бросок.

«Но собака воеет от боли», — возмущался англичанин.

«Да нет же, пес только думает, что ему больно», — объяснял Чакиар.

---

³ Тривандрам — ныне столица штата Керала.

«Не говорите вздор!» — рявкнул вконец разозленный англичанин, отправился во дворец и пожаловался махарадже на актера.

Положение махараджи было щекотливым. В Три-вандраме в те годы этот англичанин являлся представителем верховной власти в Индии. Но в то же время он не хотел давать в обиду великого актера. Поэтому он послал к Чакиару гонца с требованием прибыть во дворец. Актер тут же явился. Объяснение состоялось в одной из аллей дворцового парка в присутствии англичанина.

«Английский сахиб уверен в том, что собака ранена», — сказал махараджа.

«Я докажу ему, что он ошибается», — ответил Чакиар и тут же, подняв лежащий в траве камень и придав лицу грозное выражение, имитировал мощный удар этим камнем по голове англичанина. Тот страшно перепугался и рухнул на траву, пребывая в полной уверенности, что тяжело ранен. Он долго не мог прийти в себя. А когда сознание вернулось, англичанин ощупал свою голову и понял, что цел и невредим и, следовательно, никакого удара камнем Чакиар ему не наносил. Англичанин не мог не признать, что встретил великого актера, равных которому ему никогда не доводилось видеть.

— Да, — сказал я Гоги, — если бы вы рассказали мне эту историю не сегодня, после посещения катхакали, а вчера, то я мог бы сомневаться в ее правдивости. Но сейчас... Я верю, что все так и было. И недаром о великом актере Чакиаре народ сложил легенду. Могу представить, как он блестяще исполнял свои роли в катхакали.

А утром следующего дня мы снова занимаемся нашими делами. Выезжаем из гостиницы в Маттанчери на переговоры с фирмами-поставщиками закупленных товаров, которые уже должны быть собраны в порту.

— Гоги, — говорю я, — мы уже несколько раз проезжали вблизи китайских сетей, но не останавливались. А вы говорили, что это одна из достопримечательностей Кочина.

— Вот уладим дела с фирмой, и на обратном пути в гостиницу вы сможете удовлетворить свое любопытство и даже, если захотите, помочь рыбакам поднять сеть из воды...

Наша машина бежит по узким улицам Маттанчери,

заполненным пешеходами, велосипедистами, тачками грузовых рикш. Наконец въезжаем в Форт-Кочин. Вот здесь-то, в северной части этого района города, на берегу пролива, соединяющего акваторию порта с Аравийским морем, — китайские сети.

— Посмотрите на ту сторону пролива, — говорит Гоги. — Это остров Випин. Видите, там тоже много сетей. А пока обратите внимание на пролив. Говорят, на его дне лежит немало кораблей, занесенных илом. Людская молва всегда щедра. Уверяют, что на борту кораблей, затонувших тысячи лет назад, находились золото, серебро, слоновая кость... Так ли это? Никто точно не знает. Когда-нибудь, возможно, приподнимут наносы ила и увидят воочию, что там есть. А теперь — китайские сети, которые вызывают у вас такой интерес...

Гоги обратился к старшему из рыбаков на малаялам. Его услышали и остальные, дружелюбно заулыбались и стали приглашать меня жестами подойти поближе к сооружению из крепких бревен, укрепленных на сваях, забитых в морское дно у берега. Этот своеобразный пирс, лишь частично покрытый дощатым настилом, уходит в море на 12—15 метров. В последней паре свай имеются прорезы, куда вставлен круглый опорный деревянный брус, к которому прикреплены два несущих сеть бревна. Они соединены в верхней части под углом в 15 градусов и скреплены для прочности рангоутом. Опорный брус является основанием, а бревна — сторонами треугольника. В месте соединения бревен закреплены под углом 90 градусов друг к другу четыре длинные рейки, образующие огромную крестовину. К их концам подвязана большая мелкоячеистая сеть квадратной конфигурации, со сторонами 15 метров.

Спуск в море и подъем сетей из воды производится посредством длинных бревен — противовесов, скрепленных с тем же круглым опорным деревянным брусом, что и несущие сеть бревна. Устройство спуска-подъема сети имеет также форму треугольника и является зеркальным отражением основной системы, несущей всю нагрузку. Эти огромные «треугольники» соединены под углом 110—120 градусов.

Рыбаки привычно, сноровисто готовили сеть к спуску. Дрогнув «треугольник», слегка завибрировали рейки, сеть пошла вниз и вошла в воду.

Прошло немного времени, и рыбаки стали дружно тянуть сеть из воды.

— Давайте поможем им! — восклицает Гопи, я хватаюсь за толстый канат и изо всех сил тяну его вниз.

Подъем сети облегчается тем, что на канатах навешены тяжелые камни и метровый брусок двутавровой стальной балки. Под дружные возгласы рыбаков — ну-ка, раз, еще раз... — сеть начала выходить из воды. Когда тросы, на которых она держалась, оказались почти в метре от воды, подъем приостановили. В провисшей в воде сети плескалась рыба. Ее было довольно много. Нескольким рыбакам удалось все же выпрыгнуть из сети.

Тут же налетели вездесущие вороны. Голодные, прожорливые, они по брюхо погружались в воду и взлетали, унося с собой рыб размером с селедку. Никогда ранее мне не приходилось видеть, чтобы ворона — «сухопутная» птица — смело бросалась в воду за добычей. Но голод не тетка...

Выбрав рыбу из сетей в корзины и отгоняя при этом настырных ворон, рыбаки стали готовить сеть к следующему погружению.

Я поговорил с рыбаками. Заработки у них низкие. Основной доход идет в карман хозяев сетей. Профессия в большинстве случаев наследственная. Привыкли к этой работе, нет гарантии, что в другом месте найдешь что-либо получше. Тут родились и выросли...

Тепло попрощались с рыбаками... Сеть снова пошла вверх. Вороны с громким карканьем устремились к воде...

...Мы снова в машине.

— Теперь уже в китайских сетях, — говорит Гопи, — применяют новшества. В сваях и бревнах видны металлические скобы, рейки, в местах скрепления они обиты листовым железом. А в давние времена все это скреплялось, как говорится, без единого гвоздя.

У нас час двадцать свободного времени. Выбирайте: церковь святого Франциска в районе Форт-Кочина, Голландский дворец или синагога в Маттанчери...

— А все посмотреть не успеем?

— Конечно нет. — И шоферу: — в Форт, к церкви святого Франциска!

Пока едем, вспомним португальских и голландских колонизаторов. Приведу несколько дат. Впервые португальцы прибыли в Кералу в тысяча четыреста девяносто восьмом году. Всем известный Васко да Гама приплыл в порт Кожикод, имея под своим командова-

нием четыре корабля. За ним потянулись другие. Двадцать четвертого декабря тысяча пятисотого года в Кочине стали на якорь корабли адмирала Педро Альвареса Кабрала, который перед этим попытался вытеснить мусульман из Кожикоды. Разграбление и сожжение десятка их кораблей, бомбардировка города португальцами с моря не принесла окончательного успеха Кабралу, и он, чтобы поправить свое положение, заключил с раджей Кочина договор, по которому португальцы получили право на торговлю в районах, прилегающих к городу.

Всегда и везде колонизаторы начинали с торговли, а затем следовали кровопролитные стычки и сражения. Вслед за этим наступало порабощение коренного населения. Так вели себя и португальцы. Когда девятого сентября тысяча четыреста девяносто девятого года Васко да Гама возвратился из Индии в Португалию, доставив на своих кораблях пряности, жемчуг, слоновую кость, золото, серебро, драгоценные камни, мастерски расшитые яркие ткани, то придворные «экономисты» того времени подсчитали, что затраты на экспедицию да Гамы были в пять-шесть раз меньше, чем стоимость всего этого добра, частично закупленного, частично награбленного. Поэтому португальский король Мануэль не поскупился на снаряжение новых, более мощных флотилий. В тысяча пятьсот втором году Васко да Гама вновь прибыл в Индию, в порт Каннанор, имея под своим началом пятнадцать кораблей. Этого мореплвателя европейские историки изображают главным образом как первооткрывателя морского пути из Европы к индийским берегам, хотя давным-давно мореплватели многих стран знали путь сюда.

Васко да Гама был стопроцентным колонизатором, жестоким завоевателем и варваром. Прибыв в Каннанор, он тут же разграбил, затем сжег суда мусульман и вынудил местного правителя дать ему хорошие коммерческие условия при закупках специй, жемчуга и других нужных товаров. Обстреляв город Кожикоду, терроризируя население, грабя, насилуя, зверски пытая и убивая людей, этот «первооткрыватель» прибыл в ноябре того же года в Кочин, где добился от местного раджи монополии внешней торговли для португальцев, закупок товаров по фиксированным ценам, контроля за вывозом товаров и выходом в море судов местных купцов...

В этих местах все время велись войны, лилась

кровь, гибли люди. В результате двух нашествий армии заморина (правителя) Кожикоде, в тысяча пятьсот третьем и тысяча пятьсот четвертом годах, войска раджи Кочина были разбиты и город захвачен. Заморин требовал изгнания португальцев, но раджа Кочина уже установил прочные отношения с чужестранцами-колонизаторами. А их новые подкрепления все прибывали сюда. В сентябре тысяча пятьсот третьего года в Кочине появилась португальская флотилия под командованием Франциска Альбукерке, который освободил плененного заморином раджу Кочина и поставил его у власти.

В тысяча пятьсот четвертом году, собрав огромное по тем временам войско, около шестидесяти тысяч человек, заморин начал второй поход на Кочин, продолжавшийся с марта по июль, всего сто восемь дней. Я не буду рассказывать о всех перипетиях. Но, боясь захвата южных индийских территорий мусульманами (заморин запросил помощь у Египта, Турции, Персии и мусульманского правителя Гуджерата), король Португалии двинул в Индию войско под командованием Франциско Альмейда, назначив его вице-королем здешних мест. Новый португальский наместник прибыл в Кочин в тысяча пятьсот пятом году и занимал этот пост до тысяча пятьсот девятого года. Его сменил Афонсо Альбукерке — брат Франциска Альбукерке.

Португальцы захватили власть, секли головы тем, кто им не был угоден или не преклонял ее перед ними. Огнем и мечом расправлялись с инакомыслящими, укрепляли свою власть и насаждали католицизм среди местного населения. И хотя в тысяча пятьсот одиннадцатом году завоеватели перенесли свою главную ставку в захваченную и узурпированную ими Гоа, Кочин по-прежнему имел большое значение как порт и торговый центр. В нем осело много португальцев. Третьего мая тысяча пятьсот шестого года вице-король Франциско Альмейда получил официальное разрешение местного раджи на строительство в Кочине поселения, которое сейчас носит название Форт. Было выбрано место на берегу моря площадью в одну квадратную милю. Началось строительство невиданных здесь доселе домов европейского типа — громоздкие постройки из массивных камней, скрепленных известью.

— Осмотритесь по сторонам, как раз въезжаем в Форт.

Действительно, как бы на машине времени мы перенеслись в европейский средневековый город.

Посеревшие от времени и муссонов, подпаленные жарким тропическим солнцем, массивные, в основном двухэтажные дома как бы присели, прижимаясь к влажной земле. И хотя их несколько украшали остроко-нечные крыши, покрытые поблекшей, в прозелени на стыках, черепицей, они резко контрастировали с окружающим их тропическим фоном. Нелепо выглядели и окна домов, не защищенные навесами, террасами, «козырьками», которые во всех тропических странах служат препятствием для проникновения внутрь горячих солнечных лучей.

Оконные проемы, закрытые изнутри выгоревшими на солнце плотными шторами, были похожи на бельма. В этих домах когда-то жили представители колониальных режимов Португалии, Нидерландов, Англии. И все они думали, что так будет вечно.

Португальские строители, очевидно, не понимали разницы между климатическими условиями своей страны и этой, завоеванной ими земли. Строительство Форта шло быстро. К тысяча пятьсот шестнадцатому году было закончено и строительство церкви. Само ее появление на индийской земле, захваченной католической Португалией, как бы символизировало окончательное порабощение народа малаяли.

— Знаете, — заговорил Гопи, дав мне вдоволь насмотреться на все вокруг, — сначала, при португальцах, эта церковь носила имя святого Антония. Затем ее переименовывали голландцы. Нынешнее название — церковь святого Франциска — она получила в тысяча восемьсот семидесятом году, когда здесь хозяйничали англичане. Мы ее сейчас увидим, а пока посмотрите налево. Перед вами маяк и сигнальная станция — прекрасные ориентиры для судов, входящих в пролив. Теперь внимание! Взгляните направо — вот и церковь!

— Стоп! — говорит Гопи шоферу. — Последние полсотни метров мы пройдем пешком.

Мы стояли перед невыразительным зданием, тяжелая неподвижность которого как бы подавляла и успокаивала одновременно. Фасад церкви, правда, украшал ее. Казалось, что здание строили три архитектора: два — различных характеров и взглядов, приверженцы разных стилей, а третий — умело воссоединивший все

вместе. Облегченный, даже, можно сказать, изящный фасад, увенчанный крестом, плохо увязывался с мрачными массивными боковыми стенами. Остроконечная черепичная крыша придавала ему еще более тяжеловесный вид. Церкви — четыре с половиной столетия. В истории Кочина она выполняла свою роль. Такое здание строили на века. Оно противостояло ураганным ветрам, его хлестали тропические ливни, неумолимое время подтачивало его фундамент, стены, кровлю... Церковь неоднократно перестраивали: менялись колонизаторы, изменялись ветви христианской религии. После изгнания португальцев из Кочина с тысяча шестисот шестьдесят четвертого по тысяча восемьсот четвертый год ею владели голландцы. С тысяча восемьсот четвертого года церковь святого Франциска стала англиканской.

— Ну как? — смотрит на меня Гопи. — Удовлетворили свое любопытство по части памятников архитектуры, оставшихся после португальцев? Приходилось ли видеть что-либо подобное?

— Хотелось бы осмотреть церковь изнутри. Что же касается того, видел ли я раньше подобные здания, то скажу: да — в странах Центральной Европы, например в ФРГ, ГДР, ВНР и других.

Снаружи здание не производило впечатления значительного. Мы обошли церковь, прошли вдоль надгробных плит, вмурованных в пол. Раньше в ней хоронили почетных и знатных европейцев. В северной части здания были погребены португальцы, в южной — голландцы.

— Сейчас я преподнесу вам сюрприз, — сказал Гопи.

— Какой может быть сюрприз в этом мрачном средневековом здании?

Гопи идет впереди. Он останавливается у надгробной плиты, вделанной в пол, и говорит:

— Читайте!

Я смотрю на надгробие и вижу на нем имя Васко да Гамы.

— Здесь он нашел последний покой, — негромко проговорил Гопи, и я уловил нотки удовлетворения в его голосе.

— В октябре тысяча пятьсот двадцать четвертого года да Гама в третий раз прибыл в Кералу. Но он был уже не просто командующим очередной, вверенной ему

эскадрой, а вице-королем португальской колонии в Индии. С ходу он развернул боевые действия против заморина Кожикода, а затем прибыл в Кочин. Здесь он прожил недолго. В ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое декабря тысяча пятьсот двадцать четвертого года он скончался. Отпевание и похороны Васко да Гамы происходили в этой церкви. В те времена не было кино, и история не оставила нам свидетельств, как происходил обряд захоронения. Можно лишь догадываться, с какой помпезностью колонизаторы-католики провожали такое важное титулованное лицо, как вице-король. Здесь, должно быть, все сияло, сверкало, горели свечи, пел хор, шла церковная служба. Расшитые золотом одежды колониальных вельмож, знати, военные мундиры придавали дополнительный блеск всей церемонии.

Как здесь сейчас серо, тускло. Да и останки Васко да Гамы увезли отсюда в Португалию давным-давно, в тысяча пятьсот тридцать восьмом году (увез его пятый сын — Педро да Сильва да Гама) и были захоронены в небольшом городке Видигвейра, а уже в тысяча восемьсот семьдесят втором году останки этого скитальца морей, забияки, колонизатора, деспота очередной раз с помпой были захоронены в столице Португалии Лиссабоне.

Теперь в этой церкви только надпись на надгробии напоминает о нем и о месте его первого захоронения...

Несмотря на жару, благодаря толстым стенам церковь надежно хранила прохладу, что мы сразу же ощутили, выйдя наружу и сразу зажмурившись, так слепили палящие лучи солнца.

— Обойдем здание вокруг, — предложил я.

Старинное кладбище на территории церкви выглядело запущенным, заброшенным. Когда-то здесь хоронили европейцев — португальцев, голландцев... Тусклые надписи на надгробных плитах, да еще заросшие травой, читались с трудом.

Бросив последний взгляд на церковь, мы сели в машину и уехали в порт...

— Ну что, Гопа, — говорю я, — не продолжить ли нам знакомство с достопримечательностями Кочина?

— Предлагаю осмотреть собор Санта-Круц, синагогу и Голландский дворец.

— Мы уже много раз проезжали мимо собора. Он красив, я бы сказал, своеобразен, импозантен. Как буд-

то не стоит на земле, а парит над ней, и кажется, что вот-вот взлетит в небо. Два его острых шпиля пронзают небесную синь. А между шпилями на средней башне — крест.

Мне думается, что если мы войдем в храм, то впечатление чего-то воздушного рассеется. Внутри здания наверняка будет мрачно, тускло... Когда был построен собор Санта-Круц?

— В тысяча пятьсот пятьдесят седьмом году, — ответил Гопи. Едем сначала в синагогу, а там видно будет.

Мы снова в Маттанчери. По узкой улице проходим в ее последний квартал. Это, собственно, и есть сердце Джю-тауна, еврейского города.

— В этом квартале живут уайт джю, белокожие евреи, — говорит Гопи. — А блэк джю, темнокожие евреи, — это малаяли, обращенные в иудейство.

Мы подходим к невысокому зданию синагоги. В центре под кровлей часы. Крышу венчает похожая на беседку колокольня.

К зданию синагоги вплотную подходят жилые дома, и она как бы запирает квартал. Здесь тупик.

— Первые евреи появились в Керале, на Малабарском побережье, с кораблями царя Соломона. Правда это или легенда, но датируют их первое прибытие девятьсот семьдесят третьим годом до нашей эры.

Бхаскара Рави Варма, керальский правитель, подарил светскому и духовному главе кранганурской еврейской общины Джозефу Раббану территорию под названием Анджуваннам или Анчуванам, произносят по-разному... Правитель был добрым человеком, к тому же проявлял уважение и терпимость к людям другой веры, цвета кожи, что характерно для Кералы и народа малаяли. На двух медных пластинах был выгравирован текст, где подтверждался переход территории Анджуваннам в ведение еврейской общины и где перечислялись разные льготы для нового владельца и его потомков, «до тех пор пока существуют Земля и Луна». Раббану присваивался титул принца Анджуваннамского.

В ходе войн и междоусобиц в пятнадцатом-шестнадцатом веках еврейская община в Крангануре была практически уничтожена мусульманами-мопла с помощью заморина. В тысяча пятьсот шестьдесят пятом году евреи покинули гостеприимную в прошлом территорию и добрались до Кочина, где и поселились с раз-

решения кочинского правителя Кесава Рави Варма. Здесь-то и возник Джю-таун.

Синагога была построена в тысяча пятьсот шестьдесят восьмом году. В тысяча шестьсот шестьдесят втором году она сгорела, но ее восстановили. Вот и стоит она, смотрит своим фасадом с асимметричными световыми проемами на эту узкую улицу, словно насупленная старуха. Кого только не видывала она, чего только не слышала! Мудрая, познавшая все и вся, подставляет она свою голову, спину и грудь ветрам и муссонам. В тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году ей исполнилось четыреста лет. По этому поводу были здесь торжества. Сама шримати Индира Ганди присутствовала на юбилее.

Мы открыли дверь синагоги.. Признаться, я ожидал, что меня встретит полумрак, сырость, унылая запущенность. Ничего подобного. Сквозь боковые, высокие окна в синагогу врывались солнечные лучи. Они были вездесущи, проникали в самые дальние углы, выставляя напоказ все, что находилось внутри здания.

Весь пол был покрыт китайскими фарфоровыми плитками с синим узором, изготовленными в XVIII веке. Большинство плиток — законченные картины, на которых изображены цветущие ветви, дома среди деревьев на берегу реки. Иногда четыре плитки составляли квадрат. Все рисунки удивительно четки, каждая деталь великолепно просматривается. Кажется, что яркую синь нанесли вчера. Она совершенно не поблекла от времени, поэтому как-то боязно и кощунственно ступать по этому великолепию, филигранному искусству китайских мастеров. С шестидесятых годов пол стали покрывать ковровыми дорожками, по которым ходят посетители и туристы. Но сегодня, в день нашего посещения, они были свернуты, подготовлены к чистке, а пол — к влажной уборке. Нам повезло...

Не могу оторвать взгляд от пола. Хожу по синагоге, одна картина лучше другой. Вдруг слышу Гоги:

— Залюбовались? Я тоже. А сколько раз я уже бывал здесь, не упомню! Может быть, сто, а возможно и двести. И не могу насмотреться. Хорошо, что были, да, наверное, и теперь есть люди, которые сегодня делают то, что будет нужно и завтра, и через сто, а может быть, и через тысячу лет. Так вот, не боясь утомить вас деталями, скажу... Жил-был здесь, в Кочине, в Маттанчери еврейский купец, дипломат, человек, почитавший

науку, увлекавшийся астрономией, по имени Езекиль-Рахаби. Он был яркой личностью и уважаемым человеком не только здесь, в Керале, но и далеко за ее пределами.

В тысяча семьсот шестьдесят третьем году он подарил синагоге эти фарфоровые плитки, которые специально заказал в Китае для Кочина.

Со дня его смерти прошло уже более двухсот лет, а деяние его живо. Вот так-то! Неизвестно, думал ли он, что увековечил свое имя этим вот даром. Наверное, не думал. А увековечил. Если эта синагога когда-нибудь рухнет от старости, то уверяю вас, плитки сохранятся, и их перенесут в музей, и еще сотни и сотни лет люди будут с трепетом любоваться ими.

Беседуя, мы прохаживались с Гопи по синагоге, осторожно ступая по плиткам. Осмотрели тебя, кафедры проповедника: одну — в центре зала, вторую — расположенную в верхней пристройке, нависающей в виде балкона по всей ширине синагоги. Здесь Гопи пояснил, что наличие двух кафедр является отличительной особенностью архитектуры синагог в Керале.

Кроме нас осматривали эту старинную достопримечательность Кочина девять человек. Пять индийцев и четыре европейца — три мужчины и женщина, все преклонного возраста. Как пояснил Гопи, индийцы были не здешние, а европейцы — туристы.

Мы сели на скамью у окна. Вдруг Гопи спохватился:

— Совсем забыл сказать вам. Уже много лет, с середины пятидесятых годов, религиозные службы здесь не проводятся. Эта синагога объявлена музеем, историческим местом, которое могут посещать все желающие, независимо от цвета кожи и религии.

— Давайте подойдем вон к тому человеку, что стоит у тебя в центре. Это раввин.

Гопи что-то сказал раввину, тот открыл шкаф, достал медную пластину и передал ее мне. У меня в руках находилась дарственная грамота, которая более тысячи лет охраняла права общины керальских евреев на территорию и их существование в этом гостеприимном городе — Кочине.

Затем нам показали торы — свитки из телячьей кожи, на которых тушью был написан текст из «Пятикнижия». И хотя свиткам было более трехсот лет, поражала четкость букв. А если учесть, что торы хранят-

ся в обычном деревянном шкафу, в котором влажность воздуха та же, что и на улице, то следует высоко оценить умение изготовителей туши в то далекое время.

Осмотрев и другие достопримечательности, хранящиеся в синагоге, — золотую корону, подаренную в 1805 году махараджей Траванкора, серебряные, цилиндрической формы футляры с хранящимися в них манускриптами, серебряные лампы, мы поблагодарили раввина, попрощались и вышли.

Спустя какое-то время мы стояли у Голландского дворца, и Гопи начал свой рассказ:

— Сначала немного истории. Этот дворец был построен в конце пятнадцатого — начале шестнадцатого века португальцами и в тысяча пятьсот пятьдесят пятом году подарен колониальными властями радже Кочина. Колонизаторы сделали этот дорогой подарок отнюдь не по доброте душевной, а с целью умаслить раджу, сделать его более сговорчивым и вытребовать у него дополнительные льготы на развитие торговли, чтобы получать больше прибылей. Тогда никто не предполагал, что в ходе неумолимой и беспристрастной истории керальскими землями завладеют голландцы и будут властвовать на них более столетия, пока их, в свою очередь, не вытеснят англичане.

— Почему дворец подарен кочинскому радже португальцами более чем за сто лет до прибытия новых завоевателей, а называют его голландским?

— Дело в том, что голландцы, ублажая кочинского раджу, вносили значительные изменения и реконструировали дворец; как-никак, к моменту прихода голландцев дворцу уже было более ста пятидесяти лет. Достроек и перестроек было столь много, что дворец постепенно как бы стал детищем рук голландских строителей.

Теперь здесь музей. Само здание является достопримечательностью города, национальным памятником архитектуры, хотя оно и, как вы говорите, «утюжного» стиля и даже остроконечная черепичная крыша не очень-то красит его. Но так строили в шестнадцатом веке.

Мы решили обойти здание и пошли по внутреннему двору, вымощенному камнем. Невольно в воображении возникали картины прошлого, когда дворец был резиденцией кочинских раджей.

— В этом, сейчас почти безлюдном, пустом дворце

когда-то кипела жизнь, вершились дела, от которых зависели тысячи людей, плелись интриги и заговоры, совершались предательства. Во внутреннем дворе звонко раздавалось цоканье копыт быстроногих коней, на которых уносились из дворца гонцы с депешами, приказами, а навстречу им на взмыленных лошадях врывались всадники с донесениями из разных мест и, остановив коня вон у той входной лестницы, бежали по ней, спеша к радже. Давайте поднимемся во дворец и осмотрим его.

...Внутри прямоугольное здание дворца оказалось разделенным на длинные, узкие залы и комнаты. Индийские архитекторы и художники внесли много своего в оформление дворца — резиденции династий кочинских властителей, — особенно на втором и третьем этажах южного и на третьем этаже западного крыла здания. Их талант и мастерство озарили мрачное средневековое помещение, и я понял, почему Гопи сказал, что дворец является национальным памятником.

Керальские живописцы разрисовали стены дворцовых апартаментов картинами, сюжеты которых заимствовали из индийских эпических произведений «Рамаяна» и «Махабхарата». Здесь, как и во всех древних керальских храмах, установлены изваяния божеств. Настенная живопись в помещениях западного крыла дворца передает содержание «Рамаяны» — от рождения Рамы до освобождения им его жены Ситы, плененной злобным демоном Раваном, и ее возвращения с острова Ланка в родную Айодхью. Большинство картин весьма значительны по размерам и поражают композиционными решениями, пропорциями, изяществом исполнения, глубиной философской мысли. Одна из настенных картин посвящена богу Кришне. В окружении девушек-пастушек он играет на флейте. На другой картине Кришна поднял гору Говардхану и держит ее над головой словно зонт, защищая таким образом деревню Гокулу от разрушения и спасая жизнь ее жителей от неистового ливня, ниспосланного царем богов Индрой. На другой картине семь святых сопровождают богиню Парвати, дочь бога гор, и передают Шиве его разрешение на вступление в брак с нею, и рядом — брачный обряд Шивы и Парвати.

История Голландского дворца изобилует различными фактами и вымыслами о жизни сменявших друг друга раджей Кочина. Здесь возводили на престол, затевали

интриги, происходили взлеты и падения фаворитов. Как и во всех старых дворцах, здесь имеются «тайные» помещения, о которых ходят разные легенды. Например, во дворце есть темная комната без окон.

Прежде чем добраться до ее маленькой железной двери, необходимо пройти, вернее, пробраться по узкому, мрачному, сырому коридору. По одной версии — в этой комнате хранились сокровища и казна кочинских раджей, по второй — содержались заговорщики, по третьей — приговоренные к смертной казни. Существуют и другие версии назначения этой зловещей комнаты. Должно быть, все они верны. Менялись правители, изменялась и ее роль.

Был еще подземный туннель, ведущий из дворца в район кочинского Форта. От времени он разрушился. Только сохранившийся вход в него свидетельствует о том, что когда-то он действительно был...

Вечером мы решили опять пойти на катхакали.

Шла танцевальная драма «Бакасура», в основе которой лежал эпизод из «Махабхараты». В нем рассказывается о пяти сыновьях царя Панду («бледный»): Юдхиштхире, Бхимасене, Арджуне, Накуле и Сахадеве. Их называют Пандавами. В драме им противостоят Кауравы — сыновья царя Дхритараштры, брата Панду. После его смерти братьев Пандавов стал воспитывать царь Дхритараштра. Его сыновья — завистливые и злобные братья Кауравы — ненавидели Пандавов и стремились навредить им и обидеть их. Самым изобретательным был Дурьодхана, старший из Кауравов, особенно возненавидевший Бхимасену и Арджуну за их силу, ловкость и выдающиеся способности. Преисполненный злобы, он составил план убийства Пандавов. Он уговорил отца послать всех пятерых братьев в прекрасный город Варанавата на празднества в честь бога Шивы. Туда же Дурьодхана заблаговременно послал своего слугу Пурочану с поручением: построить для Пандавов дом из смолистого дерева, бамбука и соломы, затем выбрать ночь потемнее, поджечь дом и погубить таким образом Пандавов.

Послушные своему опекуну — царю Дхритараштре, братья вместе с матерью, Кунти, отправились в Варанавату. Старый мудрый Видура, дядя Пандавов, сказал Юдхиштхире при расставании: «Ведающий истину и закон всегда поймет мудрый совет и поступит так, как нужно, для того чтобы избежать беды. Человек

спасается от огня, подражая обычаю дикобразов. Будьте осторожны — и останетесь в живых».

И Юдхистхира внял загадочным словам Видуры. Когда он увидел дом, он все понял, и братья решили вырыть подземный ход. Когда он был готов, Бхимасена поджег дом, и все братья вместе с матерью бежали. Затем они переоделись в мочальные одежды, накинули на себя шкуры антилоп, отпустили длинные косы и стали походить на странствующих отшельников. Они добрались до города Экачакра и поселились в хижине бедного брахмана в ожидании лучших дней.

Однажды Кунти услышала плач за стеной. Она вошла к брахману и увидела, что плачут его жена и дети, охваченные скорбью и страхом. Старый брахман рассказал ей, что много лет назад вблизи их города поселился жестокий ракшас по имени Бака. Он охраняет город от вражеских набегов, но за это требует ежедневную дань: телегу риса, двух буйволов и одного человека. Теперь очередь дошла до него. Вечером, когда вернулись Пандавы, Кунти поведала им о горе, постигшем семью брахмана, и предложила сыну Бхимасене пойти вместо него и уничтожить кровожадного людоеда. Сыновья согласились с ней.

На рассвете Бхимасена отправился к лесу, где находился Бака. Он был разъярен, потому что телега с продуктами, быки и человек, предназначенный для съедения, запаздывали. Когда же демон увидел Бхимасену, он бросился на него. В жестокой схватке богатырь Бхимасена переломил хребет Баке. Таким образом жители города Экачакра были освобождены от кровожадного ракшаса...

Мы вернулись в отель.

— Наверное, для поэта, писателя — человека искусства — было бы весьма лестно услышать о себе предание, легенду, созданную народом при его жизни, а не после того, как он ушел с земной сцены.

— Знаете ли вы нашего керальского поэта Куньджана Намбияра? Я расскажу вам о нем...

Он родился в тысяча семьсот четвертом году и умер в тысяча семьсот восемьдесят первом. Много уже воды утекло с тех пор, но, представьте себе, почти любой малаяли, имеющий даже мало-мальское образование, знает хотя бы одну из его поэм. Намбияр является создателем исключительно малаяльского жанра — тул-лаль. Это не что иное, как театрализованное представ-

ление, основанное на древних мифах и преданиях. По простоте изложения и юмору ему нет равных, поверьте мне.

Куньджан Намбияр блестяще переводил мифы и легенды на современный язык, высмеивая нравы общества того времени, а известных своих современников, керальцев, изображал по образу и подобию героев индийского эпоса. И вот судьбе было угодно распорядиться так, что в народе родилась легенда о том, как появился на свет этот блистательный керальский поэт, автор многих туллалей, «Песни о Кришне», «килипатту» («песен попугая»⁴), аттакатх.

Как-то один брахман решил обойти своих друзей и почитателей и собрать деньги на свадьбу дочери. Проходя через одну из керальских деревень, он увидел храм, ступени которого спускались в бассейн, наполненный водой. Было жарко, и брахман решил искупаться. Входя в воду, он оставил сумку с деньгами на парапете. Закончив купание, брахман не обнаружил сумки. Он долго искал ее, расспрашивал многих людей. Но никто не видел его сумки и не мог ничем помочь ему. Опечаленный происшедшим, он покинул злополучное место.

На следующий год брахман снова оказался в этой деревне и без надежды на успех, на всякий случай, обошел бассейн вокруг, разглядывая каждую пядь сложенного из камней парапета и все же веруя в возможное чудо. Он встретил на своем пути местного шантхиккарана⁵, который пригласил его к себе в дом, признав в нем человека, потерявшего когда-то сумку с деньгами в этом месте.

Каково же было удивление брахмана, когда жена священнослужителя подала ему сумку и сказала, что нашла ее в кустах, поодаль от бассейна, через несколько дней после его ухода из деревни. Как оказалось, туда ее перетащила пасшаяся у парапета корова, которая зацепилась рогом за тесьму, обрамляющую сумку. Обрадованный, брахман пересчитал деньги. Все они были в целостности и сохранности. Желая отблагодарить добрую женщину, он предложил ей половину суммы, но она наотрез отказалась.

---

⁴ Песни религиозного и светского характера.

⁵ Шантхиккаран — священнослужитель, совершающий богослужение и религиозные обряды.

Преисполненный чувства благодарности, озаренный снизошедшим на него прозрением, брахман вдохновенно воскликнул, обратившись к женщине: «Через год у вас родится мальчик. А когда он вырастет и возмужает, то станет великим человеком и прославится своими деяниями на всю страну. Примите мое благословение!»

На следующий год жена священнослужителя родила сына.

Это был Калаккаттху Рамапанивадан Куньджан Намбияр. Таково его полное имя.

На следующий день, в воскресенье, мы решили совершить прогулку на катере. Катер подали непосредственно к небольшому причалу гостиницы «Малабар», на северо-западной стороне острова Уиллингдон.

Резко взяв с места, шустрое суденышко сделало разворот и пошло в южном направлении по внутренней акватории порта Кочин. По левому борту катера — западный берег острова Уиллингдон, вдоль которого протянулись нефтяные причалы, а за ними, к югу, причалы, у которых стоят сухогрузы.

По правому борту — суда, ожидающие очереди на постановку к причалам. Баржи и лихтеры пришвартованы к ним с двух бортов.

Оставив за кормой по левому борту сухие доки, доплыли до моста, перекинутого с острова Уиллингдон на полуостров Маттанчери, и пошли вдоль берега последнего. Здесь нет причалов для океанских судов, но зато швартуется множество разнокалиберных лодок. Пройшли заметное здание госпиталя. Оно у самой воды. А дальше — дома, дома. Это знакомые уже места: самый густонаселенный район города — Маттанчери, тут же Джю-таун, а за ними Форт-Кочин. А вот и Голландский дворец, храм Шивы...

Наш катер делает разворот, и мы берем курс на остров Випин. Вдоль его берегов — пальмы, грациозно склонившие кроны к воде. Китайские сети. Их много, и все они без усталости работают.

Оставляя по левому борту, к северу, небольшие острова Кунду, Виманативу, Кэндл, идем к острову Болгхатти. Я уже знаю, что «гвоздем» нашей сегодняшней программы является дворец на этом острове.

— Взгляните на остров Валларпат, — говорит Го-пи. — Его берег хорошо виден. Между островами Виманативу и Кэндл видна церковь. Она построена очень давно и носит имя святой Марии. О ней бытует леген-

да. Многие кёральцы, особенно корсинные жители района Кочин — Эрнаулам, искренне верят в то, о чем в ней говорится.

Когда-то, давным-давно по этим теплым и благодатным водам плыла в лодке женщина. Внезапно налетел шторм. Она не смогла ни доплыть до берега, ни удержать лодку на волнах. Суденышко перевернулось, несчастная женщина оказалась в воде, ее накрыло волной, и она утонула. Об этом несчастье стало известно святой Марии. И, несмотря на то что прошло уже несколько часов, она смогла при помощи сверхъестественной силы, которой обладала, извлечь утопленницу из воды и вернуть ее к жизни. Эта женщина-малаяли была из касты наяров и происходила из известной семьи Паллиил. Когда она пришла в себя и узнала о своем чудесном спасении и воскрешении из мертвых, это произвело на нее такое сильное впечатление, что она приняла христианство и до самой смерти была необычайно набожна и фанатично предана этой религии.

Внутри церкви, в алтаре, есть большая икона с изображением святой Марии. А рядом с ней — картина, изображающая женщину с ребенком. Как гласит легенда, это портрет некогда спасенной женщины-малаяли. И такой чести она удостоена в память о чуде, совершенном святой Марией, и за свою преданность христианской религии.

Когда Гопа заканчивал свой рассказ о «чудесном» спасении женщины-малаяли, катер уже подходил к пирсу Болгхатти.

Легкий толчок... и мы причалили. Дворец — двухэтажное белое здание под красной черепичной крышей, утопающее в зелени. От его стен отступают обширные веранды. Многочисленные белые стройные колонны поддерживают крыши и навесы, создающие тень.

Дворец был построен голландцами в 1744 году. Его подновляли и перестраивали неоднократно. Место для него выбрано прекрасное — на южной оконечности острова, омываемой с трех сторон морем. Узкий пролив отделяет остров Болгхатти от города Эрнаулама. Раньше он был столицей княжества Кочин. И резиденция кочинского раджи была именно там. До сих пор в городе стоит дворец «Рам Мохан». Теперь в этом здании находится Высший суд. От него до дворца Болгхатти всего около 150 метров. Голландские колонизаторы не зря построили свою резиденцию близко, но в то же время

и относительно недоступно, за проливом. Этим радже давали понять, что с него не спускают глаз, и пусть он не забывает об этом.

А когда англичане захватили Индию, вытеснив голландцев, во дворце Болгхатти обосновался английский резидент и с еще большим, чем голландцы, рвением стал присматривать за вверенными ему новыми колониальными владениями.

Мы обошли территорию, ухоженную, усаженную цветами. Уютные беседки, аллеи усыпанные красным песком и мелким гравием. Вдоль них вытянулись зеленые изгороди из аккуратно подстриженного кустарника. За ними газоны, на которых растут столетние, тенистые, с огромными кронами деревья. Сейчас дворец переоборудован в бунгало, фактически отель для богатых туристов. Вокруг территории дворца выстроились виллы. Бывший дворец, а ныне туристическое бунгало Болгхатти — действительно райский уголок. Перед глазами возникает красочная картина: белые колонны и стены дворца, красные крыши, зеленое обрамление из деревьев, кустарника, травы, голубое-голубое небо и яркое солнце.

Мы сели на скамью у самой кромки низкого берега, укрепленного цементированными камнями, осмотрелись. Спокойное море — всего в метре от нас. Тишина нарушалась время от времени лишь пением птиц.

Во дворце оказалось много помещений. С веранд второго этажа мы в бинокль рассматривали Эрнаулам и Кочин. Хорошо были видны острова, вдоль берегов которых мы только что плыли на катере. Они утопали в зелени.

— В свое время, — сказал Гопи, — во дворце было много картин, скульптур, произведений искусства, но англичане успели увезти все самое ценное.

Возвращаемся к катеру и отходим от берега.

Обращаю внимание Гопи на большие лодки с овощами, фруктами, кокосовыми орехами, которые сплывают по большой внутренней акватории между Кочином, Эрнауламом и островами.

— Да это же керальские валломы, — говорит Гопи. — Их тысячи в керальских внутренних водах. А протянувшиеся на сотни километров параллельно морю каналы служат удобнейшими водными коммуникациями. Наверное, нигде в мире перевозка грузов по водным артериям не стоит столь дешево.

Валломы прочны, мореходны и обладают значительной грузоподъемностью. Ходят под веслами, парусом.

— Однако тихходны, — заметил я.

— Смотря какие валломы. В Керале есть такие, на которых во время гонок развивают скорость пятнадцать-двадцать миль в час.

— Что это за гонки?

— Неужели я не рассказывал вам о Валлом Қали?

— Нет, Гоги, ничего.

— В конце августа — начале сентября проводится Онам — самое колоритное празднество в Керале, во время которого люди веселятся, поют, танцуют. Одновременно происходят традиционные спортивные соревнования: борьба, кулачные бои, гонки на валломах — Валлом Қали. Нужно сказать, что в дни Онама все украшается тысячами живых цветов, разноцветными, яркими тканями. Так что Онам — одновременно праздник и цветов, и ярких красок. Добавлю, что этот фестиваль является керальским праздником. Его зарождение обосновано легендой...

Когда-то, в незапамятные времена Кералой правил раджа Махабали, известный, легендарный герой пуран. Как гласят предания, во время его царствования страна достигла высокого благосостояния и могущества. Это вызвало зависть богов, которые боялись его мощи. Тогда бог Вишну сошел с неба и появился на керальской земле в аватаре Ваманы, в облике нищего брахмана, а по другой версии — карлика-мудреца. Он отобрал государство и власть у любимого народом правителя — раджи Махабали, а его самого отправил в ад. Но перед тем, как раджа должен был исчезнуть с земли, Вамана спросил: есть ли у него последнее желание?

И тогда Махабали попросил разрешить ему раз в год возвращаться на родную землю, чтобы убедиться, что страна его процветает, повидать своих людей и лично удостовериться, что они живут без нужды, в довольстве, веселятся, пируют, наслаждаются жизнью.

Это его желание было удовлетворено. И до настоящего времени люди Кералы верят, что во второй день Онама — Тхиру Онам, самый важный из празднества, Махабали незримо появляется на керальской земле, посещает каждый дом и видит, как живут потомки его подданных. Вот поэтому-то каждый дом украшается цветами, чтобы достойно встретить таинственного гостя. Женщины и дети поют песни в честь Махабали, тан-

цуют вокруг его глиняных статуэток. При посещении друзей и родственников обмениваются подарками.

Во многих местах происходят массовые праздничные гулянья, по улицам проводят слонов. А вечером, собравшись на зеленых лужайках, люди наслаждаются танцевальными пантомимами-катхакали. Окончание праздника отмечается фейерверками.

— Ну, а Валлом Кали?

— Гонки на валломах являются самой интересной частью праздника Онам. В это время накал страстей достигает апогея. Такие гонки происходят во многих местах в Керале, где имеются реки, лагуны.

Эти соревнования как бы олицетворяют людей Кералы, мореходов с времен седой древности, мужественных бойцов, тысячелетиями отстаивавших свою независимость и свободу. Ныне в гонках на валломах демонстрируются мужество, стойкость и мастерство. Однако самые значительные Валлом Кали происходят в районе городов Алеппи и Коттаям.

Соревнования проводятся пяти видов, по типам валломов. От последних зависит и число участников: чем больше валлом, тем больше гребцов. Сами валломы отличаются друг от друга не только величиной и формой кормы. Самые большие — чунданы. Их длина — от двадцати семи до пятидесяти пяти метров. У них крючковатый нос и высокая, семь—девять метров над водой, корма.

— А какие еще бывают валломы? — полюбопытствовал я.

— Назову, например, чуруланы с изогнутыми носами; быстроходные оди... Но по величине они уступают чунданам.

Гребцы подбираются на каждый валлом особо. Все они известны по прошлым соревнованиям, но, естественно, появляются и новые. Все они энтузиасты этого вида спорта, опытные и физически сильны.

Гонкам на валломах во время Онама предшествуют и другие. Этот вид соревнований еще называют гонками лодок-змей. Они проводятся в первую неделю июля в Куттанаве, вблизи Коттаяма. А в Алеппи, в августе, во время национального праздника Индии — Дня независимости, проводятся лодочные гонки на приз имени Джавахарлала Неру. Но высшая фаза борьбы на воде — это гонки на валломах во время праздника Онам. Представьте себе: на низкосидящих в воде чун-

данах, у которых планшир отстоит от воды всего на тридцать—сорок сантиметров, сидят от ста до двухсот гребцов в два ряда по каждому борту. На одних валломах команды в белых одеждах, на других — в белых набедренных повязках и чалмах. Ритм для гребцов задается ударами в барабан и металлические тарелки. Кроме того, гребцы поют песни. И огромные чунданы, рассекая водную гладь, развивают скорость до пятнадцати-двадцати миль в час. Гонкам придают красочность украшенные кистями и побрякушками алые шелковые зонты, развернутые во время движения валломов.

Такие соревнования собирают многочисленных зрителей. Многие из них приезжают издалека. И когда очередная группа валломов срывается со старта, десятки тысяч зрителей, собравшихся на берегах относительно нешироких водоемов, жестикулируют, кричат, скандируют, как бы подхлестывая команды, за которые болеют.

На этом Гоги закончил свой рассказ, а через четверть часа катер уже был у причала отеля «Малабар»...

Утром Гоги провожал меня. Я улетал в Бомбей.

ДВОРЦЫ — БЕЛЫ ЛЕБЕДИ

Закончив текущую работу в Бомбее, я выехал в Коту, где у меня уже была назначена встреча с Гоги.

В Коте каждый из нас был занят собственными делами, и мы встретились только в пятницу после обеда, и он тут же спросил:

— Как насчет субботы и воскресенья? Сегодня вечером отправимся в Удайпур. До него всего четыреста девяносто восемь километров. Дорога хорошая, за шесть часов доедем. Остаток ночи проведем в отеле «Лакшми Вилас». А утром прямо из окна увидите прекрасное озеро Фатех Сагар. Знаете что-нибудь об этом знаменитом раджастанском городе, о его мраморных белых дворцах, как бы плывущих в озере Пичхола?

— Нет, ничего не читал...

Когда мы выезжали из Коты, солнце уже спешило спрятаться за горизонт, жара спала, но в открытые окна машины врывались горячие, не остывшие еще потоки степного воздуха. Последние проблески солнечных лучей скользнули по спокойной воде реки Чамбал, на

которой стоит город, и исчезли. Темнота плотно обступила нас со всех сторон и была бессильна только перед двумя устремленными вперед лучами автомобильных фар, ярко освещавших полотно шоссе. Ночь предстала темная, безлунная.

— О Удайпур! — заговорил Гопа. — Как только не называют его люди, даря свою любовь уникальному городу — белой жемчужине Раджастанха. «Город восхода солнца», «Раджастанхский Кашмир», «Город грез», «Город озер», «Венеция Востока». Да, да, и Удайпур так называют, а не только Кочин и Алеппи. Не удивляйтесь!

Удайпур находится на территории хорошо известного в прошлом государства Мевар. Первые сведения о нем зарегистрированы в летописях шестого века. Оно было основано правителем Гухилом. История этого государства изобилует войнами, кровопролитиями, но народ, храбрый и свободолюбивый, отстоял свою независимость. Мевар занимал территорию около тридцати трех с половиной тысяч квадратных километров, а население его превышало двести тысяч.

После получения Индией независимости Мевар вошел в состав штата Раджастанхан.

В древние времена резиденция правителей Мевара находилась в Читоре, ныне город Читторгарх. Был такой правитель Баппа Равал. Он завоевал Читор в семьсот тридцать четвертом году, разбив Ман Сингха из династии Мори, и в Читоре долго правили его наследники. Но в тысяча триста третьем году власть в Читоре была захвачена делийским султаном Ала-уд-дином Хилджи, и город был потерян для династии Гухилотов. Спустя двадцать лет, в тысяча триста двадцать третьем году, глава раджпутского клана сисодия Хамир овладел крепостью Читор. С этих пор он и его наследники стали пользоваться новым титулом — махарана.

В Индии в колониальные времена было около шестисот пятидесяти махарадж и радж. Но махарана был только один — махарана Удайпура.

Город основал махарана Удай Сингх из клана сисодия. Но это было значительно позже, чем возникновение нового титула. Дело в том, что из-за постоянной опасности, грозящей Читору от Моголов, махарана Удай Сингх вынужден был покинуть свою столицу-крепость. И это было очень мудро с его стороны. Несколько отвлекаясь от предмета нашей беседы, замечу: в тысяча

пятьсот тридцать четвертом году Читор был осажден войском Бахадур-Шаха, султана Гуджерата, а спустя три десятка лет, в шестьдесят седьмом, его разрушил и разграбил император Моголов Акбар.

Но посмотрим, что же делал махарана Удай Сингх после того, как покинул столицу Мевара в поисках более безопасного места. Он нашел то, что искал. Как рассказывают его летописцы, дело было так: шестнадцатого марта тысяча пятьсот пятьдесят девятого года родился Амар Сингх — внук Удай Сингха. По случаю этого события махарана отправился на торжественное моление в храм Эклингджи, находящийся в селении Кайлашпури, в двадцати двух километрах севернее нынешнего Удайпура. Построенный еще в шестом веке Бапа Равалом, этот храм имел особое значение... Здесь хоронили махаран Мевара.

— Этот храм сохранился?

— Его, конечно, за многие века перестраивали и ремонтировали. Сегодня он такой, каким был при махаране Раимале, умершем в тысяча пятьсот девятом году.

Храм — беломраморный, с двухэтажными террасами, портиком, балконами, площадками, множеством мощных и в то же время изящных колонн. Пирамидальная высокая крыша, балконы, пристройки украшены сотнями лепных украшений, орнаментами.

Внутри, в святая-святых храма, находится четырехликое изображение бога Шивы из черного мрамора. Перед входом в храм Эклингджи, у лестницы, ведущей в него, установлена скульптура священного быка Нанди. Он высечен из глыбы белого мрамора. Бык как бы замер в ожидании, что вот сейчас появится великий Шива и сядет на его могучую спину...

Кроме этого в храме и его пристройках имеются еще другие святыни и места поклонений. Но мы ушли в сторону. Продолжу мой рассказ...

Завершив моление, Удай Сингх отправился на охоту и очутился в местности, очень подходящей во всех отношениях для основания новой столицы Мевара. Здесь были высокие холмы, которые защищали бы подступы к городу, в изобилии вода.

Обсудив все с приближенными и специалистами, Удай Сингх решил построить столицу на этом месте. В народе до сих пор популярна легенда...

Почувствовав, что я оживился при этих словах, Гопи сказал:

— Да, Индия — страна легенд. В любом штате страны, городе, деревне вам расскажут легенду или сказку. Особенно интересно в деревнях, где имеются свои рассказы, знающие сугубо местные притчи, легенды, сказки. Причем, как правило, они до сих пор никем не записаны и никто их не знает. Передаются они из уст в уста, и Удайпур, в прошлом столица государства Мевар, не исключение.

Так вот, о легенде... Через несколько дней после торжеств по случаю рождения внука махарана вновь выехал на охоту и оказался на берегу озера Пичхола. Осмотревшись, он увидел, что на склоне одного из близлежащих холмов сидит в позе созерцания и размышления садху. Удай Сингх подъехал к святому человеку, сошел с коня, почтительно склонился перед ним и взял прах от его ног⁶.

Садху благословил махарану и сказал: «Если вы построите город на этих прекрасных холмах, то никогда враги не смогут завоевать его. Запомните это...»

Садху снова погрузился в раздумья, а Удай Сингх долго еще стоял перед ним в почтительной позе, размышляя о мудрости и своевременности его слов.

В этот день махарана больше уже не охотился, а поспешил вернуться в свой лагерь, к войску и подданным. Совет, данный садху, развеял все еще имевшиеся у него сомнения, и он отдал приказ начать строительство города Удайпура у озера Пичхола, а на западном его берегу воздвигнуть дворец. Так в тысяча пятьсот пятьдесят девятом году была основана новая столица государства Мевар, получившая имя своего основателя — мудрого и храброго махараны Удай Сингха. Должен заметить, что до тысяча девятьсот сорок седьмого года в Удайпуре, сменяя друг друга, правили двадцать два махараны и никогда земли Мевара никем не были завоеваны и здесь не признавалась ничья власть, даже британских колонизаторов.

Когда мы с вами посетим Городской дворец махаран Удайпура, ныне музеев, я покажу вам одно очень помпезное кресло. История его такова. Как-то английские колонизаторы решили собрать всех своих вассалов-махараджей на дарбар. В то время махараной был

---

⁶ Выражение высокого почитания: берущий прах от ног приветствуемого им лица склоняется перед ним, опускаясь на одно колено, прикасается к его ноге и как бы берет в щепоть пыль (прах), находящуюся у ступней.

Фатех Сингх, по счету двадцать первый правитель, правивший Меваром дольше всех — сорок шесть лет, с тысяча восемьсот восемьдесят четвертого по тысяча девятьсот тридцатый год. Так вот, его тоже пригласили. Организаторы этого сбора не учли, что махарана, как и его предшественники, считал себя независимым от британских властей.

— Неужели это так было? Зажатый со всех сторон территориями махараджей, признававших власть англичан, правитель маленького Мевара мог быть независимым от колонизаторов?

— Об этом можно спорить и приводить многочисленные доводы «за» и «против». Но махарана Удайпура всегда считался независимым. Предки смогли устоять против Моголов, а их потомки не поддались англичанам. Однако вернемся к событию, о котором мы говорили... Английские колониальные власти решили провести совещание с большой помпезностью и заказали специальные кресла, учитывая знатность и положение приглашенных индийских князей.

Было заказано кресло и для махараны Удайпура. Фатех Сингх на совещание не явился, хотя ему было послано приглашение, составленное в самых почтительных выражениях, что было всеми замечено и расценено как вызов британцам. Однако коварные и хитрые британские колонизаторы постарались представить это как несерьезную выходку упряма. И чтобы показать, что они ничуть на него не в обиде и не сердятся, послали махаране в подарок кресло. Теперь, спустя много лет, эта история выглядит легендой. Фатех Сингх поступил, с моей точки зрения, весьма разумно. Он мог вышвырнуть кресло, приказать сжечь его, разрубить, но не сделал ничего подобного. Он поставил его в одном из залов и обратил в своеобразный маленький памятник неповиновения колонизаторам и презрения к ним.

— Значит, махараны Удайпура действительно были независимыми? — вновь спросил я.

— Думаю, что до британской колонизации это было действительно так. Забегая вперед, скажу: не зря принц Хуррам, сын императора Джехангира, известный впоследствии как император Шах-Джахан, попросил убежища именно у махараны Удайпура, а не у какого-либо махараджи, когда ему пришлось скрываться от своего отца, против которого он поднял мятеж. Он рассчитывал, и не ошибся, прожить в Меваре в безопас-

ности, вне досягаемости Джехангира, который наверняка казнил бы своего сына, претендовавшего на трон.

— Ну, а при англичанах?

— Тут, конечно, дело осложнилось. Зависимость безусловно была, но это не очень бросалось в глаза. Как можно было не зависеть от англичан, когда они располагали современной техникой и передовыми научными знаниями...

При Фатех Сингхе была, например, построена железная дорога Удайпур — Читторгарх. У кого он просил специалистов, материалы, вагоны, паровозы? У англичан. Зависел он от них? Конечно! Этот махарана проявлял в общем-то кипучую деятельность в области благоустройства своего маленького государства. Строил дороги, колледжи, школы, госпитали. Безусловно, англичане были тут как тут. Значит, и зависимость была. Безусловно, внутри Мевара махарана проводил свою политическую линию, устанавливал и внешние связи с дружественными ему индийскими княжествами, реорганизовывал и совершенствовал свою армию. Но Мевар-то был всего лишь горошиной внутри большой английской колониальной империи. Махараны Удайпура, надо отдать им должное, умели находить золотую середину в своих отношениях с колонизаторами, безусловно обладали определенной самостоятельностью и не покорились им до конца, как это сделали другие. Но не все было на поверхности. Когда мы будем в Удайпуре и поговорим с людьми, вы услышите, как они с гордостью будут рассказывать, что махараны Удайпура, да и они сами, всегда были независимы, свободны и никто не мог их покорить.

— Все не так просто в этом мире, — философски заключил Гопи свой рассказ.

Был уже третий час ночи, когда мы въехали в Удайпур. Неяркие уличные фонари освещали белые стены близлежащих домов, а те, что были подальше, чуть-чуть выделялись в темноте белесыми пятнами и черными проемами окон. Встречных машин не попадалось, людей тоже. Город спал. Наш шофер хорошо знал его и уверенно вел машину то по прямым, то по кривым улицам разной ширины.

В темноте, хотя и прорезаемой светом фар, нельзя было разглядеть ни домов, ни улиц, по которым мы ехали. Наконец я понял, что улица пошла в гору: шофер переключил скорость, натужно заработал мотор,

— Куда это мы едем? — спросил я у Гоги.

Тот улыбнулся и ответил:

— Я же обещал вам, что утром сможете увидеть из окна гостиницы озеро Фатех Сагар. Мы едем в бывший дворец махаран, Лакшми Вилас Пэлас, где они устраивали приемы, вели переговоры, давали аудиенции. В нем же гости жили как в гостинице. В настоящее время здание дворца расширено и он является отелем, принадлежащим государству. Его название почти не изменилось — отель «Лакшми Вилас».

Действительно, минут пятнадцать спустя я уже вошел в свой номер. Это была огромная комната, в старом здании бывшего дворца. Весь пол покрывал толстый шерстяной ковер ручной работы с вытканными на голубом фоне многокрасочными узорами. Шелковые обои, лепнина потолка, покрывало на кровати, шторы, кафель в ванной комнате и сама ванна — все это было в тон с ковром. Двери украшала художественная резьба. Ручки и задвижки на окнах и дверях — из бронзы. Музейная обстановка, да и только. В комнате, где разместился Гоги, был постелен ковер зеленых тонов, и все остальное соответствовало ему.

— Вас разбудят в семь часов, — сказал мне Гоги. — Позавтракаем и отправимся в Городской дворец. Там и решим, что будем делать дальше. А сейчас — спать...

Проснулся я за несколько минут до телефонного звонка. Тут же позвонил портье — будил меня. Отдернув шторы, я увидел озеро Фатех Сагар, освещенное утренним солнцем. Вышел на большой балкон и остановился, пораженный открывшейся передо мной красотой. Берега озера утопали в зелени, а город был окружен высокими холмами. Опять зазвонил телефон. Голос Гоги: «Спускайтесь вниз, пора завтракать».

Огромный высокий зал почти пуст — еще рано. Вижу Гоги, поднявшего руку, и подсаживаюсь к нему. Осматриваюсь. На стенах развешаны огромные шкуры тигров. От носа до кончика хвоста не менее шести метров, а то и более. У каждой на стене прикреплена медная пластинка с надписью, когда и кем был убит тигр. Здесь же подвешены рога оленей — огромные, мощные. Пол ними тоже видны надписи.

Гоги подзывает официанта, и тот дает пояснение: тигры до сих пор встречаются здесь, в районе холмов к югу и юго-западу от озера Пичхола, где водятся и

крокодилы. Конечно, таких больших экземпляров уже нет.

— В старые времена тигры, как правило, умирали естественной смертью и всю жизнь росли, а теперь редко кто из них живет долго, — грустно замечает официант.

— А что было в этом зале при махаране? — спрашивает Гоги.

— Здесь давались приемы. Кроме этого зала есть и другие, но меньших размеров, — сказал официант и отошел от столика, его позвали.

— А вы заметили, что в вашей комнате две двери и одна закрыта? Знаете почему?

— Нет.

— Если открыть все двери, то вдоль всего дворца возникает анфилада комнат. Все они разные по расцветке и убранству: розовые, сиреневые, зеленые... Если в прежние времена к махаране приезжал кто-либо из государственных деятелей или дружественно настроенных к нему махарадж, то раскрывались двери, выносились лишняя мебель и комнаты оборудовались под кабинеты, приемные, столовые...

— Но что за резон в таких апартаментах, если они вытянуты в одну «кишку»? — спросил я.

— Вы забыли, что существуют еще и противоположная сторона дворца и террасы. Путем комбинаций комнат правого и левого крыла создавались роскошные и в то же время уютные резиденции. Тут все было продумано до мелочей, с учетом обычаев, политического, служебного и имущественного положения гостей. Ведь при дворе махараны существовала дворцовая служба, которая отрабатывалась и шлифовалась сотни лет. На протяжении веков улучшались старые методы, приемы, правила, порядки, видоизменялись старые и вводились новые, с учетом последних требований и норм жизни, в том числе безусловно учитывали и применяли европейский стиль и нормы.

В это время к нашему столику подошел невысокого роста человек средних лет и поздоровался с Гоги.

— Познакомьтесь, — сказал Гоги. — Мистер Дас — представитель нашей фирмы в Удайпуре. Если не возражаете, завтра он поедет с нами в город. Мистер Дас давно живет здесь и будет полезен нам, в особенности когда мы будем осматривать окраины Удайпура.

Завтрак окончен. И Гоги говорит:

— Сейчас едем в Городской дворец, главную резиденцию Бхупал Сингха, последнего махараны, двадцать второго по счету в династии, первым в которой был известный уже вам основатель Удайпура Удай Сингх.

— А сколько лет был у власти Бхупал Сингх?

— Он правил с тысяча девятьсот тридцатого по сорок седьмой год, то есть до завоевания Индией независимости.

Прощаемся с мистером Дасом. Машина трогается, и Гопи говорит шоферу:

— Городской дворец.

Если ночью мы поднимались в гору, то теперь быстро катим вниз. Улица петляет. Озеро Фатех Сагар то исчезает из виду, заслоняемое деревьями и домами, то вновь появляется. Проходит несколько минут, и мы уже едем по многолюдным городским улицам, где снуют пешеходы, велосипедисты, тонги⁷. Иногда приходится только удивляться, как хилая лошаденка, запряженная в тонгу, везет столько мужчин, женщин, детей, да еще и многочисленные чемоданы и тюки. Много моторикш. Они лихо ездят, тревожа слух ревом моторов и пронзительными сигналами. Автомашин на улицах мало. А пешеходы, как и везде в небольших городах, ходят главным образом по проезжей части улиц.

— В Удайпуре сейчас около ста семидесяти тысяч жителей, — рассказывает Гопи. — Мало, говорите? Не сказал бы. Промышленность ведь здесь не ахти какая...

— Но все же здесь что-то производят?

— Конечно. Тут очень развито ткачество. Посмотрите на женщин. Сколько на каждой материи? Да какой красивой!

Действительно, я уже обратил внимание на яркие сари, накидки, шаровары, блузы. Преобладающие цвета — ярко-красные, желтые, розовые, зеленые. Шаровары же в основном белые. Большинство мужчин — в белом. Правда, многие носят и темные брюки, в том числе и джинсы.

А Гопи продолжает рассказ:

— В Удайпуре много ремесленников. Они производят в больших количествах различные сувениры, изделия из серебра, золота, драгоценных и полудрагоценных кам-

---

⁷ Тонга — двухколесная телега (как правило, одноконная) для перевозки пассажиров и груза.

Ней, деревянные поделки и игрушки, ткнут кружева, изготавливают различные батйки на многочисленные сюжеты. Ежегодно Удайпур посещает около трехсот тысяч туристов. И все они любят сувениры. Так что местные жители зарабатывают для Индии еще и иностранную валюту.

Много людей занято переработкой сельскохозяйственной продукции: вокруг много деревень, откуда крестьяне везут в город плоды своего труда. Кроме того, в двенадцати километрах от Удайпура, в Дебари, находится государственный завод. На нем выплавляют около двадцати пяти тысяч тонн цинка в год и производят около тридцати тысяч тонн серной кислоты как побочного продукта. Имеется здесь и предприятие, выпускающее удобрения для сельского хозяйства.

— Скажите, Гопи, а откуда поступают на завод цинковые руды?

— Примерно в сорока пяти километрах к югу от Удайпура находятся Заварские рудники. Там добывают не только цинковые руды, но и галенит, основную руду для производства свинца.

— Смотрите, подъезжаем к вишнуистскому храму Джагдиш.

Я повернул голову, но успел увидеть лишь высокую, поднимающуюся от тротуара лестницу.

— Не беспокойтесь, — сказал Гопи, — мы осмотрим его потом, а сейчас мы подъезжаем к Городскому дворцу, или «дворцу махаран», как его называют до сих пор.

Шофер резко затормозил. Мы были у цели.

Ворота в дворцовый двор оказались огромным сооружением, состоящим из трех арок высотой 10 метров с квадратными башнями по краям, увенчанными полусферовыми крышами. Направо и налево от башен тянулись высокие стены, ограждающие территорию дворца. В арках когда-то были установлены крепостные ворота, но их уже давным-давно сняли за ненадобностью. Венчающие арки полукружия украшены с двух сторон каменными параллелепипедами. Каждый из них вмурован перпендикулярно в прочные корпуса арок и со стороны дворца, и со стороны улицы.

Башни и арки являются опорами для верхней надстройки. От башни к башне протянулась широкая площадка на высоте около 12 метров над землей. А вдоль нее установлены колонны, высокие, изящные. Проемы

Между ними оформлены как сводчатые окна, заделанные узорчатыми обрешетками. Между третьей и четвертой колоннами встроены ажурные беседки. Они увенчаны как бы коронами из кружев. И все сделано из белого камня. Древние мастера отшлифовали камни и облагородили их своими резцами так, что они стали походить на кружева.

И в середине всего этого сооружения — входа во дворец, опять-таки беседка. Она значительно больше первых двух. Крыша ее составлена из полукруглых куполов, остроконечных надстроек. А через их ажурные облицовки просвечивает небо. Наверху этой беседки установлены две металлические мачты, между которыми закреплен на тросах золоченый шар, ослепительно сверкающий от солнечных лучей на фоне небесной лазури.

Белые башни, колонны, беседки, обрешетки проемов кажутся до того легкими, что создается впечатление, будто сильный порыв ветра может сорвать все это с мощного основания и унести в небо.

— В старые времена, — сказал Гопи, — и у ворот и на верхней площадке днем и ночью стояли стражники. Невидимые со стороны города, они наблюдали за всеми и всем. Так же охранялись другие ворота и длинные толстые стены, опоясывающие двор. А теперь пойдем дальше.

Мы очутились во дворе, широком, покрытом асфальтом. Кое-где шли ремонтные работы. Рабочие залатывали огрехи в выщербленном асфальте, белили многочисленные надворные пристройки. Мое внимание привлекла невысокая, но толстая бетонная стена. Она находилась справа от входа и тянулась от боковой арки до лестницы у торцевой стены дворца. За нею открывался широкий, высокий, арочного типа вход, за которым, кроме черноты, ничего не просматривалось. На площадке перед стеной, несколько возвышающейся над покрытием дворца, было разбросано пересохшее сено.

— Для чего эта стена и площадка?

— Здесь устраивались бои слонов, которых разделяла эта стена. И хотя она доставала им только до груди, они не могли ее преодолеть. Поэтому бой между ними сводился только к тому, что они сплетались хоботами, хватали друг друга за клыки. Обозленные слоны неистовствовали, а сидящие на их спинах махоуты, погонщики, подзадоривали их выкриками, командами и легкими ударами молоточков по голове. Такие драки

Слонов охотно смотрели махараны, придворные и дворцовая челядь. А после окончания зрелища животных уводили в их стойло, куда ведет арка, за которой темнота.

Такие слоновьи драки культивировались в течение сотен лет. Они были одним из любимых видов времяпрепровождения и прекратились совсем недавно.

В этот момент к нам обратился молодой человек, одетый в белоснежную рубашку с галстуком, заправленную в белые, европейского покроя брюки.

— Я не официальный гид, — сказал он, — но прекрасно знаю расположение дворца и экспонаты, находящиеся в нем. Сам я студент исторического факультета Бомбейского университета. В Удайпур приехал на каникулы к родителям. В этом городе жили все мои предки. Я тоже родился здесь и знаю каждый камень в городе. Сочту за честь, если вы согласитесь взять меня с собой в качестве гида. Никаких условий об оплате я не ставлю, но если вы будете довольны, то вознаградите меня в той степени, в какой посчитаете нужным.

Мы согласились, и студент, не медля ни секунды, бойко начал свой рассказ:

— В Удайпуре любой ребенок раньше знал, что каждый махарана имеет нарицательное имя — «Солнце индусов». И нет ничего удивительного, что династия махаран государства Мевар построила в Удайпуре величественный дворец. В течение сотен лет он достраивался и реконструировался. Семнадцать махаран из двадцати двух внесли свои изменения. Как видите, ныне здание дворца состоит из пристроенных одно к другому трех огромных корпусов, высотой в пять-шесть этажей. Старейший из них носит название «Радж Анган». Он был построен основателем Удайпура Удай Сингхом, который правил Меваром с тысяча пятьсот тридцать седьмого года по тысяча пятьсот семьдесят второй. Общая длина дворца — около четырехсот восьмидесяти, а ширина — от ста девяноста до двухсот шестидесяти метров. Он выстроен строго параллельно восточному берегу искусственного озера Пичхола, и его гранитный фундамент перпендикулярно входит в воду, строго очерчивая акваторию. Со стороны воды есть трехарочный вход на территорию дворца. Но только нижняя его часть напоминает тот, в который вы вошли. Этот вход называется Гангорские ворота. От арок к во-

де ведут гранитные ступени. В этом месте жители города стирают белье и тут же развешивают его для сушки на каменной ограде. В настоящее время удайпурский дворец — самый большой по величине в штате Раджастхан. Мы идем с вами вдоль стен этого грандиозного здания. Обратите внимание на изящные колонны, поддерживающие балконы, на ажурные мраморные обрешетки огромных оконных проемов на третьем этаже. Здесь находились женские покои. Женщины за ними оставались незримыми, хотя сами видели все, что делается во дворе. Дворец построен из гранита и мрамора. Всмотритесь в тонкую резьбу по мрамору на ограждениях балконов, галерей и прогулочных площадок, карнизах, стенах, башнях, куполах... и вы поймете, почему этот дворец сравнивают по элегантности, изяществу с Виндзорским дворцом в Англии. Остановимся здесь, — сказал гид, и мы застыли на месте. А он продолжал:

— Бросив ретроспективный взгляд на историю, нельзя не упомянуть, что величие людей Мевара и его махаран зиждется прежде всего на том, что никто и никогда не смог покорить ни народ, ни его правителей. Сильный, храбрый, непобедимый народ Мевара имел достойных властителей. Например, махарана Пратап Сингх взошел на трон в тысяча пятьсот семьдесят втором году и всю свою жизнь успешно громил Моголов. В тысяча пятьсот девяносто седьмом году его сын, махарана Амар Сингх, принял государство после умершего отца и до самой смерти в тысяча шестьсот двадцатом году громил врага и отстаивал родной Мевар. Так было всегда, вплоть до английской колонизации. Мы и от англичан не зависели.

Знаете ли вы, что в Удайпуре, столице государства, да и во всем Меваре никогда не заходило солнце?

— Как так? — не выдержал я.

— Посмотрите вверх. Что вы видите на уровне четвертого этажа на пристроенной, четырехугольного сечения колонне?

Я посмотрел туда, куда указывал наш гид, и увидел позолоченный шар диаметром около метра, вставленный в колонну заподлицо с ее плоскостью. Шар был окружен мозаикой из плиток нежно-голубого цвета.

— Шар символизирует солнце, голубое кольцо вокруг него — небо. Теперь вы убедились в непогрешимости этой символики? Когда заходило солнце, его функцию выполняло «солнце» во дворце махараны. Оно

как бы продолжало светить и согревать народ Мевара.

А теперь пойдем внутрь дворца, — сказал студент, приветливо улыбаясь.

Но тут Гопи заявил, что дальше мы пойдем без него.

Мы расплатились со студентом, он с достоинством поблагодарил нас и, по-моему, обрадовался быстрому завершению своей работы. А мы пошли к входу во внутренние помещения дворца.

Мы ходили с Гопи по залам, коридорам, разнообразным дворцам внутри Городского дворца. Изменялись экспозиции: скульптуры, картины, фрески, мозаика, изделия из бронзы, камень... Возникли новые и новые названия дворцов, галерей: Манак Махал — Рубиновый дворец, Дилхуш Махал — Дворец веселья, Баади Махал — Сад-дворец, Моти Махал — Жемчужный дворец, Бади Читра Шала — Картинная галерея. Побывали и в музее археологии и истории, также входящего в комплекс Городского дворца. В нем множество ценных, интересных и своеобразных экспонатов, рассказывающих об истории Мевара, быте населяющих его людей, коллекция бронзовых, серебряных и золотых монет, скульптуры, национальные костюмы, портреты махаран, предметы их одежды, вооружения, в том числе знаменитый обоюдоострый, с двумя рукоятками меч Пратап Сингха; этот правитель сохранился в памяти народной как мудрый, отважный и могучий воин.

Когда мы медленно шли по залам музея, в которых было немало посетителей, ко мне подошли, отделившись от группы своих сверстников, два подростка.

— Вы европеец и, очевидно, здесь впервые? — вежливо спросил один из мальчиков.

— Да, впервые. И в Удайпуре, и в музее, — признался я.

— Тогда, сэр, обязательно обратите внимание на меч махараны Пратап Сингха. Этот меч разил врагов Мевара и отстоял свободу нашего народа. Моголы завоевали огромные территории в Индии, но никогда не владели ни Удайпуром, ни землями вокруг него. Мы просим вас посмотреть на него очень внимательно, в него надо всмотреться.

Вместе с мальчиками я подошел к мечу и две-три минуты смотрел на него. А мальчики в это время наперебой говорили:

— Взгляните на этот узор! Всмотритесь в рукоятки... Он рубил им врагов, держа меч двумя руками...

Только у него был такой меч... Мевар никогда никому не покорялся... Раджпуты предпочитали смерть позору порабощения...

— А теперь подойдем еще к одному очень интересному экспонату, — предложили мальчики. — Это тюрбан могольского принца Хуррама, который впоследствии стал императором Шах-Джаханом. Он скрывался в Удайпуре от своего отца Джехангира... Этот тюрбан остался здесь потому, что Хуррам и махарана побратались и обменялись головными уборами. Смотрите, как он красив!..

Мы распростились с мальчиками и отправились к Мор Чаук — Павлиньему двору...

— Там содержатся павлины? — предположил я.

— Нет, сейчас увидите. Павлин мозаичный.

И вот перед нами пять огромных красочных мозаик. Они находятся в нишах. На фоне распущенного павлиньего хвоста яркий самец-павлин, пониже — две более скромные по окраске оперения самки. И здесь, в этом Павлиньем дворе, искусно представлен павлин — великолепная, красивая птица, являющаяся национальным символом, характеризующим прекрасную страну. На каждой из мозаик другая композиция.

И опять коридоры и залы, и я, как в калейдоскопе, вижу многоцветные мозаики, потолки и стены, инкрустированные осколками зеркал, исторические реликвии и картины. Их много. На них изображены главным образом батальные сцены, подвиги воинов и махаран. Это естественно. Мевар отражал натиск врагов сотни лет.

Мы вышли на лестницу и стали подниматься.

— Куда мы идем?

— На крышу. Там сад. В другом месте его называли бы висячим садом, а в Удайпуре он — сад на крыше.

По периметру плоской четырехугольной крыши шли галереи, крытые беседки, кровли над которыми покоились на колоннах. Восьмиугольные башни, столь характерные для Городского дворца, стояли прямо, незыблемо, как будто им и не было 300—400 лет. Куда ни глянь, мрамор, разнообразнейшие орнаменты, купола, обрешетки на арочных окнах... Мы вошли в одну из беседок, и отсюда передо мной внезапно открылся вид на озеро Пичхола.

— Смотрите, прямо перед вами Джаг Нивас, ныне Озерный дворец, а тот, подальше и поменьше, Джаг Мандир, Островной дворец.

Вид был восхитительный. Беломраморные дворцы как бы плыли по синей глади озера, обрамленного высокими холмами.

— Дворцы — белы лебеди! — не удержался я от сравнения.

— Давайте закончим на этом знакомство с Городским дворцом, — предложил Гопи, — и осмотрим храм Джагдиш...

Это и есть вишнуистский храм Джагдиш, мимо которого мы проезжали утром. Сейчас он перед вами. Храм воздвигли в тысяча шестьсот пятьдесят первом году, во время правления Джагат Сингха, за год до его смерти. Имя махараны и досталось храму. Теперь он является достопримечательностью не только Удайпура, но и всего штата Раджастхан. С этой, противоположной стороны улицы он виден весь — от подножия до позолоченного флерона. Но это европейский термин. А здесь он называется каласой. Видите, он похож на факел, зажженный лучами солнца. Посмотрите на главный купол над зданием храма, купола башен, построенных справа и слева от него. Они входят в комплекс, но основной смысл не в них. Всмотрелись? Видите красный флаг на коротком флагштоке, установленный на самом верху главной каласы? Как он трепещет на ветру... Создается полная иллюзия колеблющегося пламени. Не правда ли? А как вам нравятся огромные изваяния двух слонов? Они словно стражи стоят на верхней ступени лестницы, по обеим сторонам от входа в храм...

А теперь обратите внимание на плоский, ребристый диск. Называется он амалакой. Нижней своей плоскостью он покоится на остроконечной вершине купола криволинейной конфигурации, шикхара, а на нем установлена каласа. Высота храма от подножия до этого заканчивающего украшения, изготовленного в виде позолоченного факела, почти двадцать пять метров — высота восьмизэтажного дома. Согласитесь, что более чем триста лет назад мастерство строителей было высоким...

Здание храма Джагдиш сооружено на четырехугольной платформе, покоящейся на опорах на высоте около восьми метров над мостовой. Под платформой расположились лавки с разнообразными товарами. Тут же стоят тонги. Пассажиры, очевидно, редки, поэтому лошади не спеша жуют сено.

От мостовой к входу в храм ведет широкая лест-

ница, как бы разделённая пёрилами на три части. Пока мы поднимались по ней, Гопи продолжал выполнять роль гида:

— Эта лестница в тридцать четыре ступени украшена с двух сторон пилястрами и колоннами, орнаментами и лепными изображениями божеств, размещенных в небольших своеобразных беседках. А теперь посмотрите на этих гигантских слонов вблизи. Оба они высечены из монолитных белокаменных глыб, практически в натуральную величину, не правда ли?

Действительно. Люди, стоявшие рядом с ними, достигали лишь «брюха». Мощь и высота этих каменных слонов подчеркивалась еще тем, что их головы и уши были подняты, хоботы закручены полукольцом вверх. При взгляде на них снизу создавалось впечатление, что слоны приготовились к атаке... Вот-вот они ринутся вперед, раздавят и не пропустят в храм нежелательных посетителей.

Мы поднялись на платформу. Она декорирована скульптурными группами, рассредоточенными между пилястрами. Отсветы солнечных лучей, отражаемых белой стеной фасада, белокаменными слонами, обрамлением лестницы и платформой, слепили глаза, поэтому казалось, что за входом в гарбха-гриха, святилище, главный зал храма, царит темнота.

Но внутри храма было достаточно светло. И сразу же в глаза бросились сотни горельефных скульптур. Все они высечены в монолитных глыбах, установленных одна на другой от пола до свода храма. Таким образом, по вертикалям образовывались колонны, а по горизонталям — ярусы, протянувшиеся вдоль стен.

— Ну как, узнали какую-нибудь из представленных здесь скульптур? — спросил Гопи, дав мне осмотреться. — Как видите, позы у них разные: одни стоят, другие сидят. На первый взгляд они кажутся застывшими, что естественно — они же каменные. Но попробуйте посмотреть на них, допустим, справа налево или наоборот, и вы увидите, что они как будто шевелятся. Убедились? А это потому, что все эти скульптурные изображения людей, одетых в легкие одежды, почти обнаженных, изваяны в различных позах. Всмотритесь, ни одна из этих сотен скульптур не повторяет изгиба тела, поворота головы, положения рук и ног. Поэтому, когда взгляд скользит по ярусам, кажется, что скульптуры шевелятся. Так узнали вы кого-нибудь?

— Только немногих, — ответил я. — Кришну и Калки. Я понимаю, что если храм Джагдиш посвящен богу Вишну, то здесь должны быть представлены его аватары, воплощения.

— Вы правы. Не каждый индус знает о всех воплощениях богов и богинь. Их очень много. В «Ригведе», например, упомянуто около трех тысяч богов. Но будем говорить только о Вишну, одном из основных божеств индуистского пантеона, верховной триады. Он олицетворяет вечно живую природу, и его образ более жизне-радостен и светел, чем образ Шивы. Вишну — бог-охранитель. Он добр. Когда людям, богам, религии угрожает опасность или ущерб, Вишну воплощается в любой телесный облик (не только человека) и спасает положение. У него множество аватар, воплощений. Но, как говорится в сборниках мифических преданий — пуранах, бог Вишну посещает землю чаще всего последовательно, в десяти воплощениях: в качестве рыбы он спасает легендарного царя Ману от потопа, в качестве черепахи дает советы о напитке бессмертия, в облике вепря извлекает землю из вод, в облике человекольва помогает поразить царя-демона. Это же он делает и в облике карлика-великана. Остальные пять известных аватар — Парашурама (прославившийся своими подвигами воин), Рама, Кришна, Будда и мессия Калка, приход которого еще ожидается.

Говоря все это, Голи указывал на скульптуру и пояснял: вон тот, за углом колонны, — Вараха — человек-вепрь. А этого вы не можете не узнать. Это любимый всеми Кришна — вождь, а если хотите, царь племени ядавов. Он является восьмой аватарой. И именно это воплощение в Кришну позволило богу Вишну спуститься на землю и покарать неблагочестивого царя Матхуры — Кансу. Кроме того, чтобы облегчить Землю от тяжести множества людей, топчущих ее, он вовлек их в жестокую, кровопролитную войну, в ходе которой люди перебили друг друга...

Девятая аватара Вишну — Будда. Об этом упоминается в одной из восемнадцати главных пуран.

А десятой аватарой является ваш «знакомый» Калка: вооруженный воин, восседающий на белом коне с крыльями.

В образе Калки Вишну придет в конце света. Об этом рассказано в «Вишну пуране». Калка изображается еще и как мужчина с лошадиной головой. Как тот,

которого вы сразу узнали. А Вараха представляется в образе мужчины с кабаньей головой.

Мы покинули храм и перешли на противоположную сторону улицы, чтобы еще раз взглянуть на храм.

Уже более внимательно осматриваю храм, его надстройки, шикхару. Сколько лепных украшений! Представляю себе, как скульпторы, резчики по камню трудились здесь от зари до зари и ушли безвестными в небытие, оставив на память о себе красоту и неповторимость.

— Видите на фасаде храма бронзовую скульптуру? Это божественная птица Гаруда!

— А какое она имеет отношение к храму?

— Дело в том, что индуистские божества всегда изображаются со своими неизменными атрибутами — животными. Например, Шива — с быком Нанди, о котором я уже говорил, когда рассказывал о храме Эклингджи, бог Индра — со слоном, жена Шивы Дурга — с тигром, Вишну — с птицей Гарудой. Этим и объясняется ее изображение на храме.

Я взглянул на часы. Время наше истекло, и я очень огорчился, что мы не осмотрели главного: дворцов — белых лебедей.

В машине Гопи сказал шоферу:

— В отель «Лакшми Вилас».

— Неужели уже едем «домой»?

— Да. Но не беспокойтесь. Через полчаса туда придет мистер Дас. Он обещал сделать нам вечером сюрприз.

... Если бы в мире отсутствовала служба точного времени, то ее вполне бы мог заменить мистер Дас. Он прибыл к нам в гостиницу секунда в секунду. По тому, как Гопи вопросительно поднял брови, а Дас чуть покачал головой, я понял, что обещанный сюрприз состоится.

— Мы сейчас совершим переезд в другую гостиницу! — сказал мистер Дас.

Через четверть часа мы уже покинули отель «Лакшми Вилас».

На одном из поворотов я попросил остановить машину, вышел из нее и в последний раз окинул взором фасад уникального белоснежного здания. Смеркалось, но на фоне голубого неба еще явственно просматривались точеные контуры бывшего дворца, линии ажурных галерей, балконов, карнизов и трех шестигранных

беседок, увенчанных купольными крышами, опирающимися на колонны.

... Машина бежит по сумеречным улицам. В городе зажигаются фонари. Огибаем громаду Городского дворца и подъезжаем к небольшому причалу, у которого толпятся человек десять в ожидании посадки на катер. А вот и он, быстро приближается к причалу. Мы поднимаемся на него, а через минуту катер уже резво идет к освещенному яркими огнями беломраморному Озерному дворцу. Всего-то наш путь по озеру Пичхола составлял около двухсот пятидесяти метров. И с каждым оборотом винта по правому борту катера все явственнее просматривалась огромная скульптура женщины серого цвета. Она по пояс в воде и обнажена. На голове у нее установлено что-то наподобие большого сосуда цилиндрической формы. Впечатление такое, что женщина несет воду, причем с такой же грацией, как это делают миллионы индианок.

А когда катер причаливал у Озерного дворца, вспыхнул мягкий свет внутри «сосуда», осветив лицо каменной женщины, ее туловище, поднятую вверх правую руку, как бы поддерживающую накинутое на голову покрывало. Это было великолепное зрелище.

Как объяснил Гопи, этот огонь — ориентир для катеров: горит он только в темное время суток, когда жизнь на берегах озера замирает. А днем, видимая далеко окрест, каменная женщина неумоимо несет на голове воду своей семье.

Легкий толчок... Катер застыл у беломраморной стены бывшего дворца махаран.

— Причал здесь — не что иное, как порог при входе в бывший дворец Джаг Нивас. Построен махараной Джагат Сингхом вторым в тысяча семьсот сорок шестом году. С тех пор здание много раз ремонтировали, украшали, переоборудовали вплоть до реконструкции и превращения в отель.

Пока Гопи рассказывал, мы шли по коридорам за носильщиками. Они вели нас в номера, которые оказались на втором этаже восточного крыла здания. Из окна моей комнаты открывался вид на Городской дворец, освещенный немногочисленными и не очень яркими лампами. Темная полоса воды разделяла эти два здания.

— Сейчас темно. Завтра при свете солнца все будет выглядеть великолепно, — сказал Гопи, — а пока пошли ужинать.

— Этот дворец сооружен из гранита и мрамора и стоит по «пояс» в воде искусственного озера, созданного еще в пятнадцатом веке у деревни Пичхоли во времена правления махараны Лакхи. Отсюда и его нынешнее название — «Пичхола». А когда махарана Удай Сингх приступил к строительству Удайпура, то было произведено укрепление плотины и берегов озера каменными глыбами. Плотина называется Бади Пал. Она перекрывает впадину между холмами, где во время дождей скапливается вода. Естественно, что в течение веков берега озера Пичхола постоянно укреплялись и, во всяком случае, его восточный берег облицован мощным каменно-бетонным панцирем. Пичхола в общем-то озеро небольшое. Его площадь около десяти квадратных километров. Но вы сами понимаете, в безводной местности ему нет цены: оно поит всех жителей города, да и украшает сам город.

— Мистер Гопинатх,— предложил Дас,— расскажите нашему гостю о втором озере.

— Извольте. За плотинкой Бади Пал, находящейся в северной части озера Пичхола, его воды соединяются каналом с другим искусственным озером, Фатех Сагар, сооруженным в конце семнадцатого века. Но оно было размыто ливневыми дождями и восстановлено и реконструировано лишь через сто лет по указанию махараны Фатех Сингха. Его имя и закрепилось с тех пор за озером. Оно поменьше Пичхола: длина два с половиной и ширина чуть более полутора километров. На северо-восточной его оконечности стоит плотина длиной около километра. В период ливневых дождей, когда озера переполняются, избыточная вода переливается через нее и стекает вниз по наружной стенке. Получается водопад, ночью его подсвечивают, и люди любят-ся красивым зрелищем...

Мистер Дас распрощался с нами, а мы решили пройтись по двору и залам отеля.

— Я бывал здесь в те времена,— сказал Гопи,— когда тут был дворец. Тогда он являлся еще собственностью последнего махараны — Бхупал Сингха, правление которого закончилось в сорок седьмом году. С завоеванием Индией независимости Бхупал Сингх стал временно именоваться «махарадж прамукхом», то есть губернатором с широкими правами.

Впервые я побывал в Удайпуре в пятьдесят девятом году, — продолжал рассказывать Гопи, — и посетил

Этот дворец Джаг Нивас. Он уже стал к тому времени музеем. Стены были увешаны старинными картинами, потолки украшены росписями и мозаикой. Внутри здания было несколько больших залов — своеобразных дворцов во дворце, каждый со своим названием: Бара Махал (Большой дворец), Хас Махал (Особый дворец), Саджан Нивас (Разукрашенная обитель...). Территория дворца занимает более полутора гектаров. Здесь били фонтаны, бассейны были наполнены водой, цвели небольшие сады. Когда я прибыл сюда в шестидесятом—шестидесятом первом году, здесь всю шла распродажа картин, скульптур, статуэток, дворцовой утвари. Жалею, что ничего не купил. Не понимал тогда, что продавали по дешевке исторические ценности. Самым «молодым» из них было более сотни лет. Теперь их нигде не найдешь, разве что копию или подделку. Все раскупили вездесущие иностранцы — любители старины, особенно англичане.

Теперь многое перестроили, сделали гостиницу высшего класса. Художники и декораторы постарались...

Сам дворец построен в виде буквы «Г»; внутри здания два больших сада.

Мы с Гопи обошли все, что было возможно. Били фонтаны, в бассейнах отражались яркие огни. В садах под большими деревьями, на лужайке, стояли шезлонги, плетеные кресла, столики. Днем над ними устанавливали огромные зонты, как на пляжах, для защиты от солнца.

— Пойдем-ка спать, — предложил Гопи. — Лучше встанем завтра пораньше. При дневном свете все будет выглядеть более нарядно и красочно.

В 6.30 раздался стук в дверь. Появился официант с подносом.

— Вы заказали чай на шесть тридцать, — сказал он.

Это был английский «бэд ти», — чай, подаваемый в постель утром. За период колонизации англичане привили индийцам этот своеобразный обычай. Во всех индийских отелях «бэд ти» стал традиционен, и если вы, допустим, не закажете его сами, то вам об этом обязательно напомнят.

Зазвонил телефон. Голос Гопи :

— Вы готовы? Тогда выходите, побродим по дворам отеля, посидим в садах среди роз. Сейчас спокойно. Многие еще спят...

Около получаса мы бродили по территории отеля.

Ходили вокруг бассейнов, наполненных прозрачной водой, сидели на скамейках, расставленных у ярко цветущих кустов. Утреннее солнце поднялось еще невысоко над горизонтом, но древние архитекторы предусмотрели и это. Они дали возможность солнечным лучам «прорываться» через многочисленные арочные проходы, ведущие к восточной, прогулочной площадке, протянувшейся вдоль дворцовой стены здания. А когда солнце поднялось чуть выше, оно уже освещало внутреннюю территорию через проемы между многочисленными беседками и башнями, колонны, стены, купола, круглые и прямоугольные козырьки которых были украшены орнаментом, лепниной, резьбой. Солнечные пятна и полосы на траве, кустах, деревьях, стенах перемежались с теньвыми участками, и от этих контрастов общая картина только выигрывала.

Мы кончали завтракать, когда появился мистер Дас.

— Я только выпью с вами чашку кофе, и мы двинемся в путь. Катер ждет нас у причала...

Минут через десять мы уже подплывали ко второму островному дворцу на озере Пичхола — Джаг Мандиру (Храм Джагата).

— Его тоже построили во времена махараны Джагат Сингха второго? — поинтересовался я.

— Нет, — ответил Гопи. — Задумали и выбрали для него место при Амаре Сингхе первом, в тысяча шестьсот пятнадцатом году. Строительство же было закончено при Каран Сингхе в тысяча шестьсот двадцать втором году. А его сын, махарана Джагат Сингх первый, который правил Меваром с тысяча шестьсот двадцать восьмого по тысяча шестьсот пятьдесят второй год, много лет занимался достройкой дворца. При нем же соорудили мечеть, носящую имя Мадара, мусульманского святого.

Закончив достройку и переделку, Джагат Сингх первый решил увенчать свои заслуги и назвал дворец Джаг Мандир. Слово «храм» он приплюсовал в связи с наличием мечети святого Мадара.

Катер обходил Джаг Мандир вокруг. Мое внимание привлекло трехэтажное здание из желтого песчаника. Оно хорошо смотрелось на фоне белокаменных оград, мраморных колонн, беседок и надстроек.

Поворот катера, и мы приближаемся вдоль высокой ограды дворца к белокаменной террасе. Справа и слева от входа по четыре слона, высеченных в натураль-

ную величину из монолитных мраморных глыб. Они похожи на тех, которые стоят перед храмом Джагдиш. У них так же приподняты головы и закручены вверх хоботы. Жаль только, что у всех слонов бивни разной длины: они обломаны. Когда и кем, неизвестно. Но вряд ли в этом виновато время. Скорее всего, это дело рук человеческих.

Поднимаемся на террасу. Точеные мраморные колонны и обрешетки на фальш-окнах. Резьба по камню, орнаменты, пилястры. Все легкое, ажурное, купол, венчающий вход на террасу, кажется невесомым. Его поддерживают четыре мраморные колонны.

Мы идем по каменным отшлифованным плитам, которыми вымощен большой внутренний двор дворца, длиной около ста метров.

Пред нами три беседки: две — из белого мрамора, а третья — из черного. Между ними бассейн, заполненный водой. В бассейне — лотосы и лилии. Половину двора занимают клумбы с розами. Кое-где высятся кипарисы, а дорожки обступили кусты с ярко-зеленой листвой. В углу двора стоит одинокая пальма.

Вот мы и у главного здания. Нас встречает гид. Го-пи отказывается от его услуг, но он неотступно следует за нами. Посетителей немного.

Половина здания состоит из трехэтажной приземистой круглой башни. Ее стены изнутри облицованы мраморными плитами. Пол в круглом зале выложен черным и белым мрамором. Ниши в стенах декорированы арабесками. Изящество и красота узоров получены в результате сочетания разноцветных камней. Рассматриваем залы и комнаты.

— Куда теперь? — спросил я, когда мы покинули дворец.

— К причалу у Городского дворца, а оттуда на машине на восточный берег озера Фатех Сагар. Там есть, что посмотреть.

— Скажите, а когда оголились эти горы, окаймляющие озеро? — поинтересовался я у Даса. Вы давно здесь живете?

— С тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года. И сколько я себя помню, всегда было так. У берегов зелень еще есть, а чуть повыше и до вершин — редкие деревья, островки кустарника. А когда-то... Вы же видели картины в Городском дворце? На многих нарисованы эти озера в обрамлении покрытых лесами гор.

Кажется, будто зеленые чаши наполнены голубой водой — бирюза в обрамлении изумрудов. За сотни лет люди фактически покончили с лесом...

— А что за башни стоят то тут, то там на склонах гор?

— Не узнали? А в Городском дворце они изображены на картинах. Помните сцены охоты? Раньше кругом был лес и егери подгоняли тигров к башне, а с балкона махарана или его сыновья стреляли в беззащитных животных, находясь в полной безопасности.

Слушая Даса, я действительно вспомнил несколько картин, на которых изображались загонщики, некоторые на слонах и лошадях. В центре башня, и усатый махарана целится из ружья в загнанного, мечущегося тигра. Может быть, именно его шкуру мы видели в отеле «Лакшми Вилас»?

— Но не все башни, что вы видите, — для охоты, — вступил в разговор Гопи. — Большинство из них — сторожевые. В них находились наблюдатели. Денно и ночью они высматривали возможных врагов и лазутчиков. А почему вы ничего не спрашиваете о крепостной стене, поднимающейся по склону горы?

— Тут все ясно! Я вижу ее со вчерашнего дня. И понимаю, что Удайпур сотни лет был крепостью и нуждался в защитных сооружениях. Но скажите мне другое: здесь действительно водятся тигры?

Гопи рассмеялся, а Дас с удивлением посмотрел на него.

— Да что вы, официант прихвастнул. Ни тигров, ни крокодилов тут и в помине нет. Мистер Дас, расскажите об охоте в районе Удайпура.

— В оставшихся лесах и зарослях до сих пор водятся дикие животные и птицы. Вы можете получить у соответствующих властей муниципалитета лицензии на отстрел кабанов, коз, оленей, зайцев, уток, бекасов... пантер и медведей!

— Неужели пантер до сих пор всех не истребили? — изумился Гопи.

— Представьте себе, нет!

...Катер причалил, в полусотне метрах нас ожидала автомашина.

— Куда мы теперь? — спрашиваю я.

— Сперва в Моти Магри, затем в Сахелион-ки-Бари.

Мое внимание привлекли красочные, большие рисун-

ки на жилых домах, мимо которых мы в это время проезжали. Двери были обрамлены своеобразными орнаментами. Чаще всего встречались изображения слонов. На их могучих спинах сидели кроме махоутов, погонщиков, еще два-три седока — усатые, в богатых одеждах, титулованные и знатные персоны. Они восседали на удобных сиденьях, можно сказать, креслах, водруженных на спины слонов. Кроме того, на стенах изображались и всадники, гарцующие на горячих скакунах.

Слоны и кони были изображены в цветных, красивых пополах зеленых, коричневых, желтых, черных тонов, со сбруей и украшениями. Слоны — только черного цвета, кони — главным образом гнедые. Люди были в красных тюрбанах, в синих головных уборах, с декоративными кистями на поясах.

— Почему на стенах такие рисунки? — спросил я.

— Их рисуют на домах, где происходят свадьбы или отмечаются какие-либо торжества, — пояснил Дас.

— А потом что с ними делают?

— Они могут долго сохраняться. Обратите внимание на дом, к которому мы приближаемся... Видите, краски рисунков совсем свежие. Значит, событие отмечалось недавно, а может быть, здание только-только подготовили к торжеству. Бывает, что рисунки сохраняются несколько лет — до очередной побелки или покраски дома.

Еще и еще появлялись в поле зрения и исчезали разукрашенные жилища удайпурцев. Ни на одном из них рисунки не повторялись. Все они были своеобразны, интересны и, можно сказать, уникальны. Над входом в один из домов было изображено подобие солнца — как и в Городском дворце...

Беспрерывно подавая звуковые сигналы, наш шофер гнал машину, распугивая пешеходов и велосипедистов. Наконец, оставив справа на вершине холма уже знакомый нам отель «Лакшми Вилас», мы выехали на «серпантин драйв» — так называют извивающееся вдоль восточного берега озера Фатех Сагар шоссе. Слева по ходу машины тянулась белая ограда более чем метровой высоты. Вся она четко отражалась в спокойной голубой глади озера. Через заднее стекло можно было увидеть не только ограду, но и кроны деревьев в глубине воды и небольшие здания насосных станций, «окунувшиеся» в озеро крышами вниз.

— Долго нам еще ехать до Моти Магри? — спросил я. Но вместо ответа Гопи высунул руку в открытое окно автомашины и указал на длинный зеленый остров посреди озера:

— Это островной парк имени Джавахарлала Неру.

— И давно он существует?

— С конца тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года, — ответил Дас. — Его засадили кустарником, большими деревьями, в том числе пальмами. Устроили зеленые газоны, цветники, соорудили фонтаны, беседки, бассейны с водой, лужайки, на которых устраиваются пикники. Когда темнеет, высокие фонтаны подсвечивают разноцветными электрическими лампочками. Очень красивое зрелище.

Действительно, парк имени Неру выглядит превосходно. Сам остров, на котором буйно растут деревья и цветы, прямоугольной формы. Его берега одеты в камень и бетон и отвесно уходят в воду. На углах прямоугольника стоят беседки с куполообразными крышами. Опорами служат колонны. Строители ничего не выдумывали. Они взяли в готовом виде все то, что уже было изобретено и построено сотни лет назад. Поэтому архитектура парка не нарушает ансамбля удайпурских дворцов.

— А что это за судно стоит у северо-восточной оконечности острова-парка?

— Это не судно, а плавучий ресторан; с берегом его соединяет мостик, — сказал мистер Дас и добавил: — Взгляните на вон тот островок на озере. На нем самый мощный в Индии фонтан. Струя бьет на высоту пятьдесят метров. В темное время дается разноцветная подсветка.

— Подъезжаем к Моти Магри, — сказал Гопи. — Но посмотрите направо. Видите скалу, покрытую деревьями и кустарником? Эта местная достопримечательность носит название «сад гуру Говинда Сингха». Вам знакомо это имя?

— Конечно. Это же десятый и последний гуру в плееде сикхских духовных и светских вождей, который ввел приставку «Сингх» («Лев») к имени каждого сикха.

— А также узаконил обязательные внешние отличия для каждого сикха, известные пять «К»: качха — короткие панталоны, надеваемые под верхнюю одежду; кес — длинные волосы; три металлических предмета: канг-

ха — гребень, кара — браслет, кирпан — меч. Не говоря уже о бородах и тюрбанах... — сказал Дас.

— А, вот мы и приехали, — прервал Даса Гопи, — на священную землю, на которой установлен памятник герою Мевара махаране Пратапу Сингху.

Он открыл дверь и первым вышел из машины. Мы последовали за ним и оказались у небольшого дома, филиала туристического бюро.

Я осмотрелся: густая зелень покрывала склоны близлежащих холмов. На ухоженной территории много ярких, красивых цветов. Садовники вложили не только труд, но и фантазию. и многовековой опыт, когда возделывали цветники, клумбы с вьющимися по натянутой проволоке розами...

Когда шофер выключил мотор, наступила тишина, и сразу стали слышны птичьи голоса и легкий шум невидимых фонтанов. Посетителей не было. В этот ранний, утренний час только головы садовников виднелись над кустами.

— Пошли к памятнику махаране Пратапу Сингху, — предложил Гопи. — Моти Магри — это, собственно, название холма, по которому мы сейчас идем. Помните, когда мы ехали в Удайпур, я вам рассказывал о том, что по случаю рождения внука махарана Удай Сингх отправился на торжественное моление. По пути он побывал здесь, и решение о строительстве новой столицы Мевара было принято им на этом месте. Тут и была воздвигнута резиденция махараны — Моти Махал, Жемчужный дворец, пока строился город. А в настоящее время холм является священным местом: люди превратили этот кусочек скалистой земли в цветущий, благоухающий уголок, памятник герою Мевара махаране Пратапу Сингху, сыну Удай Сингха...

Пока Гопи оживленно рассказывал обо всем этом, мы подошли к памятнику. На высоком, из белого мрамора, постаменте на фоне голубого неба возвышался отлитый из металла всадник. Это и был Пратап Сингх, восседающий на своем верном боевом коне Четаке. Не раз помогал он своему хозяину в жарких боях, не раз спасал от ударов мечей и булав, от летящих копий. На многих батальных картинах во дворце я видел этого знаменитого коня, которого в Удайпуре знает каждый ребенок. Весь памятник покрыт черным лаком, однако это не мешало разглядеть даже мелкие детали — гриву коня, уздечку, кольчугу, попону...

Прагап Сингх сидит на своем коне в полном боевом облачении. В правой руке — копьё. Передняя часть древка лежит на круто согнутой шее Четака. В левой руке махараны собраны поводья. Знаменитый двуручный меч махараны висит слева и вплотную прижат к туловищу коня.

И всадник, и конь — олицетворение силы, мужества, спокойствия, уверенности. Чем больше смотришь на памятник, тем больше деталей различаешь. Ноги махараны, обутые в остроносые сапоги, надежно опираются на стремяна... Невольно вспомнилось... Музей во дворце махараджи в городе Джайпуре... Залы, в которых экспонируется оружие, одежда и экипировка воинов, и голос гида: «Общий вес боевого облачения и оружия махараджи составлял более ста килограммов».

Боевому коню Четаку было нелегко скакать во весь опор, неся на спине такой вес. А если еще учесть и защитные металлические сетки и щитки, предохраняющие от ударов меча шею, грудь, бока, спину и круп коня?

Перед памятником небольшой бассейн, наполненный прозрачной водой, из которого бьют фонтаны. На парапете установлены цветные прожектора для подсвечивания в вечернее время.

Позади памятника, над кронами деревьев, возвышаются руины Моти Махал, первой резиденции Удай Сингха.

— Грустное зрелище, не правда ли? — говорит Дас. — Но знаете ли, этот мемориал будет расширяться и достраиваться. Намечают построить музей Прагапа Сингха, библиотеку его имени... Все это дело времени и... денег...

— А теперь вперед, в Сахелион-ки-Бари, Беседку для подружек, — заторопил нас Гопи. — Через несколько минут мы будем у цели, поэтому я сразу начну вводить вас в курс дела. Сахелион-ки-Бари — это самый красивый парк в Удайпуре. Он примыкает к восточному берегу озера Фатех Сагар, так что вода и зелень парка украшают друг друга. Парк был создан во времена правления махараны Санграм Сингха и при его непосредственном участии. Так что еще до своей смерти, в тысяча семьсот тридцать четвертом году, этот правитель Мевара, обладавший отличным вкусом, имел возможность насладиться творением своих рук.

Много лет спустя, уже в начале нашего столетия,

этот замечательный парк реконструировали. Было это во времена правления махараны Фатех Сингха.

— Но скажите, почему парк получил название Беседка для подружек?

— Как говорят, в старые времена в этот парк приезжала жена махараны со своими придворными дамами. Здесь они устраивали спектакли, наслаждаясь полной свободой, веселились от души: бегали наперегонки. Вспомните, какую жизнь вели в Городском дворце женщины. И жена махараны, и ее знатные придворные дамы. Они смотрели во внутренний двор, на озеро, может быть, и на какую-то улицу только через резные мраморные решетки, сами оставаясь невидимыми. Передвижения их были ограничены, жизнь скучной, затворнической. Поэтому в Сахелион-ки-Бари для женщин было раздолье, и они могли наслаждаться полным отдыхом.

Через минуту мы вошли в парк, и я еще раз воочию убедился, что архитекторы, строители, садовники, декораторы создали сотни лет назад такой шедевр, который вызывает восхищение и у их далеких потомков. Цветы на грядках, клумбах, в вазах, цветущие кусты и деревья, ухоженные лужайки, аллеи и дорожки, большой круглый водоем диаметром в полсотни метров с огромными зелеными листьями лотосов на его поверхности. А в центре водоема, как будто упавший с неба высокий фонтан. Его стройная, вертикальная, сужающаяся кверху опора как бы пронзала три большие емкости, похожие на глубокие обеденные тарелки. Они разного диаметра и расположены в горизонтальных плоскостях одна над другой. Самая большая из «тарелок» — нижняя. Она на высоте трех метров над водой. А под нею на круглом фундаменте фонтана, возвышающемся над зеркалом воды, сидят четыре мраморных льва. Задрав морды, они пристально смотрят на посетителей, как бы охраняя подступы к фонтану. Струи бьют над «тарелками», разбиваются о фигурные украшения, обвивающие вертикальную опору, и из заполненной верхней емкости вода сливается в среднюю, затем в нижнюю, а из нее на фундамент. И создается впечатление, что мраморные львы сидят под прозрачным водяным колпаком.

Водоем опоясан невысоким парапетом, из которого выходят наружу металлические патрубки; из них бьют высокие струи воды. Эти патрубки расположены на

расстоянии около шестидесяти сантиметров друг от друга. Их сотни.

Парапет разделен на равные части отступающими от него под прямым углом четыремя площадками, на которых установлены высеченные из монолитных мраморных глыб изображения слонов, каждый высотой около 150 сантиметров. Они как бы пришли на водопад.

Переплетающиеся струи, миллионы капель, падающие с высоты в бассейн, оживляли общую картину, а мраморные слоны, окутанные водяной пылью и освещаемые солнцем, слепили глаза. В водяной взвеси вспыхивали радужные сполохи. Яркие солнечные лучи зажигали их то тут, то там, и они, порадовав своим разноцветьем, исчезали так же мгновенно, как и появлялись.

— А где же Беседка для подружек? — спросил я.

— Не беспокойтесь, мы сейчас пойдем к ней, — ответил Гоги.

Перед нами возник большой квадратный водоем. Внутри его был как бы вставлен круглый бассейн. А в центре его поднимался над водой круглый фундамент, на котором стояли восемь резных колонн, поддерживающих огромный купол. Все это сооружение — от фундамента до флерона, заканчивающегося украшениями, — было сделано из мрамора. При ярком свете великолепно смотрелись резные узоры, орнаменты и украшения. Впечатление усиливалось еще и тем, что эта грандиозная беседка была не чем иным, как чудесным фонтаном: вода хлестала из множества невидимых отверстий, стекала от купола по круглому мраморному козырьку, струилась вниз спиралью, с шумом падала во внутренний круглый бассейн, а оттуда — в квадратный водоем.

Внутри беседки, сквозь водяную пелену, просматривались яркие цветы, растущие в вазонах.

В Сахелион-ки-Бари мы пробыли довольно долго. Осмотрели постройки, обошли территорию. Здесь было спокойно, тихо. Мы любовались цветами, зеленой листвой деревьев, кустов и травой. Шум фонтанов создавал впечатление сильного дождя. Было что-то успокаивающее в этом.

— Пора в обратный путь, — решительным тоном сказал Гоги, и, постучав ногтем по циферблату часов, добавил: — Времени мало, по дороге в гостиницу остано-

вимся у небольшого парка под названием Круг Пателя. Знаете, кто такой Патель?

— Валлабххай Патель — известный деятель партии Индийский Национальный Конгресс, лидер ее правой группировки. Еще в первом правительстве Джавахарлала Неру, после провозглашения Индии доминионом, Патель был назначен министром внутренних дел.

Мы подошли к фонтану поближе. Фонтан в парке Пателя также, как и в Сахелион-ки-Бари, стоит посреди круглого пруда диаметром в 60 метров. А высота центральной опорной части — более 20. Это уникальное сооружение — памятник Валлабхххаю Пателю. Фонтан также «трехтарельчатый», однако совершенно не похож на виденный ранее. Центральную опору венчает изображение огромного, полновесного колоса двухметровой высоты, высеченного из беломраморной глыбы. А из верхней «тарелки» текут в среднюю, затем в нижнюю потоки воды.

Ночью включается ярко-красная подсветка, и на фоне черного неба шипящий и клокочущий фонтан выглядит как живое существо.

Мы снова в машине. Проезжаем по незнакомым улицам, и здесь рисунки на стенах домов, оградах.

— А что это за церковь слева? — спрашиваю я.

— Это католическая церковь святого Павла. При церкви есть школа. Детей воспитывают в строгом религиозном духе, готовя из них убежденных католиков. А справа от нас женская средняя школа...

Машина бежит дальше, и Гопи неторопливо ведет свой рассказ:

— Мы направляемся в парк Саджан Нивас. Он был заложен в Удайпуре более ста лет назад, еще во времена правления махараны Саджан Сингха. Парк занимает около пятидесяти гектаров и отлично распланирован: аллеи, дорожки, газоны, цветники, живые изгороди, вековые и молодые деревья и кусты. Для подробного знакомства с ним нужно минимум часа три. А у нас... — Гопи посмотрел на часы, — двадцать минут.

Так и получилось. Мы обошли территорию парка Саджан Нивас, полюбовались цветниками, осмотрели здание бывшего паркового дворца махараны, прошлись по его залам, заглянули в библиотеку и даже на ходу выпили по чашке кофе в кафе, размещенном там же.

К сожалению, осмотреть парковый дворец у нас не было времени.

... Мы уже давно покинули пределы Удайпура. Вокруг нас темнота. Я за рулем. Впереди — насколько хватает света автомобильных фар — шоссе, шоссе... Минут через тридцать будем в Читторгархе. Когда ехали в Удайпур, я спал и не видел города, его ночных улиц. Но теперь-то я спать не буду...

— Гопи! Через пятнадцать километров по счетчику Читторгарх. Давайте подведем поближе к Башне Победы. Можно посмотреть ее ночью?

— Да, она подсвечена. Но, конечно, архитектурных деталей вы не рассмотрите. Мы уже говорили о Читторгархе по дороге в Удайпур. Добавлю о нем еще несколько слов. В Раджастхане нет более известного, овеянного романтикой города-крепости, чем Читторгарх. Сколько осад он выдержал, сколько людей погибло и в нем и у его неприступных стен! Но памятник, который вы хотите посмотреть, — самый известный. Вообще-то на территории форта находятся две башни: Кирти Стамбха, Башня Славы, и Джайя Стамбха, Башня Победы. Первая из них меньше по размерам, построена купцом-джайном в двенадцатом веке. Она пятиэтажная. И нет ничего удивительного в том, что элегантная Кирти Стамбха украшена скульптурами и орнаментами соответственно религии джайнов. Что же касается Джайя Стамбха, то она была построена правителем Раной Кумбха в память о его победе в тысяча четыреста сороковым году над Махмудом Кхилджи. Ее строительство было завершено в тысяча четыреста шестьдесят восьмом году. Высота девятиэтажной Башни Победы — тридцать семь метров, с нынешний двенадцатиэтажный дом. База башни в основании составляет девять метров. Жаль, что в темноте вы не сможете различить архитектурные украшения этого сооружения, резьбу по камню, многочисленные скульптуры индуистских божеств, изящные колонны, витражи, козырьки, площадки... Внутри башни вьется винтовая лестница, соединяющая этажи.

Гопи был прав. Ничего толком рассмотреть не удалось, (хотя и в темноте башня подавляла своей громадой...

Мы проехали центр Читторгарха. По слабо освещенным улицам шли пешеходы, проезжали велосипедисты, тонги, изредка автомашины. Прошло несколько минут, и я вырулил на шоссе. Теперь до Коты никаких городов уже не будет...

Я долго не мог заснуть в эту ночь, в полудреме все время вспоминал и дворцы — белы лебеди, и Сахелионки-Бари и, казалось, совершенно явственно слышал всплески смеха и звонкие голоса женщин — бедных затворниц, которые могли только изредка беззаботно порезвиться в райском парке на берегу чудесного озера Фатех Сагар. А еще, и это, наверное, уже было сном, я четко увидел, как верный боевой конь Четак спасает великого раджпутского героя Рану Пратапа, вынося его из гущи наседавших на него врагов, в неравной битве с огромным войском могольского императора Акбара...

Что тут удивительного? За два дня получить столько информации, в том числе и сгусток многовековой истории маленького героического народа Мевара, увидеть в музее-дворце множество картин, в большинстве своем с изображением батальных сцен. Теперь народ Мевара, входящего ныне в большой индийский штат Раджастхан, живет мирной жизнью, как и другие народы нашей планеты, трудится на полях и заводах, растит детей, воспитывает в них любовь к родной земле и гордость за ее прошлое и настоящее...

ДЕВИ

Нельзя представить себе Бомбей без рынка Кроуфорд и торговых районов, примыкающих к нему. Название он получил в честь своего основателя — муниципального комиссара города Бомбея Артура Кроуфорда. В этой должности он находился здесь с 1865 по 1871 год. (Ныне рынок переименован и носит имя махараштрийского общественного деятеля Махатмы Дзотиба Пхуле.)

Рынок Кроуфорд — это обособленный район Бомбея, самое оживленное место в городе, где с утра до вечера жизнь бьет ключом, где бурлит многоголосый и разноязычный человеческий поток. Здесь соседствуют два рынка: на одном торгуют промышленными товарами, другой — зеленой. О нем и пойдет речь. Не будет ошибкой, если назвать его «чревом Бомбея». Здесь представлены вся щедрость индийской земли, плоды труда крестьян, овощеводов и садоводов. Несколько на отшибе торгуют мясом и рыбой.

Огромное здание рынка очерчено улицами Дадабхай Наороджи, Локмания Тилак и Палтон, запруженными тачками грузовых рикш, автомашинами, тонгами и толпами пешеходов.

Если пройти через огромный зал зеленого рынка, длиной около 200 метров, в котором разложены овощи и фрукты сотен сортов, и выйти во внутренний двор, то невольно зажмуришься от яркого оперения бесчисленного количества птиц; здесь же можно увидеть обезьян. Со всех сторон доносятся крики, пение, щебет, клекот, говор пернатых. Да, именно говор: продавцы демонстрируют говорящих птиц, главным образом попугаев и майн (индийских скворцов). Майна — очень красивая птица, небольшая, раза в два больше европейского скворца, с иссиня-черными перьями. Они придают ее телу грациозность. Когда майна поворачивает свою красивую головку с выразительными черными глазками, на ее шее становятся видны золотисто-желтые перышки, вспыхивающие в лучах солнца. Клюв птицы как бы окаймлен красной ниточкой, что, безусловно, придает майне особую прелесть. Когда птица на воле, она много времени проводит на земле, быстро бегая по траве на своих длинных, стройных ножках. Из гущи травы она извлекает насекомых и их личинки. Но самое примечательное в этой птице — ее способность воспроизводить человеческую речь. Индийцы говорят, что она произносит правильное и быстрее запоминает слова и фразы, чем попугай. Майна дорого ценится, в особенности если обучена говорить.

А сколько здесь других разновидностей птиц! Певчих, декоративных. Множество. У каждой свои почитатели. А обезьяны? Одни сидят тихо, смирно. Другие — скачут, дерутся, прыгают по клетке. И здесь с утра до вечера толкуются люди. И стар, и млад. Когда я вспоминаю этот рынок, то вспоминаю и Деви, маленького носильщика, кули. Кули трудится с утра до вечера, носит за покупателями тяжелые корзины с овощами и фруктами. Тем и живет.

А когда я вспоминаю Деви, который рос на моих глазах, превращаясь из девятилетнего ребенка в четырнадцатилетнего подростка, то не могу не вспомнить зеленой рынок. Ведь Деви и этот рынок связаны. Мальчику не просуществовать без рынка, а рынок немислим без Деви и еще сотен мальчишек, подобных ему.

Зеленной рынок — это прилавки, полки, ящики, корзины и пирамиды уложенных один к одному помидоров, огурцов, яблок, груш, слив, манго, винограда, ананасов, бананов, лимонов. Это пронзительные голоса продавцов.

С утра до вечера, не умолкая, перед этими ящиками и пирамидами стоят, сидят продавцы, каждый кричит свое, каждый зовет к себе: «Самые лучшие в Индии яблоки!», «Самый сладкий виноград!», «Великолепнейшие помидоры — только что с грядки!». Но существует рыночная этика: продавец, зазывая покупателя, никогда не скажет, что его овощи, фрукты лучше, чем у соседа или визави. Покупатель сам должен выбрать. Присмотрев покупателя, продавец хватается за нож, чтобы — не пугайтесь! — отрезать от «лучшего в Индии яблока» кусочек вам на пробу. Можно отведать, а можно и не пробуя назвать свою цену, уменьшив запрошенную вдвое. Нужно видеть, как «взрывается» продавец. На его лице возмущение, обида, удивление, ирония... А затем:

— Сколько возьмете, сэр? Три кило? Дам скидку. Одно кило? Хорошо. Две рупии, сэр!

Продавец и не собирается назвать реальную цену, для него продажа не только коммерция, это еще и интересная игра, особенно продажа товара европейцу, хуже знающему условия рынка и цены.

— Одна рупия?

Продавец хватается за пакет, проворно укладывает в него яблоки, взвешивает, рьяно демонстрируя, что отпускает товар с «походом», граммов на тридцать-пятьдесят больше, и заключает:

— Одна двадцать пять, сэр. Снова кладет пакет на весы. И вы снова видите, что стрелка уходит за килограммовую отметку.

Покупатель сдаётся. Платит одну рупию 25 пайсов. И вот тут-то продавец отдает пакет с яблоками не вам, а мальчику-носильщику, такому, как Деви. На голове у него круглая корзинка, поставленная на маленькую подушечку; смягчающую давление на темя. Мальчик-носильщик кладет пакет в эту корзину и следует за вами. Как и везде в Азии, в Индии грузы носят на голове. Говорят, так удобнее и руки свободны.

Восьми-двенадцатилетним носильщикам случается таскать такие тяжелые грузы, что иному взрослому не под силу. Когда груз очень тяжелый, мальчики не идут,

а бегут мелким шагом, раскачиваясь, припадая на одну ногу, — так легче. На ходу они кричат, требуя дать им дорогу. Люди сторонятся, увертываются, стараются избежать столкновения. Но бывает, кто-то не успеет посторониться и падает, сбитый с ног. Падает корзина, катятся в разные стороны по зашарканному, грязному полу яблоки, картофелины, апельсины, помидоры. Вспыхивает яростная перепалка, но люди на стороне носильщика, и потерпевший понимает, что дал промашку. А мальчик уже мечется по залу, собирает раскатившееся по полу добро. Все, кто поблизости, спешат помочь ему. Носильщики, друзья мальчика, сноровисто раскладывают фрукты-овощи в пакеты. Если они порваны, то ближайšie к месту происшествия продавцы ссудят целые. Свет не без добрых людей...

Рядом рассерженная хозяйка рассыпанных по полу даров земли. Гнев ее быстро проходит, хотя она и продолжает отчитывать носильщика, но это уже делается порядка ради, на будущее. Мальчик извиняется перед ней, не забывая упомянуть, что виноват все же не он, а беспечный ротозей-покупатель.

...Корзинка снова полна. Кто-либо помогает мальчику водрузить ее на голову, и он продолжает свой полубег-полушаг к выходу из здания рынка.

Бурлит, шумит рынок. Оглушенные гулом выкриков, разговоров, ведущихся одновременно тысячами людей, покупатели сами начинают повышать голос почти до крика. И когда они, сделав покупки, выходят на шумную площадь, им кажется, что здесь очень тихо, несмотря на шум моторов, гудки автомобилей, цоканье копыт, людской говор, крики мальчиков-носильщиков, предлагающих свои услуги.

Вот на этой площади я и познакомился с Деви, приехав как-то с женой на зеленной рынок. Пока я парковался, уже с десятков мальчишек наперебой предлагали услуги в качестве носильщика или сторожа, который будет охранять автомашину, а если нужно, то протрет и вымоет ее, пока нас не будет.

Нам и до этого приходилось бывать на рынке и пользоваться услугами разных мальчиков-носильщиков, но нам рекомендовали иметь «постоянного». Носильщик в деталях знает рынок и экономит вам время, ведет туда, куда нужно. Кроме того, если вы идете со «своим» носильщиком, то другие уже не будут предлагать своих услуг и надоедать вам. Нам с женой объяснили: на

рынке полагается пользоваться услугами носильщика. Свои покупки вы и сами можете донести, верно. И неловко вроде бы «эксплуатировать» мальчишку. Но со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Здесь так принято. Иначе решат, что вы жадный, не хотите дать людям заработать.

И вот мальчишки. Выбираю, как меня научили, двоих:

— Ты пойдешь с нами, а ты присмотри за машиной.

Один сразу отходит к автомобилю, но передо мной стоят двое.

— А ты что ждешь, мальчик? — говорю я тому, который, с моей точки зрения, «лишний». И не знаю еще, что это Деви. А он стоит, смотрит на меня, не уходит. Молчит. Не говорит ни слова и тот, которому я сказал, чтобы шел с нами.

Тогда «лишний» мальчик заговорил:

— Мы всегда работаем в паре, сэр; можно я пойду с вами?

— Пусть идет, — предлагает жена.

— Идем, — соглашаюсь я.

Мальчишки идут впереди, ежесекундно оборачиваются, показывают дорогу, приветливо улыбаются:

— Что будет покупать мэм-сааб? Вы недавно приехали в Бомбей? Мы раньше не видели вас на рынке.

Мы пробираемся вслед за ними в человеческом море и останавливаемся у пирамиды цитрусовых. По тому, как хозяин и продавцы встречают нас, мы понимаем, что маленькие хитрецы привели нас в лавку, где получают грошовые комиссионные за доставку покупателей. И хотя мы в Бомбее недавно, но уже знаем, что в таких лавках отнюдь не лучшие фрукты и овощи.

А продавец уже накладывает в пакет апельсины. Заглядываю внутрь пакета. Обеспокоенный продавец вынимает из него два апельсина и заменяет их другими. Так и есть. Апельсины жухлые, лежалые.

— Знаете что, — говорю мальчишкам, которые делают вид, что ничего не замечают, — мы пойдем вперед, а вы идите за нами.

И мы уходим. Делаем покупки в других лавках и замечаем, что мальчишки делят между собой пакеты с фруктами и овощами.

Говорю им:

— Что вы делите? Тут всего четыре пакета, их мо-

жет нести и один! — и обращаюсь к «лишнему» мальчику: — Не беспокойся, я тебе заплачу, если даже ты ничего не будешь нести.

— Нет, сааб, просто так денег мне не надо. Я ведь не нищий, я работаю и получаю только то, что зарабатываю.

Я разглядываю его: прекрасные черные глаза, миловидное детское лицо, кожа довольно светлая. Одет бедно, но опрятно: белая, кое-где подштопанная рубашка-безрукавка навывпуск, шорты цвета хаки. И, как все мальчишки-носильщики его возраста, босой. Так легко ходить и носить тяжести.

— Как тебя зовут?

— Деви, сэр! Когда снова приедете на рынок, позовите меня.

— А если тебя не будет на месте?

— Спросите у других мальчиков, сааб. Здесь на рынке Кроуфорд меня все знают, они меня найдут.

Так состоялось знакомство с Деви, его друзьями. Я видел его по нескольку раз в месяц. В течение всех пяти лет нашего пребывания в Индии я не переставал удивляться изумительной памяти индийцев на лица, детали разговоров, события. Я не встречал ни одного продавца, который, видя кого-то лишь один раз, не узнал бы через много лет, не помнил бы, что у него в магазине покупали. Так и Деви.

— Помнишь, Деви, — говорила моя жена, — мы как-то ходили с тобой в лавку, где были очень хорошие груши?

— Когда это было, мэм-сааб?

— Наверное, с месяц назад.

— А что покупали там? Только груши или еще что-нибудь?

— Кажется, и виноград.

И Деви уверенно приводил нас в эту самую лавку, одну из множества, хотя за месяц он сопровождал по рынку сотни клиентов.

Помню, в первое время знакомства Деви пускал в ход свои маленькие профессиональные хитрости. Он начинал рассказывать:

— Сегодня у меня очень хороший день, сааб.

— Почему, Деви?

— Как раз перед вашим приездом я ходил с одним англичанином по рынку. Он купил ананасы, манго, бананы — десять дюжин. Полную машину нагрузили.

— И ты один носил все это?

— Зачем один. Еще два мальчика было. Англичанин много заплатил мне — восемь рупий.

— А другим?

— Им пять рупий на двоих.

— Почему же он уплатил тебе больше, чем им?

— Я был главным.

— О, да ты большой босс! И часто ты бываешь «главным»?

— Да. Вот вчера была одна английская леди. Тоже покупала много. Заплатила мне пять рупий, а двум мальчикам — три.

Я знаю, что Деви привирает. Ему девять лет, и он, конечно, немного фантазер и придумщик, как свойственно этому возрасту.

Или вот еще. Встречает нас Деви и говорит:

— Здравствуйте, мэ-сааб, добрый день, сааб! Хорошо, что я поторопился, а то бы не встретился с вами.

— Почему, Деви?

— Знаете, сааб, сегодня один богатый итальянец предложил мне покататься на автомобиле. Два часа возил меня по городу и только что привез обратно. Очень хороший человек, этот итальянец.

Мы смотрим на него. Деви продолжает живописать подробности своей «поездки», а сам отводит глаза в сторону.

Понимаем, что он опять лукавит. Очень хочется ему покататься на машине. Действительно, сотни и сотни этих машин протирал, мыл, стерег Деви, загружал всякой всячиной, а проехаться не приходилось ни на одной из них. Ах малыш, малыш! Ты не решаешься прямо попросить об этом, а у нас не хватает соображения самим предложить тебе прокатиться...

Покончив с покупками, серьезно спрашиваю его:

— Ты не занят, Деви, у тебя есть сейчас время?

— Да, сааб, я свободен, — отвечает он, не понимая еще, к чему я клоню. Он уже заработал себе на рис на сегодня. А о завтрашнем дне и не помышляет.

— Поедешь с нами на Колабу? — спрашиваю. И добавляю, чтобы замаскировать, что я распознал его уловку. — Нам нужно купить кое-что. Ты можешь?

Лицо Деви — зеркало его души. Оно светлеет, озаренное улыбкой.

— Конечно, сааб, помогу! — выпаливает он.

— Садись со мной на переднее сиденье.

Он поспешно садится в «Остин» и торжествуя смотрит на других мальчишек, облепивших нашу машину. Со стоянки выбраться непросто. Но сегодня мы выезжаем, как самые важные персоны после дипломатического приема. С десятков мальчишек жестами останавливают машины, просят водителей притормозить, указывают нам, где проезд свободен. Улыбаются, кивают головами, машут вслед нам руками, корзинами, платками. Представляю, сколько порасскажет им Деви сегодня по возвращении. Фантазии ему не занимать.

До Колабы недалеко, километра четыре. Это одна из двух главных торговых улиц в центре города, где Деви и его друзья почти не бывают. Там им делать нечего. Вся их жизнь и интересы внутри и возле «чрева Бомбея».

В магазины на Колабе таких, как Деви, не пускают, и мальчик в нерешительности останавливается у входа перед охранником-гуркхом, одетым в полувоенную форму цвета хаки, с массивным кинжалом на широком кожаном ремне.

Сам будучи стражем не своего, а хозяйского добра, он полунасмешливо-полусерьезно смотрит на чисто одетого, но явно бедного, босоногого Деви. Таких ему не велено пускать. Он что-то говорит Деви, а мальчик смотрит на меня. Он растерян, не знает, что делать. Он должен следовать за мной, но в то же время не может послушаться грозного гуркха.

Упреждая развитие событий, я говорю:

— Этот мальчик идет со мной.

Гуркх распахивает дверь, и мы внутри магазина. Для Деви это целое событие, глаза его разбегаются. Будет о чем рассказать друзьям.

Потом мы проезжаем по Стрэнд-роуд. Справа — Аравийское море, слева — особняки, отели. В море просматривается слегка затушеванный дымкой остров Элефанта, славящийся своими пещерными храмами со скульптурой триединого бога Шивы-Тримурти — творца, хранителя и разрушителя мира, — высеченной из монолитной скалы. Высота этой статуи — 18 футов. Нигде больше в Индии такого изображения Шивы нет. Храм бога Шивы высечен в VIII веке. В нем много скульптур Шивы: Ардханаришвара, Натараджа — пляшущий Шива, Шива Йогешвара и другие. Там также

находится изображение Ганеши, сына Шивы и Парвати.

— Когда-нибудь съезжу на остров Элефанта, посмотрю это чудо, — говорит мальчик. — А сколько стоит билет на катер? Не страшно на нем плыть?

— Билет стоит не больше двух рупий, а на катере плыть не страшно.

— О, сааб, две рупии — это полдня работы...

Останавливаемся у «Ворот Индии», бывших некогда символом британского могущества. Они сооружены в 1911 году по случаю прибытия в Индию английского короля Георга V. Теперь, после завоевания Индией независимости, «Ворота» обрели другой смысл: через них ушел с индийской земли последний английский солдат...

Мы вышли из машины, чтобы рассмотреть внутри это огромное сооружение, облицовку его свода, поддерживаемого мощными гранитными стенами-опорами, с четырьмя арками — входами внутрь ворот, откуда море видно с трех сторон. От «Ворот Индии» к морю ведет широкая лестница. Здесь расположен причал, откуда пассажирские катера совершают рейсы на остров Элефанта. Напротив причала — памятник Шиваджи, национальному герою маратхов, восседающему на великолепном коне. Шиваджи как бы сдерживает поводьями коня. Этот памятник установлен на месте поверженного с пьедестала короля Георга V.

Едем дальше, беседуем.

— А где твои родители, Деви?

— Они умерли, сааб. Сперва мать, потом отец.

— Когда?

— Точно не знаю, сааб. Мне рассказывала одна старая женщина, у которой я долго жил, что отец умер шесть лет назад. Она сказала, что он был шофером грузовика и погиб в аварии — столкнулся с другим грузовиком.

— А ты помнишь мать и отца?

— Мать не помню, а отца помню. Мои отец и мать — сикхи. Для убедительности Деви вытягивает руку и показывает надетый на нее стальной браслет кара, принадлежность каждого сикха.

— Когда мне исполнится шестнадцать лет, я пойду работать на завод. Постараюсь стать токарем, если не смогу быть шофером, как мой отец.

— Где ты живешь, Деви?

— Там, — отвечает он и показывает в сторону улицы, прячущейся за громадой здания его кормильца-рынка.

— А кто еще живет с тобой?

Девушка называет десяток имен. Это все его товарищи-носильщики.

— Кто у вас старший? Есть у вас старший?

— Да, конечно. Он уже взрослый. Ему семнадцать лет, мы все его слушаемся.

Год шел за годом. Девушка мужал. Стал выше ростом, сильнее. На его овальном светлокожем лице начал пробиваться пушок. Но прогулки на машине он любил по-прежнему.

Особую радость доставляли Девушке поездки по бомбейским улицам в дни больших индийских праздников — Ганешачатуртхи и Дивали. Как он радовался, когда мы приехали с ним на городской пляж Чоупати! Нужно сказать, что день рождения этого слогового бога изобилия, покровителя наук, искусств, ремесел, устранителя препятствий, веселого и толстого Ганеши очень пышно празднуется в штате Махараштра, а главным местом празднования Ганешачатуртхи является Бомбей.

К празднику Ганеши изготавливают множество его глиняных изображений — от маленьких статуэток до огромных, более чем в человеческий рост статуй. Их ярко раскрашивают и драпируют декоративными тканями, украшают браслетами, ожерельями... Большие статуи Ганеши устанавливают на улицах города, и жители в течение трех дней совершают церемонии поклонения, поют гимны в его честь, приносят ему еду, фрукты, молоко — ведь он же бог изобилия.

Так кто же такой Ганеша? Почему его так чтят? Откуда он произошел?

На этот счет у индийцев существует несколько легенд. Одну из них я и рассказал Девушке, который знал и не знал ее. А он рассказал мне другую. Вот первая из них...

Богиня Парвати, жена бога Шивы, долго не имела детей. Она стала молиться богу Вишну и просить его помочь ей. Вняв ее мольбам и гордый тем, что к нему лично обратилась Парвати, жена самого бога Шивы, Вишну решил оказать ей честь и родиться самому в качестве сына богини.

На грандиозном пире в честь новорожденного — необычайно красивого мальчика присутствовали все бо-

ги и богини. Среди них был бог Сани, который остался равнодушным к ребенку и не пожелал даже посмотреть на него. Парвати обиделась на Сани, но он объяснил ей, что боится своей суровой, ревливой супруги, которая проклянет его, если он восхитится кем-нибудь или чем-нибудь. Но мало того — объект его восхищения обязательно распадется на куски. Так обещала ему злая жена. «Но, — горделиво ответила на это Парвати, — мой мальчик не кто иной, как сам великий Вишну!». Убеденный этим доводом богини, Сани безбоязненно взял на руки новорожденного и высказал свое восхищение им. Тут же головка новорожденного отделилась от туловища, мелькнула в воздухе и исчезла. Все приглашенные на торжество боги и богини бросились искать голову мальчика, но тщетны были их усилия. Ее не нашли. Объятая горем и гневом, Парвати прокляла Сани и обратила его в чудище.

Но нужно было принимать самые срочные меры к спасению новорожденного, пока его тело было еще теплым. И вот одного из богов осенила мысль при виде находящегося поблизости слона. Одним ударом меча он отсек ему голову, схватил ее и приставил к телу ребенка... Придворным врачевателям удалось срастить ее с телом мальчика, и он ожил. Но внешность его была теперь совершенно необычной и весьма непривлекательной. Парвати с мольбой обратилась к Шиве, чтобы он возвеличил мальчика. Тот выполнил ее просьбу и назначил его начальником над ганами, легионами. Поэтому ребенку и дали имя Ганеша, что означает — «господин ган». Богиня Парвати была рада за сына и горда им.

— Спасибо за рассказ, сааб, — сказал Девы. — Но я тоже хочу рассказать вам о Ганеше.

У богини Парвати появился сын. Она сама его создала — взяла глину, смешала ее с благовонными маслами и вылепила из этой смеси мальчика. Затем она оживила его. Когда Парвати все это сделала, Шивы не было дома. А когда он возвратился, то увидел, что какой-то очень красивый молодой человек не разрешает ему войти в дом. А сделал это он потому, что мать его, Парвати, купалась в это время и он, как сын, конечно, воспрепятствовал входу в дом незнакомого мужчины, которого видел впервые. Шива рассвирепел, изо всех сил ударил юношу по голове и раздробил ее на куски. Привлеченная шумом, вышла Парвати и увиде-

ла обезглавленного сына, лежащего в крови на траве. Громкие рыдания матери привлекли внимание всех богов и богинь, и они сбежались на гору Кайлаш, где жили Шива и Парвати. Все были в ужасе при виде обезглавленного тела сына богини. Вот тогда-то Вишну вскочил на Гаруду, своего друга орла, и они полетели на поиски какой-либо головы, которая могла бы подойти обезглавленному юноше. Им встретился только слон. Вишну отрубил ему голову, взвалил ее на Гаруду, и они полетели на гору Кайлаш, где и приставили ее к телу сына богини. Чтобы как-то утешить Парвати, боги сделали Ганешу вождем племени Винаяков, второстепенных богов. Поэтому его называют еще и Винаяком. Вот почему у Ганеши слоновья голова.

И Деви умолк.

Был четвертый день месяца бхадрапад, приходящегося на август—сентябрь нашего календаря. В этот день и празднуется Ганешачатуртхи. Дело шло к вечеру, но яркое солнце заливало еще своим щедрым светом огромный пляж и ярко освещало лица не меньше сотни тысяч людей. Со всех улиц, выходящих на набережную Нетаджи Субаш (Марин драйв), двигались, распевая гимны и приплясывая, потоки людей. На руках, тележках, платформах на колесах, подвижных верующими, переносили и перевозили тысячи глиняных Ганешей к воде. Рычали грузовики, на которых стояли огромные, разукрашенные изображения глиняных Ганешей. Через час-два воды Аравийского моря поглотят скульптуры этого бога...

...Дальше и дальше заходили в воду тысячи людей, неся на головах небольших Ганешей. А когда идти уже было нельзя, плыли. Пловец отпускал Ганешу, и он через секунду-другую уходил под воду. Крупногабаритные изображения этого бога отбуксировывались пловцами на плотиках и плотах и бережно погружались в воду в местах «отдохновения» Ганеши.

Деви переполнен впечатлениями. Пробираемся через толпу и идем к автомашине, оставленной в тихой улице за несколько кварталов от пляжа.

... Мириады огней... Весь город иллюминирован. Ярко расцвечены дома, административные здания... Подсвеченные снизу светом прожекторов, они как бы поднимаются над землей. На многих улицах буйствует многоцветная торговая реклама. Вспыхивают, бегут огни, очерчивающие периметры зданий.

Медленно едем с Деви по забитым автомашинами и людьми, залитым светом улицам Бомбея.

... Дивали... Это воистину праздник огня! А сегодня самый веселый и шумный вечер из всех пяти дней его празднования. Грохот взрывов тысяч петард, хлопушек и шутих, бесчисленное количество ракет прочерчивает яркие огненные дорожки в ночном небе. Мы любуемся огнями, фейерверками, всей сказочной обстановкой вокруг нас. Иногда мы видим жилые дома, владельцы которых соблюдают старые обычаи: освещают их фасады не электрическими лампами, а колеблющимися на ветру язычками пламени свечей или горящих фитилей в плошках с горючей жидкостью.

Праздник Дивали⁸ очень почитаем в Индии. Он празднуется пять дней — в два последних дня месяца асвин и три первых дня месяца картик (то есть приходится на конец октября — начало ноября по европейскому календарю). В течение этого праздника совершаются различные обряды. Например, в первый день Дивали, носящий название Дхан Трайодаси (поклонение богатству), торговцы подводят годовые итоги своим делам, приводят в порядок бухгалтерскую отчетность, магазины, лавки, что сопровождается соответствующими церемониями. С этого дня у них начинается новый финансовый год.

Второй день Дивали посвящен победе индуистского бога Кришны⁹ над царем Дармарупадесы Наракасурой, который также известен как демон Нарака. Как повествует легенда, он ненавидел богов и мстил и досаждал им тем, что похищал их дочерей. Всего Нараке удалось похитить 16 тысяч девушек. Многие боги умоляли Кришну защитить их от набегов демона. Вняв их просьбам, он и прибыл в Дармарупадесу, храбро сразился со стражами этого царства — пятиголовым чудовищем Муру и его сыновьями — и в длительном, жестоким бою убил Нараку. Испуская последний вздох, демон обратился к Кришне с предсмертной просьбой: пусть день его гибели всегда празднуется в будущем как день «облегчения и ликования». Его просьба не осталась без внимания. Сотни миллионов индийцев ежегодно участвуют в этом празднике.

В третий день праздника совершается богослужение

---

⁸ Дивали, или Дипавали (санскр.) — много светильников.

⁹ Кришна является воплощением Вишну.

(пуджа), посвященное богине процветания и богатства Лакшми. Она любит чистоту и порядок, поэтому в этот день дома, квартиры, жилища убирают особенно тщательно.

Поклонение Бали, царю асуров, происходит в четвертый день праздника. Это веселый и благостный день. Ведь легенды гласят, что во времена Бали был золотой век всеобщего процветания и благодати. Тысячи и тысячи людей кладут в этот день цветы, сладости, фрукты и другие дары у изображения Бали. Играет музыка, звучат гимны. В песнопениях повторяются слова: «Пусть сгинут все невзгоды, да придет царствие благословенного Бали». Особенно популярен культ царя Бали в штате Махараштра, столицей которого является Бомбей.

Самым шумным, ярким и веселым является пятый день Дивали — Бхай Дудж, или Джамдутия. В этот день все члены семьи собираются вместе, готовится вкусная и, в зависимости от средств, обильная еда. Родственники обмениваются подарками, а вечером зажигаются мириады огней и дети и молодежь, да и взрослые, начинают пальбу во дворах и с крыш домов...

Дивали празднуют многие сотни лет. Легенда гласит, что в ночь коронации великого героя индийского эпоса Рамы, его восхождения на трон царства Айодхья, в честь такого большого праздника зажгли множество огней в городах, селениях, деревнях страны.

Рама также и бог, он является аватарой Вишну. Поклонники этого бога — вишнуиты верят и проповедуют, что справедливое и блистательное правление Рамы избавило мир от духовного мрака: яркие огни символизировали выход человечества из тьмы.

— А знаешь, Деви, как-то я был в Амритсаре — столице и священном городе сикхов в штате Пенджаб. Так вот, там в пятый день Дивали Дарбар Сахив — Золотой храм сикхов расцветивают тысячами огней. Давным-давно, в тысяча шестьсот шестьдесят втором году, в день Джамдутия, как и сегодня, в Амритсар прибыл во главе более чем полусотни сикхских вождей шестой гуру сикхов — Харговинд. Вожди были освобождены из тюрьмы в городе Гвалиоре, в которой томились до этого как пленники могольского палишаха.

Сикхский народ с ликованием встретил своего гуру Харговинда и пятьдесят двух вождей, и в их честь

было зажжено множество огней. Вот с тех пор ежегодно в этот день и устраивается иллюминация в Золотом храме, а тысячи верующих сикхов совершают омовение в бассейне, окружающем храм.

Останавливаю машину у рынка. Свет лампочек, как бы поглощаемый темным каменным корпусом здания, деформирует его контуры. Редкие прохожие идут по тротуарам. Но через несколько часов все начнется вновь... Людской поток хлынет внутрь здания.

Деви выходит из машины и, как всегда, говорит, чуть-чуть наклоняя голову в такт произносимым словам:

— До свидания, сааб, до свидания, мэм-сааб!

— До свидания, Деви...

Нечего и говорить, что мы с женой стали известными личностями среди маленьких носильщиков на зеленом рынке. Стоило нам подъехать к автостоянке, как несколько мальчишек мчались на поиски Деви. В те же считанные разы, когда его не могли разыскать, нас сопровождал кто-нибудь из его ближайших друзей. При этом подменявший Деви мальчик представлялся так:

— Мэм-сааб, я лучший друг Деви. Помните, я уже помогал вам?

— Конечно, помню, ты Раджу.

— Спасибо, сааб, спасибо, мэм-сааб!

А как-то произошел такой случай.

Мы отправились на рынок с одним товарищем, москвичом, прибывшим в Бомбей в короткую командировку. Времени было в обрез. И как назло, мест на автостоянке не оказалось, пришлось приткнуться метрах в двухстах от нее на запруженной людьми и транспортом улице. Но незамеченными мы не остались. Мальчишечий телеграф сработал безотказно, и Деви с одним из своих приятелей появился возле машины в одну минуту.

Москвичу нужно было купить подарки для родственников, а через час нам предстояло провести переговоры с одной из индийских фирм. Поэтому я сказал Деви:

— Вот тебе двадцать рупий. Купи помидоры, огурцы, зелень, бананы, виноград. И возьми такие же груши и сливы, какие позавчера покупал с мэм-сааб. Только смотри, Деви, ты должен быть здесь, у машины, не позже чем через пятьдесят минут. Смотри на часы. Стрелки будут показывать три часа тридцать пять минут. Возьми часы и беги. Понял? Успеешь?

— О да, сааб. Я через двадцать минут буду здесь. И он побежал на рынок, а мы отправились по магазинам. Москвич дивился:

— Как вы могли дать деньги мальчишке? Ну, деньги — ладно. Но отдать швейцарские часы! Это же великий соблазн для него!

— Что вы,— сказал я,— я как-то и не подумал, что это «соблазн». Но это не просто мальчик-носильщик, это же Деви, маленький человек с большой буквы. Вся его жизнь — борьба. И если он выжил, вступив в эту борьбу с трех лет, то теперь он уже в часах не нуждается. Вы плохо знаете детей рынка. Я мог бы проделать то же самое и довериться мальчику, которого знаю намного меньше, чем Деви. Уверен, что и он бы выполнил мою просьбу.

И вот уже мы с покупками на условленном месте, а Деви пока нет. Москвич молчит, курит, с любопытством разглядывает прохожих.

Первым не выдержал мальчик, стороживший машину.

— Что-то случилось, сааб, — сказал мальчик. — Деви уже должен быть здесь. Хотите, я сбегаю за ним?

И москвич заторопился:

— Двадцать пять минут осталось. Успеем доехать до офиса?

— Доедем.

Смотрю на мальчика. Он заметно волнуется. Наверное, он думает о тех возможных вариантах задержки Деви, о которых мне знать не дано. Припоминаю: Деви рассказывал, что иногда старшие по возрасту подростки из чужих групп отнимают заработанные деньги, а при сопротивлении — избивают... Недаром старшим в их группе взрослый парень. У него забот хватает. Он и поддерживает дисциплину среди «своих» мальчишек, и защищает их от более сильных. Но если я знаю лишь кое-что о некоторых сторонах жизни Деви и его товарищей, то мне далеко не ясна жизнь сотен, а может быть, тысяч мальчиков и взрослых, живущих и кормящихся крохами, которые рассыпает перед ними «чрево Бомбея».

А мальчонка переминается с ноги на ногу, готовый рвануться с места.

— Беги за Деви!

Мальчик рванулся.

— Стой, вернись! Беги! Скажи Деви: если что-то за-

держивает его и он не сможет быть здесь через три минуты, я приеду к вечеру. Беги!

Ждать больше некогда. До встречи с фирмой остается двадцать три минуты. Доедем? Ну, опоздаем чуть-чуть, извинимся...

Но что это? Лавируя среди прохожих, бегут Деви, мальчик, стороживший машину, и какой-то взрослый парень. У всех в руках пакеты.

— Сааб, сааб, сэр! Извините, опоздал...

И Деви захлеб рассказывает:

— Я бы все успел. Да только сливы, которые позавчера покупала мэм-сааб, были в одной лавке. А хозяин — вредный старик, его никто не любит. Мэм-сааб платила по восемьдесят пайсов, а он запросил рупию десять. Я очень долго торговался и заплатил девяносто — вот продавец из лавки может подтвердить, что я заплатил девяносто. Старик не отпускал его, я упрямился. А то как бы я доказал?

Парень согласно кивал головой:

Правду, мол, говорит Деви!

— Вот часы, сааб, вот сдача, сэр, — частил Деви, помогая раскладывать пакеты с фруктами на заднем сиденье машины.

— Возьми деньги, Деви. До свидания, мальчики!

Мы уже в офисе, а москвич все не может успокоиться:

— А что бы вы делали, если не дождались мальчишку?..

— Приехал бы на рынок позже.

— Не пойму, на чем основывается ваше доверие.

— На знании людей этой страны вообще и знании мальчика в особенности.

Приближался конец моей пятилетней командировки в Индию.

— Я скоро уезжаю домой, Деви, в Москву.

— А когда приедете обратно, сааб?

— Наверное, никогда.

— Как никогда? Вы уже как-то уезжали, сааб, и возвращались.

— Тогда я ездил в отпуск.

Но ему трудно понять, что такое отпуск. Он знает только дни религиозных праздников.

— Если приедете в Бомбей, приходите на рынок, сааб. Я буду ждать вас.

— Спасибо, Деви. А теперь скажи, что ты думаешь

о своем будущем? Тебе уже четырнадцать. Ты ведь не собираешься стать хокером¹⁰, когда вырастешь?

— Нет, сааб. Когда мне будет шестнадцать, мои товарищи помогут мне устроиться. Хокером я не буду. Я хочу честно работать, как мой отец! Это моя дхарма¹¹. Знаете сказку о карме¹²?

— Нет, расскажи.

— Эту сказку рассказал один мальчик, тоже носильщик. Сам он из штата Химачал-Прадеш. Сейчас ему уже шестнадцать. Он тоже не хочет быть хокером. В Химачал-Прадеше очень почитают бога Шиву и его супругу Парвати. Тамашние жители построили много храмов в их честь. Парвати добра к людям и всегда старается помочь им в беде. Однажды, когда бог и богиня возвращались из дальнего странствия в свое небесное жилище, Парвати спросила Шиву: «Повелитель! Отчего вы так жестоки к людям? Никогда не жалеете страдающих и обездоленных? Не обращаете внимания на их просьбы и мольбы? А ведь на земле живет много людей, у которых нет в достатке даже еды».

И богиня указала на жалкого нищего, бредущего далеко внизу под ними, по пыльной дороге, и попросила помочь ему.

В ответ Шива объяснил супруге свое отношение к нищенству, безделью, безволию. Он сказал, что избавить человека от бед никто не может, ибо он сам, жизнью своей, определяет свою судьбу, — таков закон. Великий Гуру¹³ объяснил ей также, что все это является результатом кармы — деяний и поступков человека, совершенных им в «предыдущей жизни».

Но богиня Парвати очень желала помочь нищему. И тогда Шива, вняв ее просьбам, бросил с высоты небес большой золотой слиток. Слиток упал на пыльную

---

¹⁰ Хокер (от *англ. hawk* — хищная птица, ястреб; переносн. обманщик, мошенник) — уличный торговец. В описываемое время тысячи хокеров торговали на улицах Бомбея различными товарами, в том числе и контрабандными.

¹¹ Дхарма — (*санскр.*) — моральный долг, обязанность, нормы жизни и личного поведения.

¹² Карма (*санскр.* «дело», «деяние») — один из основополагающих принципов индуизма, гласящий, что судьба человека после его смерти, согласно этой религии, очередного его перевоплощения, определяется суммой добрых и дурных поступков в «предыдущей жизни».

¹³ Гуру — учитель, духовный наставник. «Великий Гуру» — один из многочисленных эпитетов Шивы.

дорогу на пути нищего, так что бедняк непременно должен был бы заметить его.

Тем временем нищий тащился по дороге с пустым мешком и размышлял о своей злосчастной доле. Он думал: «Горька моя жизнь, но ведь может быть еще хуже. Вдруг я ослепну? И коли так, смогу ли я ходить незрячий?» И он тут же захотел проверить, сумеет ли обойтись без глаз. Смежил веки и поплелся дальше с закрытыми глазами, пройдя мимо золотого слитка, валяющегося в пыли.

Парвати, наблюдавшая за этим несчастным человеком, очень опечалилась, увидев, что он не заметил лежащего перед ним сокровища. Шива торжествовал: «Вот, точно так же люди упускают многие возможности, не пытаются воспользоваться ими — не видят их. Лишь результаты плодотворной деятельности вознаграждают человека. Теперь вы согласны со мной?»

Богиня Парвати кивнула в знак согласия, хотя в глубине души очень жалела нищего.

— Вот и все, — заключил Деви, закончив сказку, с помощью которой он постарался объяснить мне свое жизненное кредо.

«Ну что ж, — подумал я, — молодец, мальчик. Расти, получи хорошую профессию. Люби и уважай людей, с которыми тебе придется бок о бок трудиться, добывая свое счастье».

... Минуло одиннадцать лет, и неожиданно я получил предложение опять отправиться в длительную командировку в Индию.

Снова Бомбей. Снова едем на рынок. Теперь он уже носит имя Махатмы Дзотиба Пхуле — видного общественного деятеля штата Махараштра. Понимаем, что Деви здесь не найти. Ему сейчас двадцать пять, и он уже не Деви, а Девиндер Сингх. Но, может, кто-нибудь расскажет нам о нем? Нет, никто ничего не знает.

Прошло время, мы возвратились в Москву, полагая, что распрощались с Бомбеем уже навсегда.

Но вот в начале 1980 года самолет «Аэрофлота» снова доставил меня в Индию, в краткосрочную командировку на десять дней.

В Бомбее у нас с сослуживцем два часа свободного времени. Мой товарищ впервые в Индии. Как же не показать ему «чрево Бомбея»? Заглядываю в знакомую лавку, и вдруг...

— А знаете, сэр, примерно через год после вашего

отъезда Деви заходил ко мне. Я его и не узнал. Стоит передо мной незнакомый сикх в тюрбане голубого цвета и говорит: «Не узнаете? Я — Девиндер Сингх, Деви». Я рассказал ему, что вы искали его. Уж как он горевал, что не пришлось вам увидеться! Говорит, не думал, что может вас встретить снова, — вы сказали, что никогда уже в Индию не приедете. Помнит он вас, и мэм-сааб помнит!

— И где он теперь, что делает?

— Живет в районе Ахмедабада. Работает шофером на большом грузовике. Двое детей — мальчики. Говорил, что стал шофером потому, что хотел быть таким, как его отец.

— А не оставил он своего адреса?

— Нет. Мы не подумали об этом.

— А как он выглядит?

— Выше среднего роста, плотный. Сикх как сикх, со всеми признаками на «К».

Благодарю лавочника, прошу: если Девиндер Сингх когда-нибудь зайдет к нему, передать ему от меня и жены, что мы тоже о нем вспоминаем и рады за него. Пусть исполнятся все его желания.

Вот и все, что удалось мне узнать о Деви, Девиндере Сингхе. Не так уж и мало. Главное я знаю: он осуществил, что задумал, он — хозяин своей судьбы.

ИСКРЕННОСТЬ ДРУЖБЫ

Реальный социализм породил ряд феноменов, неизвестных всей предшествующей истории человечества. Таков, например, невиданный уровень культурного общения народов, принципиально изменившийся характер международных отношений. Начало этому было положено Великим Октябрем, первым словом Советской власти — словом о мире, обращенным ко всем народам планеты, к народам, которые до того времени представлялись заправилам капиталистического мира лишь объектами колониальной эксплуатации. Трудящиеся Советской России обратились к ним как к субъектам исторического действия, проявив готовность и к политическому, и к экономическому сотрудничеству, равноправному, взаимовыгодному, дружественному сотрудничеству. Помощь, оказанная советской страной народам Афганистана, Турции, Китая, Монголии и других стран Востока, и в политической, и в экономической сфере обозначала реальность политики мира и сотрудничества народов, их мирного сосуществования и добрососедства.

Историческая победа советского народа над германским фашизмом и японским милитаризмом стимулировала подъем национально-освободительного движения, приведшего к распаду колониальной системы империализма. Вместо прежних колоний возник целый ряд молодых, развивающихся государств, жизнь которых была обременена грузом колониального наследия и феодальных пережитков. Народы этих государств оказались перед необходимостью решать серьезные социальные и экономические проблемы, возрождать и строить свою национальную культуру на демократических основах, во имя новой жизни.

И в этом на помощь им пришли Советский Союз и другие страны социализма с их бескорыстным конструктивным сотрудничеством. Оно стало для советского народа национальным делом, вовлекшим громадные трудовые коллективы, многие тысячи специалистов разных областей народного хозяйства и культуры. В прямое общение пришли широкие массы разноязычных людей, тех, кто уже обладал могучим опытом социалистического строительства, и тех, кто только приступал к преодолению вековой отсталости, причем в общении трудовое на разных широтах и долготах.

Именно трудовое общение придало взаимному дружескому тяготению, исторически подготовленному, материальное выражение и в величественных проектах, претворявшихся в дамбы и плотины, в институты и лаборатории, и в разных формах связей — научных, культурных, торговых и тому подобных. Сколько советских людей приняло участие в этих благородных свершениях, трудно сказать. Но сколько бы их ни было, каждый из них демонстрировал советский образ жизни и вместе с тем обогащал свой опыт познанием образа жизни, истории, культуры людей страны, куда привел его высокий интернациональный долг.

Автор предлагаемой вниманию читателя книги В. М. Кудинов длительное время работал в наших внешнеторговых организациях за рубежом, в частности в Индии и Австралии. В очерках, включенных в книгу, он передал свои непосредственные впечатления от стран, в которых побывал, причем в центре его внимания стоят люди. Это выгодно отличает книгу от обычных путевых заметок, где внешнее, подчас очень экзотичное и пышное, идет ли речь о природе или о селах и городах, затмевает живых людей, через которых, собственно, и реализуются социальные и экономические преобразования.

Книга как бы подразделена на две части — очерки, связанные с работой автора в Австралии, и очерки, навеянные индийскими впечатлениями.

Австралийский континент представлен четырьмя очерками: «Возвратиться к потомкам...», «Кэлпи есть кэлпи!», «Тени облаков и белый жемчуг бухты Кури» и «Четвертое поколение». Они содержат много интересных и мало известных широкому читателю подробностей о жизни людей на далеком континенте. Первый из них — повествование о поездке автора в поселок австралийских аборигенов в предместье Сиднея. Их судьба — едва ли не самая горькая среди народов, оказавшихся под железной пятой колониализма. О ней автор узнает при встрече с одним из них — Джоэ Тимбери, человеком гордым и талантливым, который достойно хранит и отстаивает древнюю культуру своего народа в нелегких условиях его сегодняшней жизни. Сообщаемые автором сведения об открытии европейцами Австралии, начале освоения ими этого обширного континента, численности аборигенов и другая информация значительно обогащают наши представления об Австралии. Уже само ее название вызывает у нас представления о бумеранге, этом удивительном оружии аборигенов, сгустке их многовекового — не побоимся употребить это слово — технологического опыта. Очерк включает легенду о происхождении бумеранга, много интересного рассказано в этой связи об изготовлении и употреблении бумеранга.

Согласно референдуму 1967 года расовая дискриминация отменена и австралийские аборигены получили гражданские права. Но им все еще приходится вести борьбу за признание за ними земельных прав, против произвола транснациональных корпораций. Последняя приобретает в контексте современной международной ситуации особое значение, поскольку связана с добычей урана на территории Северной Австралии, на землях, где извечно обитали аборигены.

Значительная часть населения Австралии занята в овцеводстве, одной из важнейших областей ее сельского хозяйства. Очерк «Кэлпи есть кэлпи!» внешне как будто посвящен собакам кэлпи, верным помощникам австралийских овцеводов. Но в нем удачно подмечен ряд черт национального характера австралийцев.

Третий «австралийский» очерк рассказывает о ловцах жемчуга западного побережья Австралии, о производстве культивированного жемчуга. Как и в других очерках, здесь уделено большое место и природе, и истории. Несомненный интерес представляет для читателя история открытия самого континента, первых встреч европейцев с аборигенами.

«Четвертое поколение» как бы подхватывает эту тему, продолжая ее историей заселения пятого континента. Она трагична хотя бы потому, что британские власти уже в конце XVIII века стали использовать его как место ссылки. Первыми оказались шотландцы,

боровшиеся за свободу родины, за ними последовали ирландцы, участники многочисленных восстаний против британского гнета, английские крестьяне и рабочие, выступавшие против социального гнета, чартисты, канадские французы и так далее.

Герой очерка — водитель автопоезда, рабочий, бывалый человек, во время войны ему довелось побывать в Мурманске в составе конвой кораблей емузников, доставлявших оружие, и увезти оттуда в своей памяти наши песни военной поры. Ярко, объемно автор написал портрет своего героя, потомка — в четвертом поколении — одного из ссыльных, рабочего, гордого своим делом, любящего свою родину, ее людей.

Очерк завершается легендой о кукабарре, как бы возвращающей читателя к первому австралийскому очерку.

Вторая часть книги автора посвящена Индии. Она начинается очерком «Гопи и королева Аравийского моря». Очерк посвящен представителю иного социального слоя, деловых кругов, с кем автор находился в постоянном контакте, обеспечивая закупки товаров традиционного индийского экспорта для Советского Союза. Размах его деятельности широк, автору приходилось встречаться с ним и совершать поездки в разных штатах Индии. Гопи — образец торгового партнера, обладающего высоким чувством ответственности, человек слова, воплощаемого в дело. Он — патриот, искренне любящий свою страну, свой народ, понимающий общенациональный характер своей деятельности.

Общение с ним автора разносторонне. В ходе контактов Гопи знакомит автора с историей различных исторических и культурных центров. Читатель оказывается лицом к лицу с различными историческими личностями, с событиями двухтысячелетней давности. Рассказы Гопи красочны, насыщены фольклором, вполне уживающимся со сведениями о социальной и политической жизни, с описанием традиционного театрального представления, праздничных лодочных гонок. Во всех повествованиях присутствует природа, всегда конкретная, яркая, по-своему участвующая в ситуации.

В рамках этой книги особенно ярко выступают два штата Республики Индии — Керала и Раджастхан. Народы малаялам (штат Керала) и раджастханцы (штат Раджастхан) вписали немало ярких страниц в освободительную борьбу как против феодальных порядков, так и против британского колониализма. Повествование открывает читателю много подробностей, которые далеко не всегда можно найти в специальных работах по истории Индии. Заметим также, что все рассказываемое Гопи об истории его родины — свидетельство серьезного отношения индийской интеллигенции к прошлому, ее стремления осознать его уроки, главнейшим из которых является необходимость всемерного укрепления единства страны, ее всестороннего развития как одной из великих держав современности, играющей столь важную роль в укреплении мира.

В третьем очерке перед читателем предстает живо написанная картина шумного бомбейского рынка, в суете которого и происходит знакомство с героем очерка — мальчиком-пенджабцем, родителей которого судьба забросила довольно далеко от их родного Пенджаба. Мальчик подрабатывает тем, что помогает покупателям, поднося их покупки к машине, а если понадобится, то и до дома. Деви разделяет судьбу большинства своих сверстников, начинающих зарабатывать на жизнь с малых лет. Прекрасно рассказал об этой части населения многомиллионной страны В. М. Кудинов. На протяжении ряда лет наблюдавший этого юного гражданина Индии, автор убе-

дительно показал, как формировался моральный облик честного труженика в хаосе крупнейшего в Бомбее рынка Кроуфорд, где деньги решают судьбы людские, где не только рынок, но и штаб-квартиры монополистических концернов насыщают саму атмосферу духом чистогана. И в этой атмосфере особенно поражает позиция — именно позиция — «я работаю и получаю только то, что зарабатываю», которую формулирует Деви: он бедняк, но не нищий. Деви уже осознал свое человеческое достоинство. Видимо, по возрасту он — ровесник индийской независимости. И образ Деви символичен, он — росток рабочего класса независимой Индии. Деви — не исключение, его образ — типический, обобщенный образ того нового, что стало характерным для социального развития освободившихся стран.

Выступая 21 мая 1985 года на торжественном обеде в Кремле, премьер-министр Индии Раджив Ганди, охарактеризовав успехи, достигнутые в осуществлении пути национального развития страны, предначертанного Джавахарлалом Неру и Индирой Ганди, особо подчеркнул необходимость создания новых рабочих мест, «обеспечивая более полные возможности для использования созидательного потенциала нашего народа» («Правда», 22 мая 1985 года). В этом, конечно, молодежь страны, подобная Деви, сыграет свою достойную роль.

Разумеется, Австралия и Индия хотя и входят в Британское содружество наций, но принципиально отличаются друг от друга. Отличаются и условия, в которых довелось работать в каждой из этих стран автору очерков. Но все то, что приходилось делать ему, как тысячам и тысячам советских людей в других странах, свидетельствует об искренности дружбы советских людей, об их готовности к бескорыстной помощи, к деловому сотрудничеству. В этом — важная сторона интернационализма, составной части духовного облика советского человека.

*И. Д. Серебряков,
В. П. Николаев*

СОДЕРЖАНИЕ

АВСТРАЛИЯ

...Возвратиться к потомкам...	3
Кэлпи есть кэлпи!	31
«Тени облаков» и белый жемчуг бухты Кури	42
Четвертое поколение	56
индия	
Гопи и «Королева Аравийского моря»	70
Дворцы — белы лебеди	103
Девы	136
<i>И. Д. Серебряков, В. П. Николаев.</i> Искренность дружбы	156

Владимир Михайлович Кудинов

НА РАЗНЫХ ШИРОТАХ, ДОЛГОТАХ...

Утверждено к печати Редакцией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор *Л. З. Шварц*. Младший редактор *Н. Н. Соколова*. Художник *Н. П. Ларский*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *В. П. Стуковнина*. Корректор *И. И. Чернышева*

ИБ № 15304

Сдано в набор 12.03.85. Подписано к печати 08.08.85. А-02590. Формат 81×108^{1/2}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 8,4+0,84 вкл. на мелованной бумаге. Усл. кр.-отт. 9,77. Уч.-изд. л. 9,83. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5649. Зак. № 271. Цена 65 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Все актеры — участники катхакали — для большей выразительности используют комбинации жестов, хаста абхинайя, мимику, раса, и пластические телодвижения, ангах абхинайя. Лица актеров раскрашены красками, и каждый цвет соответствует определенному действующему лицу. Зрители сразу узнают персонажи. Например: зеленая краска присуща положительным героям — раджам, богам, черная — варварам; серповидный узор на зеленом символизирует характер героический, но злой. Белым цветом передают мягкий характер...